

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование **Human. Culture. Education**

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 4 (42) 2021

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, Томск);

Бархасанова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; Русская христианская гуманитарная академия (Россия, Санкт-Петербург);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Россия, Улан-Удэ);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Россия, Якутск);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, профессор института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто (Россия, Сыктывкар; Канада, Торонто);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Коробейникова Лариса Александровна, доктор философских наук, профессор института искусств и культуры Томского государственного университета (Россия, Томск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме;

Лю Лэи, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно, директор международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» (Италия, Салерно);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Николс Лоуренс Т., доктор социологии, профессор социологии университета Западной Виргинии, департамента социологии и антропологии (США);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сурво Арно, доктор философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, доктор философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета (Россия, Чита).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Гудырева Любовь Васильевна, кандидат филологических наук, руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Гуляева Сабина Тахировна, старший преподаватель кафедры информационных систем института точных наук и информационных технологий Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: lrudenko@bk.ru

Подписной индекс журнала в объединенном каталоге "Пресса России" — 94103.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2021.

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophy, Professor. Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elizaveta A. Barakhsanova, Doctor of Education, Professor. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Elena E. Brazgovskaia, Doctor of Philology, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Education, Professor, Director of The Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Uliana A. Vinokurova, Doctor of Sociology, Professor. Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Sergei A. Goncharov, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Saint Petersburg);

Igor L. Zherebtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg University; Professor of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Ziuzev, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Science and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; employee of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Dalius Jonkus, DSc in Philosophy, Professor. Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Larisa A. Korobeinikova, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Arts and Culture, Tomsk State University (Russia, Tomsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culturology, Associate Professor of the Department of theory and history of culture of St.-Petersburg State Institute of Culture; senior methodologist of the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House;

Liu Leyi, professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno. Director of International Centre for Studies and Research 'Mediterranean Knowledge' (Italy, Salerno);

Liubov M. Mosolova, Ph. D. in Art history, Professor Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Lawrence T. Nichols, Ph. D. in Sociology, Professor of Sociology. Department of Sociology and Anthropology, West Virginia University (USA);

Thoe Scott, Ph. D, Professor. Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Arno Survo, Ph. D, Associate Professor. Department of Folklore Studies, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Vera V. Survo, Ph. D, Professor, Researcher. Department of Ethnology, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Grigory L. Tulchinsky, Ph. D, Professor. Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Ph. D, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Iurii P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Education, Professor. Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Ph. D, Professor, Deputy Director. Expert Analytical Center for Developing Educational Systems in the field of Culture, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Russia, Moscow);

Klavdiia G. Erdyneeva, Ph. D, Professor, Head of the Pedagogy Department. Transbaikalian State University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Lubov V. Gudyreva, Candidate of Philology,
Head of the Publishing House of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Elena P. Belkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate, Professor
of the Foreign Languages Department of the Institute of Foreign Languages
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Sabina T. Gulyaeva, Senior lecturer of the Information Systems Department
of the Institute of Exact Sciences and Information Technologies
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, leading editor of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: *lrudenko@bk.ru*

Subscription reference of the journal in the union catalogue "Press of Russia" is 94103.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Смоленков О. В. Британский историк религии Ниниан Смарт (1927—2001) и его концепция секулярного образования в области религии10

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бознак О. А. Религиозный экфрасис в произведении С. П. Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь».....26

Иванов С. В., Пилипенко В. А. Естественно-исторические очерки медицинского музееведения.....43

Иткулов С. З. Языковой нонсенс и языковая норма: проблема отношения к смыслу.....80

Леонов И. В., Кириллов И. В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России.....90

Лютынский А. М. Текст в уголовном судопроизводстве: некоторые междисциплинарные аспекты.....109

Попов И. В. Особенности интерпретации сюжетно-образного ряда произведений русской литературы XIX века в творчестве Робера Брессона.....126

Шевяков Е.Г., Чичерина Ю.В., Маталова С.В., Гаврилова В.В. Образовательные коммуникации в условиях пандемии Covid-19: культурологический аспект.....140

ПЕДАГОГИКА

Сажина С. Д., Герцберг М. В. Актуальные проблемы подготовки специалистов специального (дефектологического) образования.....155

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Федуленкова Т. Н., Авдеева Н. А. От культуры языка к культуре общения: прагматика, психология, дидактика (Рецензия на книгу: Воробьева О. И., Зотова Е. М., Худякова О. Н.: Русский язык и культура речи в медицинской практике: учебно-методическое пособие. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2021, 168 с.).....171

Забулионите А.-К. И. Полемика о перспективах российской культурологии: двадцать лет спустя. По материалам круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума.....181

CONTENTS

PHILOSOPHY OF CULTURE

Smolenkov O. V. Ninian Smart, British Historian of Religion (1927–2001) and his Concept of Secular Religious Education.....	10
--	----

CULTUROLOGY

Boznak O. A. Religious Ecphrasis in the Work “A Trip to Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevyorev.....	26
Ivanov S. V., Pilipenko V. A. Natural History Essays in Medical Museology.....	43
Itkulov S. Z. Language Nonsense and Language Norm: the Issue of Attitude To-wards Meaning.....	80
Leonov I. V., Kirillov I. V. «Phantom Villages» in the Cultural Memory of Russia.....	90
Liutynskii A. M. Text in Criminal Proceedings: Some Interdisciplinary Aspects.....	109
Popov I. V. Interpretation Specifics of the Plot-Driven Imagery of Works from Russian Literature of the 19th Century in Robert Bresson’s Cinematographic Work.....	126
Evgeny G. Shevyakov, Yulia V. Chicherina, Svetlana V. Matalova, Vera V. Gavrilova. Pedagogical Communication during the Covid-19 Pandemic: Cultural Dimension.....	140

PEDAGOGY

Sazhina S. D., Gertsberg M. V. Relevant Issues of Training Specialists in Special (De-fectological) Education.....	155
---	-----

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Fedulenkova T. N., Avdeyeva N. A. From Language Culture to Communication Culture: Pragmatics, Psychology, Didactics. Book Review: Vorobyeva O. I., Zotova E. M., Khudyakova O. N.: Russian Language and Speech Culture in Medical Practice: guidance manual. Arkhangelsk: Publishing house of the Northern State Medical University, 2021, 168 p.	171
Zabulionite A.-K. I. Polemics on Future Expectations of Russian Culture-study: 20 Years Afterwards. Following the Round-table Discussions in the Framework of the Third St. Petersburg International Culture-study Symposium.....	181

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Original article

УДК 291.11

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-10>

Британский историк религии Ниниан Смарт (1927—2001) и его концепция секулярного образования в области религии

Смоленков Олег Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, smolenkovoleg_spb@mail.ru

***Аннотация.** Статья посвящена концепции секулярного образования в области религии. Целью статьи является анализ вклада британского историка религии Ниниана Смarta в становление образования о религии в странах Европы во второй половине прошлого века. Смарт добивался перехода от религиозного образования к образованию о религии. Такой подход призван обеспечивать информирование о религии вместо индоктринации учащихся. Подход Смarta назывался «феноменологическим». Новая методика должна была способствовать диалогу мировоззрений и видеть религию многоаспектной. Смарт призывал коллег соблюдать нейтральность и придерживаться ценностей секулярного общества, но не пропагандировать атеизм. Исследователь предлагал признавать одинаковую значимость различных религий, но больше внимания уделять*

мировым религиям. Сمارт призвал опираться на логику религиозоведческих исследований при составлении учебной программы. Секулярное образование в области религии было призвано воспитывать толерантность к другим жизненным позициям и готовить учащихся к выбору собственных убеждений. Смарт указывал на отсутствие преемственности между разными ступенями обучения и стремился добиться баланса. Однако он не предлагал методов практической реализации своих рекомендаций в сфере школьного образования, а лишь говорил о необходимости базовых знаний о религии для каждого учащегося. Далеко не все исследователи были согласны с его рекомендациями. Предполагалось, что образование в сфере религии нуждается в более критической методологии, отличной от «феноменологического» подхода Смарта. В результате исследования делается вывод о том, что подход Смарта подвергался вполне обоснованной критике за упрощение концепта религии и в полной мере реализовать предложенные им идеи оказалось невозможно, хотя их влияние стало весьма существенным.

Ключевые слова: индоктринация, Ниниан Смарт, внеконфессиональное образование, мировоззрения, религиозное образование, феноменология религии, секулярное образование

Для цитирования: Смоленков О. В. Британский историк религии Ниниан Смарт (1927—2001) и его концепция секулярного образования в области религии // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 10—25. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-10>.

Ninian Smart, British Historian of Religion (1927—2001) and His Concept of Secular Religious Education

Oleg V. Smolenkov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, smolenkovoleg_spb@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the concept of secular education in the field of religion. The purpose of this article is to analyze the contribution of Ninian Smart, a British historian of religion to the development of education about religion in European countries in the second half of the last century. Smart insisted on transition from religious education to education about religion. Such an approach was intended to provide information about religion instead of indoctrination of students. Smart's approach was called "phenomenological". The new methodology was made to facilitate the dialogue of worldviews and present religion as multidimensional. Smart persuaded his colleagues to be natural and support the values of secular society, but not to promote atheism. The scholar suggested to recognize the equal importance of various religions, but to pay more attention to the world*

religions. Smart urged to rely on the logic of religious studies in preparation of a curriculum. Secular education of religion was designed to nurture tolerance to other life positions and prepare students for the choice of their own beliefs. Smart pointed out the lack of continuity between different levels of education and wanted to achieve a balance. However, he did not offer methods of practical implementation of his recommendations in the field of school education, but only promoted the necessity in the basic knowledge about religion for each student. Not all scholars agreed with his recommendations. It was supposed that religious education requires more critical methodology in contrast to Smart's "phenomenological" approach. As a result of the study it is concluded that Smart's approach was subjected to quite reasonable criticism for oversimplification of the concept of religion and it was proved to be impossible to fully implement his ideas, although their influence has become very significant.

Keywords: indoctrination, Ninian Smart, non—confessional education, worldviews, religious education, phenomenology of religion, secular education

For citation: Smolenkov O. V. Ninian Smart, British historian of religion (1927—2001) and his concept of secular religious education. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2021(4):10—25 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-10>.

Введение. Вклад британского религиоведа Ниниана Смарта (1927—2001) в развитие образования о религии изучен недостаточно и представляет значительный интерес в контексте современных трансформаций российского образования в сфере религии как в школьной, так и в университетской практике. В связи этим целью представленной статьи является анализ вклада исследователя в становление образования о религии в странах Европы во второй половине прошлого века. Для этого необходимо решение следующих задач: обозначить возражения Смарта против конфессионального подхода к образованию о религии; объяснить специфику концепции секулярного образования в области религии; выявить проблемные аспекты в подходе Смарта.

Работы Н. Смарта 1970-х годов касаются очень важных аспектов межкультурного взаимодействия, возникающих при включении материалов различных религий в программу обучения в сфере преподавания знаний о религии. К сожалению, в англоязычной литературе не всегда столь очевидно показано отличие религиозного образования (religious education) и образования о религии (non-confessional education) [1]. В связи с этим некоторые авторы

вполне могут использовать столь разные по значению термины как практически взаимозаменяемые понятия.

Наиболее полно позиция профессора истории религии Ниниана Смарта представлена в работе «Секулярное образование и логика религиоведения» (1968). В 1971 году в Великобритании была опубликована «Рабочая программа религиозного образования в британских школах», во многом основанная на его предложениях, высказанных в этой работе [2, p. 318].

Методы исследования, теоретическая база. В рамках исследования анализируются не только работы Ниниана Смарта, но и приводятся позиции других англоязычных авторов (Ф. Барнс, Э. Райт, Д. Куш) относительно секулярного образования в области религии. Представленный подход позволяет обозначить основные аспекты концепции Смарта и проследить их связь с процессом изучения различных религий в контексте внеконфессионального образования о религии. Обращение к позициям других авторов помогает выявить проблемные аспекты реализации его подхода и определить значение вклада исследователя. Также рассматриваются рекомендации, которые Смарт предлагал для изменения ситуации в сфере образования о религии, приводятся возражения его коллег относительно их необходимости в условиях секулярного общества.

Результаты исследования и их обсуждение. Смарт говорил о полной неразберихе с терминологией и методологией преподавания религии. Он связывал это с существованием устаревших представлений о том, что нужно преподавать только одну религию, то есть англиканство [3, с. 148]. Он считал необходимым добавить другие «измерения» в религиозное образование, призывал преподавателей познакомить учеников с мировыми религиями, а не ограничиваться лишь изучением локального контекста. По его мнению, «непозволительное допущение» считать, что только одна религия является единственно значимой для общеобразовательного изучения [3, с. 149]. Однако и «мировые религии» выглядят слишком узким понятием. Можно предположить, что ученики нуждаются в более развернутом описании функционирования религии, которое бы выходило за пределы простого описания основных религиозных традиций.

Исследователь призывал отделить моральное образование от религиозного, поскольку считал, что изучение религии и этики

должно быть автономным. Процесс воспитания в государственных школах не должен иметь религиозный характер. Сمارт считал, что современное преподавание знаний о христианстве не может ограничиваться лишь изучением Писания и англиканской доктрины. Образование в области религии он рассматривал не как инструмент воспитания, но как средство просвещения [3, с. 150]. В этом утверждении и раскрывается специфика подхода Смарта. Он должен был способствовать именно информированию о религии и ее анализу как цельного феномена, более многогранного чем отдельные «конфессиональные» интерпретации.

У Ниниана Смарта были сторонники и противники среди англиканских богословов. Так, Джефф Этли подчеркивал необходимость различения между индоктринацией и изучением религии. Причины не замечать это различие для него вполне очевидны, значительную роль в этом процессе, по его мнению, играет конфессиональная заинтересованность отдельных деятелей [4, р. 14]. В отличие от Этли, Филип Барнс указывал, что объективность изучения определяется не мнимым равенством религий, а их значимостью в заданном контексте. По его мнению, христианство должно доминировать в британской школьной программе из-за его влияния на западный культурный контекст [5, р. 76]. Данное утверждение напоминает исследователям о необходимости учитывать существующий контекст изучения религии, но при этом сохранять относительный баланс между различными «измерениями» религии.

Смарт пытался примирить крайности, считая, что христианское богословие нельзя противопоставлять христианскому культурному наследию, которое необходимо понимать во всей его полноте [6, р. 2]. Исследователь призывал не допускать «рационалистической враждебности» к религии в сфере образования, так как ее отрицание вовсе не уменьшает ее значения в обществе [7, р. 103]. По его мнению, ученикам необходимо понять функционирование и религии, и атеизма. Он утверждал, что для отрицания религий нужно их хотя бы сравнить. Можно только согласиться со стремлением Смарта показать взаимосвязь религии и атеизма в рамках образовательной программы. Представляется, что без понимания этого противопоставления преподавание религии не может быть полностью объективным.

Смарт настаивал на том, что образование в области религии должно адаптироваться к развивающемуся мультикультурализму, оно призвано способствовать диалогу религий и разрушению ограниченности и предрассудков. Он напоминал, что такое образование должно информировать и обеспечивать понимание функционирования религий. По мнению Смарта, этот подход должен преодолеть ограниченность западного мира и помочь увидеть многообразие существующих религий. Смарт настаивал на том, что построение программы обучения должно следовать внутренней логике исследований в религиоведении [7, р. 106]. Можно заметить, что акцент на значимости диалога между религиями является достаточно важным аспектом концепции Смарта.

Он полагал, что религиоведение поможет агностикам и теологам. Оно удовлетворит их запросы, вернет интерес учащихся к религиям и покажет их разнообразие. Смарт предполагал, что предубеждение против религиоведения возникает из-за влияния теологии, поскольку образование в сфере религии у многих ассоциировалось с воскресными школами и проповедями [6, р. 8]. Исследователь указывал на сложившееся в Британии противоречие между «христианской» школой и «светским» университетом. Он называл эту ситуацию «шизофренией в образовании», поэтому и хотел добиться баланса между разными уровнями образования в сфере религии [7, р. 90]. Согласно его точке зрения, доктринальное образование лишь умножает проявления атеизма, поскольку школьники не могут быть согласны с принуждением к вере. Скука от устаревшего подхода и гиперчувствительность как результат агрессивного давления рассматривались им как две крайности неэффективного религиозного обучения [7, р. 99]. Можно утверждать, что исследователь стремился примирить крайности и создать некую общую концепцию, которая бы обозначила основные направления развития секулярного образования в области религии.

Смарт обращал внимание на то, что учащимся хочется узнать о других религиях, поэтому изучение религии должно быть многоаспектным. Он считал, что в курс о религии должны быть включены: религиозные доктрины, мифы, этический компонент религии, ритуалы и религиозная практика, изучение социальной структуры религий. Смарт предлагал изучать «мертвые религии», поскольку они составляют значимую часть духовной истории

человечества, также он писал о необходимости увидеть и материальную сторону религии [8, р. 192]. Он призывал проследить связь школы и университета в формировании структуры образования в области религии. Он отмечал, что не все учащиеся станут изучать религию на университетском уровне, но базовые знания о ней необходимы каждому [9, р. 11]. Можно согласиться с тем, что Сمارт не должен был предлагать детальные практические рекомендации по вопросу преподавания религии. Однако само наполнение понятия «базовые знания о религии» представляется достаточно противоречивым, поскольку оно просто не может трактоваться одинаково разными исследователями.

Смарт был убежден, что в школьной практике преподавание знаний о религии игнорировать нельзя, поскольку без него составление адекватной образовательной программы невозможно. Он напоминал, что образование о религии должно затрагивать и экзистенциальные вопросы. В этой связи он предлагал обращать внимание на различные жизненные позиции обучающихся, а также обозначить роль педагогики в этом процессе. Также Смарт считал необходимым проследить связь между религиоведением и религиозным образованием в школах [10, с. 154]. С одной стороны, эти предложения автора указывают на необходимость адаптации программы под условия секулярного общества. С другой же стороны, проблема влияния «жизненных позиций учащихся» на процесс преподавания так и не была решена Смартом.

Согласно британскому «Закону об образовании» (1988), процесс обучения должен способствовать духовному, моральному, культурному, психическому и физическому развитию учеников. В этой связи философ образования Эндрю Райт предложил проанализировать роль религиозного образования в выполнении этих задач [11, р. 10]. Он указал на важность развития у учеников понимания функционирования идеологий. По мнению Райта, исследователи должны понять размышления учеников о ценностях и убеждениях и адаптировать методику под эти требования. Он предлагает приучать школьников к противоречивым интерпретациям различных религиозных феноменов и учить отличать факты от мнений [11, р. 136]. Британская исследовательница религии Дениз Куш убеждена, что религиозное образование нуждается в собственной методологии, поэтому преподавателям

не стоит копировать религиозоведческий подход, предложенный Смартом [12, р. 142]. В этой связи исследователям необходимо обозначить специфику секулярного образования, которая бы смогла заменить идеи Смарта. Однако этого так и не произошло, многие предложения скорее базируются на критике Смарта, но не на радикальном изменении структуры секулярного образования в сфере религии.

Философ образования Роджер Марплс также возражал Смарту, он считал, что образование должно направлять некий поиск высшего смысла, в связи этим необходимо понять его связь с секулярными ценностями. Марплс говорил о необходимости оценить эмоциональное воздействие религиозного образования. Он указывал, что подобный подход может сформировать противоречия между навязываемыми религиозными эмоциями и реальными убеждениями учеников. Марплс убежден, что их нужно защитить от принуждения к вере, а такое образование должно воспитывать толерантность и поддерживать ценности мультикультурализма [13, р. 140]. Он говорил о необходимости воспитывать активных граждан, которые должны избегать скрытой индоктринации [13, р. 143]. Предложения Марплса позволяют обратить внимание на практическую составляющую процесса обучения религии, хотя и построены на критике конфессионального подхода.

Австралийский исследователь Брайан Хилл писал о предпринятых попытках свести проблемы образования в сфере религии к противостоянию теологии и секулярности. С его точки зрения, такая позиция позволяет предельно упростить ситуацию и обвинить систему образования в воспитании безразличия к религии [9, р. 10]. Современное образование, по мнению некоторых исследователей, должно продемонстрировать уважение к секулярным мировоззрениям. Они также считают, что образование должно учитывать тенденции распространения отрицания религии и роста агностицизма [14, р. 249]. Однако многие европейские исследователи убеждены, что если включить в учебную программу презентацию разных мировоззрений, то и потенциальных конфликтов между ними будет меньше. Такое обучение, по их мнению, способно обеспечить мирное сосуществование разных жизненных позиций и содействовать анализу противоречий между ними [14, р. 252]. Сمارт использовал понятие «мировоззрение» (worldview) для

обозначения совокупности религий и секулярных мировоззрений (гуманизм, марксизм и т. д.). Такое достаточно широкое понятие позволяет исследователям не игнорировать специфику секулярного общества, акцентируя внимание на множественности религиозных и нерелигиозных идей.

Смарт призывал коллег сделать религиоведение конкурентоспособным. Он считал, что оно должно способствовать диалогу мировоззрений, хотя и представляется слишком широким понятием для некоторых исследователей [15, р. 385]. Он настаивал на том, что специалисты должны понимать влияние существующих мировоззрений и разрабатывать актуальную образовательную программу, подходящую для глобального общества. Им также делался акцент на фигуре верующего, поскольку студенты и сами могут быть причастными к какой-либо религиозной традиции [7, р. 190]. В этой связи исследователем подчеркивается важность понимания глобальной религиозной ситуации. Его подход интересен именно тем, что Смарт стремился создать некую общую парадигму образования в сфере религии.

Отдельные исследователи указывают, что преподавателям необходимо ориентироваться на существующее законодательство и понимать специфику изучаемой религии. Они считают, что учителям следует знать, какую роль те или иные мировоззрения играют в жизни учеников. Также авторы предлагают использовать наглядные методы, если это возможно. Например, приглашать представителей религиозных общин для знакомства учеников с различными традициями [14, р. 248]. Представляется, что такие практические методы не всегда уместны, поскольку могут выступать как форма скрытой индоктринации.

Подход Смarta назывался отдельными исследователями «феноменологическим», поскольку автор делал акцент на религиозном опыте, а религия им понималась как набор феноменов. Можно сказать, что это название не совсем верно, поскольку оно предельно упрощает концепцию Смarta, которую куда уместнее сводить к секулярному образованию в области религии.

Смарт утверждал, что сравнительное изучение поможет обнаружить своеобразные пересечения в «измерении религиозного опыта» у разных традиций, оно также способствует диалогу религий. Автор считал, что в процессе обучения должна использоваться

типология религиозных феноменов. К примеру, можно провести сравнение религиозных специалистов в рамках разных традиций [8, р. 195]. Автор предлагал адаптировать феноменологию религии под нужды образования. Например, обнаружить некий религиозный опыт у учеников, который, возможно, должен помочь процессу обучения [16, р. 31]. Помимо этого, Смарт обозначил различие между индоктринацией и религиозным образованием. Согласно одному из предложенных определений, индоктринация базируется на утверждении правдивости всех претензий религии на истинность без должных доказательств [16, р. 35]. Смарт вполне можно упрекнуть в стремлении выделить лишь один аспект столь противоречивого феномена, как религия. Стоит заметить, что и само понятие религиозного опыта достаточно сложно для интерпретации, а уж тем более для преподавания.

В свою очередь, Барнс, споря со Смартом, обращает внимание на достаточно противоречивую тенденцию, когда ученики получают много разрозненной информации о религиях вместо акцента на достаточной рефлексии о полученных знаниях. Он предполагает, что феноменология религии, которую использует Смарт, может не подходить как метод для преподавания школьникам. Барнс считает, что им подойдет более ясная и критическая форма передачи информации, поскольку ученикам необходима более цельная картина взаимодействия религиозных и социальных факторов [2, р. 319]. Критические замечания Барнса вполне обоснованы, но предлагаемое Смартом «информирование о религии» выглядит куда более продуманной образовательной стратегией, чем некий «критический» подход Барнса.

Барнс считает, что акцент лишь на истории религии не поможет познанию религии, поэтому нужно освещать современные аспекты ее развития и функционирования. Барнс отмечает, что хотя Смарт связал свой подход к образованию с феноменологией, следует предположить, что образование не должно видеть религию лишь как совокупность феноменов [5, р. 78]. Он полагает, что в подходе Смарт к образованию мало общего с подлинной феноменологией религии, скорее у него речь идет о тематическом сравнении различных религиозных концептов. Барнс критикует идеализированное видение религии сторонниками феноменологии, не считая, что у каждого человека должен быть персональный опыт, который

поможет ему понять религию [6, р. 318]. Таким образом, подход Смарта назывался «феноменологическим» лишь из-за склонности самого автора к феноменологии религии. Скорее, речь шла о неких общих принципах, но не о самой сущности концепции Смарта.

В отличие от Барнса, Пенни Томпсон поддерживает позицию Смарта, она отмечает, что образование не должно множить различия между религиями. Она говорит о необходимости понять, чему нужно учить и на что направлять интерес учащихся в условиях религиозного плюрализма [17, р. 7]. Можно даже дополнить ее вопрос и задуматься о том, кто должен обеспечить баланс между религиоведением и педагогикой в процессе составления образовательной программы.

Смарт полагал, что религиоведение преодолет колониальную ограниченность Запада и откроет новые возможности для сравнения религиозных феноменов [18, р. 174]. Смарта удивляло искусственное, на его взгляд, выделение категории религиозного образования. Он не мог понять, в чем его принципиальное отличие от преподавания других предметов [19, р. 13]. Исследователь утверждал, что мигрантам не нужно специфическое религиозное образование. Он настаивал на том, что образование в сфере религии должно способствовать адаптации вместо поддержки дальнейшей изоляции [19, р. 14]. Смарт указывал, что при изучении религии должны соблюдаться принципы секулярного образования. Важно подчеркнуть, что он указывал именно на необходимость межкультурного диалога, который был бы невозможен без существования некоей секулярной основы образования.

Практического опыта преподавания в школе у Смарта не было. Представляется, что он хотел изменить ситуацию в религиозном образовании, но не саму методику составления программы. Он был убежден, что сравнивать религии также сложно, как и заниматься историей религии. Поэтому он считал, что учителям под силу решить эту задачу, они способны заинтересовать учеников и представить им религию [20, р. 28]. Автор акцентировал внимание на сравнении разных феноменов, и можно предположить, что такой подход вполне подходит для образования в сфере религии.

Исследователь утверждал, что преподавателю необходимо понимание своей локальной религии, знание методологии сравнительного изучения религий [20, р. 29]. Он считал новый тип «рели-

гиозного образования» полезным для религиозных организаций и секулярного общества, поскольку он поддерживает открытость сторон для диалога. Согласно его точке зрения, ситуация секулярности обозначает отсутствие доминирующей идеологии, плюрализм мнений, но вовсе не отсутствие религии [20, p. 30].

В рамках своей образовательной стратегии Смарт никак не определял религию. В результате возникает проблема, что и как необходимо изучать в рамках образования в области религии [17, p. 9]. Получается, что школьники должны сами давать определение религии, хотя, возможно, задача учителя состоит в том, чтобы им в этом помочь. Он должен обозначить наиболее важные аспекты религии, но при этом избегать крайностей. Значимость подхода Смarta состоит в том, что он был призван изменить ситуацию доминирования «конфессионального» образования, дать возможность учащимся изучать именно религию, а не религиозную доктрину.

Подводя итог, важно выделить основные аспекты вклада Смarta в развитие секулярного образования в сфере религии. Его возражения против конфессионального подхода к образованию были вполне обоснованы. Он стремился преодолеть противоречие между религиозным образованием и образованием в сфере религии, показать многообразие религий и отделить их изучение от процесса индоктринации.

Специфика его подхода определяется достаточным акцентом на возможном диалоге религий. Смартom предпринималась попытка обозначить важность изучения мировоззрений и создания некой глобальной концепции образования в сфере религии. Подход Смarta не лишен и некоторых проблемных аспектов. Прежде всего, его концепция возлагает слишком большую ответственность на преподавателя, который должен каким-то образом использовать религиозный опыт учеников и увидеть их «жизненные позиции». Недостаток практических рекомендаций для преподавания, отсутствие четкого определения религии и представления о «базовых знаниях о религии» также позволяет считать концепцию Смarta скорее образовательной стратегией, но не набором рекомендаций для реализации. Важно сказать о том, что эти недостатки не способны уменьшить значение внеконфессионального информирования о религии в контексте

секулярного общества. Концепция секулярного образования в области религии до сих пор остается важным этапом в переходе от религиозного образования к образованию в сфере религии.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что Сمارт стремился изменить саму структуру образования в сфере религии. Он создал модель внеконфессионального образования в области религии, его идеи полезны в глобальном масштабе. Он отделил изучение религии от обучения морали и процесса воспитания, противопоставляя его индоктринации и выделяя информирование учащихся как главную задачу секулярного образования в области религии.

Проблемные аспекты такого подхода вполне очевидны. Представляется, что критика Смартом профессионального образования была более убедительной, чем его предложения. Его рекомендации кажутся достаточно размытыми, а их реализация в глобальном контексте не представляется возможной. Смарт говорил о желаемом и возможном, скорее это были философские размышления о необходимости сбалансированного подхода в рамках образования в области религии. Представляется, что некоторые его рекомендации устарели, поскольку сама структура образования в области религии поменялась за последние десятилетия.

Достаточно сложно предложить действенную альтернативу его рекомендациям. Другие исследователи лишь указывали на значимые факторы реализации процесса изучения религии. Например, необходимо определить наполнение программы даже без должного обращения к «практической составляющей» религии, также должны быть выработаны адекватные критерии для включения тех или иных религиозных «элементов» в программу обучения. Связь подхода Смарта с феноменологией вовсе не уменьшает значение созданной им парадигмы. Можно сказать, что дебаты о специфике изучения разных религий в рамках образовательного курса не были бы столь оживленными, если бы не вклад Ниниана Смарта в развитие концепции секулярного образования в области религии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блинкова А. О. Религиозное образование в Европе в моделях и подходах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2016. № 32(4). С. 120—126.
2. Barnes L. P. The Contribution of Professor Ninian Smart to Religious Education // Religion. 2001. Vol. 31. № 4. P. 317—319.
3. Смарт Н. Исследование религии и образование // Религиоведческие исследования. 2010. № 3—4. С. 143—151.
4. Astley J. The Philosophy of Christian Religious Education. Birmingham: Religious Education Press, 1994. 322 p.
5. Barnes L. P. Education, Religion and Diversity: Developing a New Model of Religious Education. New York: Routledge, 2014. 272 p.
6. Smart N. Religious Studies in the United Kingdom // Religion. 1988. Vol. 18. № 1. P. 1—9.
7. Smart N. Secular Education and the Logic of Religion. London: Faber and Faber, 1968. 108 p.
8. Smart N. Teaching Religion and Religions: The “World Religions” Course // Reflections in the Mirror of Religion / ed. by J. P. Burris. London: Macmillan, 1997. P. 188—196.
9. Hill B. V. Can Religious Education Be Theologically Neutral? // Journal of Christian Education. 1998. Vol. 42. № 1. P. 9—24.
10. Смарт Н. Новый взгляд на религиоведение: Ланкастерская идея // Религиоведческие исследования. 2010. № 3—4. С. 152—154.
11. Wright A. Spirituality and Education. London: Routledge, 2000. 155 p.
12. Cush D. The Relationships between Religious Studies, Religious Education and Theology: Big Brother, Little Sister and the Clerical Uncle? // British Journal of Religious Education. 1999. Vol. 21. № 3. P. 137—146.
13. Marples R. Against Faith Schools: A Philosophical Argument for Children’s Rights // International Journal of Children’s Spirituality. 2005. Vol. 10. № 2. P. 133—147.
14. Gardner R. S., Soules K., Valk J. The Urgent Need for Teacher Preparation in Religious and Secular Worldview Education // The Official Journal of the Religious Education Association. 2017. Vol. 112. № 3. P. 242—254.
15. Smart N. Graduate Education: Some Practical Issues // Soundings: An Interdisciplinary Journal. 1988. Vol. 71. № 2/3. P. 381—388.
16. Dixon C. K. There is an Appetite for Religious Studies Religious Education in the Public Domain // Journal of Christian Education. 2000. Vol. 43. № 1. P. 29—40.
17. Thompson P. Critical Confessionalism for Teaching Religion in Schools: A UK Case Study // Journal of Christian Education. 2003. Vol. 46. № 2. P. 5—16.

18. Smart N. Towards an Agreed Place for Religious Studies in Higher Education // *Concept and Empathy* / ed. by D. Wiebe. London: Macmillan, 1986. P. 163—175.
19. Smart N. What is truth in RE? // *Learning for Living*. 1970. Vol. 10. № 1. P. 13—15.
20. Smart N. The Comparative Study of Religions and the Schools // *Religious Education*. 1969. Vol. 64. № 1. P. 26—30.

References

1. Blinkova A. O. European Religious Education in Models and Approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Filosofiya i Konfliktologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy. Conflict Studies*, 2016, vol. 32, no. 4, pp. 120—126 (In Russ.).
2. Barnes L. P. The Contribution of Professor Ninian Smart to Religious Education. *Journal of Beliefs & Values*. 2015, vol. 36, no. 1. pp. 79—91.
3. Smart N. The Exploration of Religion and Education. *Religiovedcheskie Issledovaniya = Religious Studies*, 2010, no. 3—4, pp. 143—151 (In Russ.).
4. Astley J. *The Philosophy of Christian Religious Education*. Birmingham: Religious Education Press, 1994, 322 p.
5. Barnes L. P. *Education, Religion and Diversity: Developing a New Model of Religious Education*. New York: Routledge, 2014, 272 p.
6. Smart N. Religious Studies in the United Kingdom. *Religion*. 1988, vol. 18, no. 1. pp. 1—9.
7. Smart N. *Secular Education and the Logic of Religion*. London: Faber and Faber, 1968, 108 p.
8. Smart N. Teaching Religion and Religions: The “World Religions” Course. *Reflections in the Mirror of Religion*, ed. by J. P. Burris. London: Macmillan, 1997, pp. 188—196.
9. Hill B. V. Can Religious Education Be Theologically Neutral? *Journal of Christian Education*. 1998, vol. 42, no.1, pp. 9—24.
10. Smart N. A New Look at Religious Studies. *Religiovedcheskie Issledovaniya = Religious Studies*, 2010, no. 3—4, pp. 152—154 (In Russ.).
11. Wright A. *Spirituality and Education*. London: Routledge, 2000, 155 p.
12. Cush D. The Relationships between Religious Studies, Religious Education and Theology: Big Brother, Little Sister and the Clerical Uncle? *British Journal of Religious Education*. 1999, vol. 21, no. 3, pp. 137—146.
13. Marples R. Against Faith Schools: A Philosophical Argument for Children’s Rights. *International Journal of Children’s Spirituality*. 2005, vol. 10, no 2, pp. 133—147.
14. Gardner R. S., Soules K, Valk J. The Urgent Need for Teacher Preparation in Religious and Secular Worldview Education. *The Official Journal of the Religious Education Association*. 2017, vol. 112, no. 3, pp. 242—254.

15. Smart N. Graduate Education: Some Practical Issues. *Soundings: An Interdisciplinary Journal*. 1988, vol. 71, no 2/3, pp. 381—388.

16. Dixon C. K. There is an Appetite for Religious Studies: Religious Education in the Public Domain. *Journal of Christian Education*. 2000, vol. 43, no 1, pp. 29—40.

17. Thompson P. Critical Confessionalism for Teaching Religion in Schools: A UK Case Study. *Journal of Christian Education*. 2003, vol. 46, no 2, pp. 5—16.

18. Smart N. Towards an Agreed Place for Religious Studies in Higher Education, *Concept and Empathy*, ed. by D. Wiebe. London: Macmillan, 1986, pp. 163—175.

19. Smart N. What is truth in RE? *Learning for Living*. 1970, vol. 10, no. 1, pp. 13—15.

20. Smart N. The Comparative Study of Religions and the Schools. *Religious Education*. 1969, vol. 64, no 1. pp. 26—30.

Сведения об авторе / Information about the author

Смоленков Олег Владимирович

Oleg V. Smolenkov

аспирант кафедры философии
религии и религиоведения, Санкт-
Петербургский государственный
университет

PhD student of the Philosophy
of Religion and Religion-Studies
Department of St. Petersburg State
University

Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7—9

7/9, Universitetskaya Emb., St.
Petersburg, 199034, Russian Federa-
tion

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

19.10.2021
21.11.2021
23.11.2021

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-26>

Религиозный экфрасис в произведении С. П. Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь»

Бознак Ольга Анатольевна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, olgaboznak@rambler.ru,
<http://orcid.org/0000-0001-7339-3149>

Аннотация. Религиозный экфрасис — важный жанрообразующий компонент путешествий паломнического типа. Его художественная природа в путешествиях XIX века сложна, так как он не только основывается на взаимодействии разносемантических систем, но и соединяет в себе традиционный для православной культуры эстетический код с индивидуальными творческими установками автора. Целью данного исследования является целостный анализ поэтики и функций религиозного экфрасиса в одном из показательных для жанровой традиции литературы путешествий середины XIX века произведений — «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С.П. Шевырёва в 1847 году» (1850). На примере экфрасиса иконостаса, иконы и храмовой архитектуры, священного пространства монастыря характеризуются

разновидности религиозного экфрасиса, а также его структурные особенности и функции. Анализ поэтики и функции религиозного экфрасиса проводится с опорой на историко-литературный и структурно-семиотический методы исследования текста. В статье показано, что религиозный экфрасис сосуществует в книге наряду с другими типами, в частности искусствоведческим, что связано с жанровой спецификой анализируемого текста, вобравшего в себя черты «ученого путешествия» и паломничества. Проанализирована специфика толковательного и психологического типов религиозного экфрасиса, выявлено присутствие диалогической формы экфрасиса в тексте, раскрыта функция обращений к произведениям духовной словесности в экфрасических фрагментах произведения. Результаты исследования могут быть использованы при анализе феномена религиозного экфрасиса в произведениях паломнической прозы и других жанров, выявлении общих типологических черт данного художественного явления и особенностей индивидуальных творческих задач авторов.

Ключевые слова: С. П. Шевырёв, русская литература XIX века, паломническая проза, религиозный экфрасис, толковательный и психологический экфрасис, диалогический экфрасис, духовная словесность

Для цитирования: Бознак О. А. Религиозный экфрасис в произведении С. П. Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 26—42. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-26>.

Religious Ecphrasis in the Work “A Trip to Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevryov

Olga A. Boznak

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia, olgaboznak@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7339-3149>

Abstract: Religious ecphrasis is an important genre-forming component of pilgrimage travel. Its artistic nature in the travels of the 19th century is complex since it is not only based on the interaction of different-semantic systems, but also combines the aesthetic code traditional for Orthodox culture with the author's individual creative attitudes. The purpose of this study is a holistic analysis of the poetics and functions of religious ecphrasis in one of the works that are indicative of the genre tradition of travel literature in the mid-19th century — “A Trip to Kirillo-Belozersky Monastery. Vacation Days of Professor S.P. Shevryov in 1847” (1850). Based on the example of ecphrasis of the iconostasis, icons and temple architecture, the sacred space of the monastery, varieties of religious ecphrasis, as

well as its structural features and functions, are characterized. The analysis of the poetics and functions of religious ecphrasis is carried out based on the historical-literary and structural-semiotic methods of text research. The article shows that religious ecphrasis coexists in the book along with other types, in particular art criticism associated with genre specificity of the analyzed text which has absorbed features of "scholarly travel" and pilgrimage. The specificity of interpretative and psychological types of religious ecphrasis is analyzed, dialogical form of ecphrasis in the text is revealed, the function of referring to the works of spiritual literature in the ecphrastic fragments of the work is presented. The results of the study can be used to analyze phenomenon of religious ecphrasis in the works of pilgrimage prose and other genres, to identify common typological features of this artistic phenomenon and the characteristics of individual creative tasks of the authors.

Keywords: *S. P. Shevyryov, Russian literature of the 19th century, pilgrimage prose, religious ecphrasis, interpretative and psychological ecphrasis, dialogic ecphrasis, spiritual literature*

For citation: Boznak O. A. Religious ecphrasis in the work "A trip to Kirillo-Bezozersky Monastery" by S. P. Shevyryov. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2021(4):26—42. (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-26>.

Введение. Исследование функции и поэтики экфрасиса в художественной культуре является одной из актуальных проблем современной науки. Заметной тенденцией в изучении экфрасиса становится анализ его места в произведениях, принадлежащих к жанровой традиции паломничества и путешествий, ставшей, по наблюдению Л. Геллера, одним из источников экфрасиса в русской словесности [1, с. 14]. В древнерусских паломничествах, а также в литературных путешествиях «паломнического» типа в культуре Нового времени, совмещающих в себе две жанровых традиции — религиозного паломничества и светского путешествия, весьма значительна роль религиозного экфрасиса.

Его специфика была осмыслена современными учеными в контексте разных жанровых традиций. По определению Л. Геллера, религиозный экфрасис предстает в произведении как «приглашение-побуждение к духовному видению как высшему восприятию мира и восприятию высшего мира, и вместе с тем — принцип сакрализации художественности как гарантии целостности восприятия» [1, с. 19]. Н. Е. Меднис, анализируя данный тип экфрасиса на материале русской поэзии XIX века, подчеркивает, что он

«стремится к расширению умом и сердцем постигаемых границ» [2, с. 61], выражению подтекста произведения. В отличие от других видов экфрасиса, религиозный подчеркивает границу двух миров — земного и небесного — актуализируя духовный смысл текста.

Значение и особенности религиозного экфрасиса в путешествиях паломнического типа XIX века становились предметом специального внимания исследователей: О. Н. Александровой-Осокиной [3; 4], О. Н. Хайруллиной [5], хотя таких работ пока немного. О. Н. Александрова-Осокина, справедливо отмечая сложность экфрасиса как художественного явления, показывает, что в русских паломнических путешествиях его специфика определяется как общим для авторов восприятием мира как храма, так и индивидуальными художественными задачами писателя.

Очевидно, что в синтетичных по своей жанровой природе путешествиях первой половины XIX века наряду с религиозным экфрасисом присутствуют и другие его разновидности, а способы экфрастического построения текста приобретают большое разнообразие. Все это свидетельствует о необходимости самостоятельного и более детального изучения проблемы экфрасиса в произведениях этого жанра.

Предметом анализа в данной статье является религиозный экфрасис в книге поэта, публициста, литературного критика, историка литературы С. П. Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. П. Шевырёва в 1847 году» (1850). Это произведение совмещает в себе черты «ученого» путешествия и паломничества. Двойственность жанровой природы определяет и специфику экфрасиса в книге.

Экфрасис в «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь» как самостоятельная проблема уже становился предметом нашего внимания [6], в частности была рассмотрена специфика научного экфрасиса в книге [7]. На значимость религиозного экфрасиса в книге указывала О. Н. Александрова-Осокина [8]. В данной работе впервые представлен развернутый анализ структурных особенностей и функции религиозного экфрасиса в книге в сопоставлении с другими типами экфрасиса.

Цель работы заключается в целостном анализе поэтики религиозного экфрасиса в «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь»

С. П. Шевырёва, выявлении особенностей его организации и роли в достижении творческой задачи автора.

Методы исследования, теоретическая база. Анализ поэтики и функции религиозного экфрасиса проводится с опорой на историко-литературный и структурно-семиотический методы исследования текста. Использование структурно-семиотического подхода обусловлено предметом исследования. Являясь междисциплинарным феноменом, экфрасис в литературе не только переводит язык одного вида искусства в другой, но и эксплицирует скрытый смысл визуального произведения, определяет характер его интерпретации.

Религиозный экфрасис объектов церковно-христианской культуры предполагает учет традиционно-культурного кода, поэтому в работах, посвященных экфрасису в паломнической прозе, за основу берется типология В. В. Бычкова [9], выделившего несколько типов экфрасиса, в частности толковательный и психологический, характерных для византийской эстетики. Также специфику экфрасиса определяют по типу референта, по преимуществу религиозных объектов, литургического действия, природного пространства. Обоснованность такого подхода очевидна и объясняется следованием авторами паломнической прозы традиции древнерусской словесности, воспринявшей принципы описания церковно-религиозных объектов и предметного мира в целом из византийской традиции, поэтому в данной работе анализ экфрасиса осуществляется в рамках описанного подхода.

Вместе с тем представляется важным проследить и другие структурные особенности экфрасиса, в частности диалогическую природу, описанную в исследовании Н. В. Брагинской [10]. Характер использования автором укорененных в культурной традиции типов и форм экфрасиса в произведениях Нового времени, в том числе и в «Поездке», во многом определяется личностью автора, его идейными установками и творческими задачами, а значит предполагает учет как традиционно-культурного кода, так и индивидуальной позиции создателя произведения.

Теоретической базой исследования явились труды, посвященные поэтике экфрасиса Л. Геллера [1], Н. В. Брагинской [10], Р. Бобрыка [11], В. В. Бычкова [9], А. Лебедева [12], Н. Е. Меднис [2], Е. В. Яценко [13] и др., а также работы, посвященные семиотике

текстов церковно-православного искусства Б. А. Успенского [14] и П. Флоренского [15].

Результаты исследования и их обсуждение. Книга С. П. Шевырёва «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь» (далее — «Поездка». — *О.Б.*) неоднородна в плане жанровой традиции. Это произведение совмещает в себе черты «ученого» путешествия (автор — историк русской словесности — совершает поездку, чтобы познакомиться с фондами библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря) и паломнического (посещая святые места, автор воспринимает и изображает их не только как памятники культуры и истории, но и как священное пространство), чем определяется включение автором в книгу разных типов экфрасиса: научного, культурно-исторического и религиозного. Каждый из названных типов экфрасиса соотносится с определенным структурно-семантическим уровнем текста. Так, например, научный экфрасис появляется в книге в описании памятников библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, а также в словесном изображении-характеристике особенностей храмовой архитектуры, фресок и икон, церковной утвари. Будучи профессиональным филологом, С. П. Шевырёв получил и хорошую искусствоведческую подготовку, потому он осматривает памятники религиозного искусства как ученый-искусствовед: делает наблюдения об иконописных школах, времени создания памятника, особенностях иконного письма и иконографической композиции памятников, специфике храмовой архитектуры. Данный тип описания, как правило, сопровождается словесным анализом произведения и в ряде случаев развернутым комментарием или визуальной цитатой, что является характерным признаком искусствоведческого типа экфрасиса [11].

Другой структурно-семантический уровень книги связан с паломнической традицией. Автор предстает в книге не только как ученый, но и как верующий человек, православный христианин, воспринимающий и изображающий храмы, монастыри, произведения религиозного искусства как священное пространство. На этом уровне произведения реализуется религиозный экфрасис, на специфике которого мы сосредоточим внимание в данной работе.

Не всегда можно провести четкую границу между разными типами экфрасиса, поскольку все изображаемое в книге пространство русской культуры, включая ландшафт, восприни-

мается автором с позиции верующего. Это проявляется, например, в том, что конструируемый в произведении пейзаж приобретает символические функции и его изображение несет на себе черты немиметического толковательного экфрасиса. Вместе с тем часть описаний церковно-религиозных объектов не являются примерами религиозного экфрасиса, поскольку цель его — не «побуждение к духовному видению как высшему восприятию мира» [1, с. 19], а воспроизведение «предметного аспекта произведения» [11, с. 182], изображение объекта как памятника определенного вида искусства, эпохи, художественной школы и т. д. Наиболее показательным примером такого вида экфрасиса в книге является описание иконы «Образ Распятия Господа — Семь Таинств» Спасо-Преображенского храма в Переславле-Залесском [16, с. 69—70] или Васильевских дверей соборной церкви Успенского монастыря в Александрове [16, с. 53—54].

Одним из наиболее показательных примеров религиозного экфрасиса в книге является описание иконостаса собора Успенского монастыря в Александрове. «Свет падал сверху из продольных стекол шеи купола и чудно озарял весь иконостас: давно не испытывал я подобного впечатления. Вся великая тайна Бога Слова, предвечно рожденного, земное воплощение, Царь мира и сонмы небесные Церкви, склоняющиеся с обеих сторон перед неисповедимой тайной Христовой Веры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, апостолы, мученики, исповедники, праотцы — в лучах дневного света являлись мне во всех подробностях и производили на меня то впечатление, которое должен производить иконостас храма — это видимое таинственное небо нашей Церкви» [16, с. 52].

Образ иконостаса создается с помощью перечисления представленных в нем иконописных сюжетов и образов, но, в отличие от научного экфрасиса, здесь нет указаний на время создания, характеристики иконописного стиля. Автор передает свое впечатление, которое воплощает характер восприятия иконостаса как сакрального пространства верующим. Иконостас, писал о. П. Флоренский, «есть граница между миром видимым и миром невидимым», он указывает молящимся на тайны алтаря, символизирующего небо, «место невидимого, область, оторванную от мира, пространство не-от-мирное». Иконостас открывает верующим «вход в иной мир», образы иконостаса — «окна»,

позволяющие увидеть «живых свидетелей Божиих», «явление святых и ангелов» [15, с. 36—41]. Восприятие изображаемого объекта здесь — не эстетическое созерцание, а молитвенное предстояние, позволяющее увидеть духовным взором «таинственное небо нашей Церкви». Такое восприятие образов иконостаса трижды отмечено в самом описании. Иконостас раскрывает предстоящему «великую тайну Бога Слова», «неисповедимую тайну Христовой Веры», «таинственное небо нашей Церкви». Показательно, на наш взгляд, использование глагола «являлись», употребленного в значении «делались явным», «открывались» [17, с. 479], подчеркивающего отмеченную выше специфику восприятия.

В данном фрагменте отчетливо прослеживается одна из особенностей экфрасиса: он переводит в слово не объект, а фиксирует последовательность движения глаз и зрительных впечатлений, создает иконический образ не картины, а видения [1, с. 10]. В приведенном описании иконостаса отчетливо прослеживается направление взгляда. Сначала взгляд воспринимающего устремляется вверх и охватывает объект в целом: «Свет падал сверху из продольных стекол шеи купола и чудно озарял весь иконостас». Дальнейшее перечисление сюжетов и образов иконостаса фиксирует обратное движение глаза: снизу вверх (сначала земное воплощение «Бога Слова, предвечно рожденного» — Благовещение — изображающееся на Царских вратах, располагающихся в нижнем (местном) ряду иконостаса; затем следует иконографический ряд второго, деисусного чина: «Царь мира и сонмы небесные Церкви, склоняющиеся с обеих сторон перед неисповедимой тайной Христовой Веры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, апостолы, мученики, исповедники». Далее упоминаются праотцы — указание на иконографию пятого, праотеческого ряда). Отметим, что чтение иконостаса в данном эпизоде отражает особенности пространственной организации иконы и ее символики: сначала взгляд падает на образ, расположенный по правую руку от изображения Христа — Богоматерь, а затем на то, что слева — Иоанн Предтеча. При этом благодаря несовершенной форме глаголов «являлись» и «производили» созерцание иконостаса предстает как процесс, длящееся действие.

Проанализированный фрагмент представляет собой соединение двух типов религиозного экфрасиса, восходящих к византийской

религиозно-эстетической традиции и активно использовавшихся в жанрах церковного красноречия: толковательного и психологического. Толковательный тип экфрасиса объединяет «описание произведения с элементами образно-символического объяснения отдельных его частей или всего произведения в целом» [9, с. 141], а психологический характеризуется переносом «акцента с описания самого произведения на описание субъективного впечатления от него» [9, с. 141]. В приведенном примере преобладает психологическая составляющая; субъективное впечатление представлено как переживание мистической реальности образов иконостаса, позволяющей вступить в мистическое «общение» с прототипом.

Эта структурная особенность — конструирование ситуации молитвенного общения — является одной из устойчивых в русском литературном религиозном экфрасисе [2]. Присутствует в данном описании и еще один структурный элемент, характеризующий, по наблюдению Н. Е. Меднис, специфику религиозного экфрасиса в русской литературе. Это такой принцип введения экфрасиса в текст, в котором подчеркивается выделение описываемого произведения из множества [2]. В анализируемом примере эта черта предстает как выделение не объекта из числа других, а испытываемого переживания: «давно не испытывал я подобного впечатления». Этот прием подчеркивает уникальность восприятия. Не случайно в книге при всем множестве и разнообразии экфрастических фрагментов подобных описаний очень немного.

Встречается в «Поездке» и толковательный тип экфрасиса в чистом виде. Специфика его заключается в том, что автор ставит задачу не столько описать произведение, сколько объяснить его символический смысл. Примером может служить описание Спасо-Преображенского собора Спасо-Вифанского монастыря, учрежденного митр. Платоном (Левшиным) в 1783 году недалеко от Троице-Сергиевой Лавры.

Автор «Поездки» лишь называет объект, указывая на положение храмов — «один над другим» [16, с. 38]. И сразу вслед за этим приводит толкование символики храмовой архитектуры, причем делает это не от своего имени, а цитируя слова его основателя митр. Платона: «Храм сей посвящен святейшему имени Преобразившегося Господа, а сущий под ним храм посвящен Тому же Господу, воскресившему Лазаря из мертвых. Один храм к другому имеет близкое отношение.

Ибо между Воскресением и Преображением есть союз таинственный. Не говорю я о Воскресении и Преображении Христовом, но о воскресении и преображении нашем. Ибо Христос и воскрес для нашего воскресения, и преобразился для преобразования нашего...

Выходя из нижнего сего храма, восходим на сей верхний. Так, выходя из гроба воскресением, восходим мы в храм славы, преобразуясь из тления в нетление. Не можно удостоиться преобразования, доколе не удостоимся воскресения» [16, с. 38].

Отметим, что в цитируемом автором «Поездке» слове митр. Платона собственно описания храма нет, он дает только его толкование. Но в этом и заключается одна из особенностей экфрасиса как элемента проповеди: проповедник призывает к «мистическому видению», способности духовным оком в видимом увидеть знаки высшей реальности [12, с. 43—44].

Такой прием — цитирование произведений духовной словесности, дополнение собственного описания экфрасическим компонентом проповеди — не единожды используется С. П. Шевырёвым. Митр. Платон (Левшин) и митр. Филарет (Дроздов), произведения которых С. П. Шевырёв цитирует в «Поездке», предстают не только как личности с огромным духовным авторитетом, но и как основатели тех святынь, о которых идет речь, а потому именно их слово раскрывает подлинный духовный смысл изображаемого сакрального пространства.

Показательно, что С. П. Шевырёв нередко использует обращение к произведениям церковного красноречия, причем не всегда для толкования памятника. Так осматривая в Троице-Сергиевой Лавре иконы Троицкого собора, он отмечает образ Вознесения. Собственно описание здесь тоже предельно краткое: «в вознесении Спаситель представлен возносящим с собой души праведных» [16, с. 24]. Но оно сопровождается толкованием: «глубокомысленный символический образ примирения человека с Богом во Христе» [16, с. 24]. Далее приводятся слова из проповеди на Вознесение Кирилла Туровского, которые «видятся в этом изображении» автору: «Имяшесть же с Собою Господь и душа человеческы, яже възнесе на небеса в дар Своему Отцю, их же в горнем граде усели» [16, с. 24]. Здесь мы видим скорее пример сближения иконного изображения и слова проповеди, а не толкование его. Этот эпизод, на наш взгляд, демонстрирует, как в сознании автора отразилось характерное

для русского религиозного представления восприятие близости слова и изображения, равноправие словесного и иконного письма. Естественным следствием такого представления явилось, по наблюдению Б. А. Успенского, «влияние словесности на иконопись и обратное влияние — иконописи на словесность» [14, с. 230]. Именно как влияние слова проповеди на искусство иконы осмыслена эта параллель автором «Поездки»: «Живопись наша, как и духовная поэзия народа, одушевлялась словом проповедников Церкви» [16, с. 24].

Представлен в книге и эпизод, наглядно демонстрирующий мысль автора о важности словесного толкования изображения для его лучшего понимания. В главе, где рассказывается о посещении Троице-Сергиевой Лавры, сразу вслед за описанием росписи трапезной палаты, представлена сцена, в которой содержание росписи объясняется пришедшим на богомолье крестьянам «образованным богомольцем». Автор «Поездки» обращает внимание на то, «с какой жадностью внимала... толпа» говорящему, стараясь не пропустить ни единого слова.

Дальнейшие размышления автора о значении толкования церковной живописи для духовного просвещения народа в определенной степени отражают и идейно-художественную задачу создателя «Поездки»: как «образованный богомольец» открывает «истины Церкви» народу, так и просвещенный и верующий автор книги надеется открыть мир русской духовно-православной культуры своим современникам.

Данный фрагмент интересен не только тем, что иллюстрирует мысль о необходимости словесного дополнения к изображению, но и тем, что в нем представлена ситуация, актуализирующая одну из древнейших форм экфрасиса — диалогическую. Диалогический экфрасис представляет собой запись диалога перед изображением, связанным со священным пространством. Часто он включает с себя мотив путешествия. Зрители — обычно «чужаки», путешественники; экспликатором является служитель храма или один из зрителей, способный истолковать изображение [10].

В приведенном эпизоде диалог не изображается прямо, но предполагается. Его участники — «простаки» и посвященный: в отрывке — крестьяне-странники и «человек, одетый по-нашему», т.е. представитель образованного привилегированного сословия.

Последний выступает в роли толкователя изображенных сюжетов и образов. Показательно предположение автора, что это один из «молодых ученых Академии, по воле начальства принявший эту обязанность перед народом» [16, с. 23], чем подчеркивается причастность его к святыне.

Диалогический экфрасис имеет посвятительную и дидактическую функции. В данном отрывке автором акцентируется просветительно-дидактический характер сцены: «Народ наш готов поучиться, как видно, лишь бы являлись ему добрые учителя. При объяснении духовных картин сколько полезных истин Церкви можно передать народу» [16, с. 23].

Отголоски подобного типа экфрасиса присутствуют и в других эпизодах книги. Причем если в приведенном выше фрагменте автор выступает как сторонний наблюдатель, то в других он предстает как участник имплицитного экфрасического диалога. Так икона Вознесения, вызвавшая в памяти путешественника слова проповеди Кирилла Туровского, была указана автору отцом наместником лавры, а фраза-толкование: «глубокомысленный символический образ примирения человека с Богом во Христе» [16, с. 24] — может быть воспринята в контексте эпизода и как слова отца настоятеля, и как слова путешественника.

Религиозный экфрасис в «Поездке» работает и как «принцип сакрализации художественности как гарантии целостности восприятия» [1, с. 19]. Книга в целом моделирует духовное пространство русской культуры, которое предстает в единстве прошлого и настоящего, природного и культурного начал [8].

Впечатление непрерывности духовно-православной традиции в русской культуре создается автором «Поездки» разными способами: воспоминаниями об исторических событиях и деятелях, связанных с памятником, приводятся сведения об истории храмов и монастырей, на основе житийной литературы воссоздаются образы подвижников. Значительная роль в реконструкции прошлого принадлежит такому принципу построения религиозного экфрасиса, как созерцания в видимом невидимого. Выше было показано, как работает этот принцип при описании храмовой архитектуры. Однако при изображении сакрального пространства автору важно не только прозрение его мистического смысла, но и «историческое» видение, духовное прозрение прошлого. Так при описании

сакральных пространств Троице-Сергиевой Лавры и Кирилло-Белозерского монастыря автор духовным взором стремится увидеть первоначальный облик обитателей, для чего реконструирует в воображении уже утраченные памятники. Примером такого видения внутренним взором является свернутый экфрасис памятников, к настоящему времени утраченных, но знаменовавших собою время основания Кирилло-Белозерского монастыря. Автор «Поездки» с помощью воображения «восстанавливает» несохранившиеся первоначальные святыни монастыря и вписывает их в современный облик священного пространства: «Здесь также и деревянная келья, срубленная преподобным и покрытая древесной корой. <...> *Подле этого места была, вероятно, и подземная пещера, вырытая святым Кириллом.* Здесь-то начались его подвиги. Сюда пришли к нему крестьяне: Ворон и Кикос. *Как бы хотелось вообразить себе отсюда ту малую брусяную церковь, которую в оны времена соорудил Кирилл незванными плотниками.* Теперь на месте оной возвышается одиннадцать благолепных храмов, строенных в разные времена, начиная с конца XV века, всего же более в XVI» (курсив мой. — О.Б.) [16, с. 202]. В данном случае можно говорить о соединении двух экфрасических принципов: религиозного и культурно-исторического, позволяющего преодолевать хроно-топографические границы [1, с. 19].

Заключение. Проведенный анализ позволяет выделить основные структурно-семантические особенности религиозного экфрасиса в «Поездке».

Религиозный экфрасис присутствует в книге наряду с другими типами экфрасиса, в частности искусствоведческим, что определяется синтетичной жанровой природой произведения — ученого путешествия и паломничества — и своеобразием авторского образа в тексте. В отличие от научного (искусствоведческого) экфрасиса, который используется в произведении при описании памятников культуры, в том числе церковно-православной, религиозный экфрасис ориентирован не столько на воспроизведение предметного облика памятника, сколько на выявление его духовного смысла. Поэтика религиозного экфрасиса определяется идеологической точкой зрения автора-путешественника — верующего православного человека, находящегося внутри духовного пространства

русской культуры, но открывающего для себя и потенциального читателя новые сокровища русской истории, культуры и искусства.

Религиозный экфрасис в книге строится с учетом традиционно-христианского эстетического кода. Автор использует психологический толковательный и типы экфрасиса, восходящие к византийской эстетике. Описание выстраивается в соответствии с традиционным для религиозного сознания восприятием религиозного объекта, что проявляется в фиксации движения взгляда при чтении иконостаса, акцентировании не художественного своеобразия, а религиозно-символического значения изображаемого объекта, передаче состояния молитвенного общения с высшей реальностью.

Для раскрытия символического смысла изображаемого объекта автор обращается к авторитету православной духовной словесности, подчеркивая характерное для русского религиозного сознания сближение слова и изображения, а также взаимовлияние визуального и вербального текстов в православной культуре.

Отличительной особенностью исследуемого типа описания является использование диалогической формы экфрасиса, традиционно выполнявшего посвятительную, дидактическую и просветительскую функции, что объясняется основной идейно-художественной задачей автора — открыть современному светскому читателю мир русской православной культуры и показать неразрывное единство русской духовной культуры в ее прошлом и настоящем.

Список источников

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 5—23.
2. Меднис Н. Е. «Религиозный экфрасис» в русской литературе // Критика и семиотика. 2006. Вып. 10. С. 58—67.
3. Александрова-Осокина О. Н. Религиозный экфрасис в паломническом путешествии Кира Ивановича Бронникова (1824) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. 1. С. 13—15.
4. Александрова-Осокина О. Н. Паломническая проза 1800—1860-х годов: Священное пространство, история, человек. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 432 с.

5. Хайруллина О. Н. Религиозный экфрасис в «Путешествии к святым местам в 1830 году» А. Н. Муравьева (на примере описания Храма Воскресения Господня) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 5. С. 85—88.
6. Бознак О.А. Экфрасис в «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырёва // Русская словесность. 2019. № 1. С. 77—80.
7. Бознак О. А. Научный экфрасис в «Поездке в Кирилло-Белозерский монастырь» С. П. Шевырёва // «Диалоги о культуре и искусстве» : мат-лы VIII Всеросю науч.-практ. конф. с межд участием (Пермь, 18—20 окт. 2018 г.) : в 2 ч. : ч. 1 / отв. ред. Е. В. Баталина-Корнева; ред. кол.: А. А. Лисенкова, М. М. Чудинова, Н. В. Злобина. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры, 2019. С. 358—364.
8. Александрова-Осокина О. Н. Духовное пространство России в книге С. П. Шевырёва «Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь» // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 94. С. 16—18.
9. Бычков В. В. Малая история византийской эстетики. Киев: Путь к истине, 1991. 408 с.
10. Брагинская Н. В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста. М.: Наука, 1977. С. 259—283.
11. Бобрык Р. Схема и описание в научных текстах о живописи. Анализ или экфрасис? // Экфрасис в русской литературе : труды Лозаннского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 180—190.
12. Лебедев А. Экфрасис как элемент проповеди. На примере проповедей Филарета (Дроздова) // Экфрасис в русской литературе : труды Лозаннского симпозиума / под ред Л. Геллера. М.: МИК, 2002. С. 42—53.
13. Яценко Е. В. «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47—57.
14. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
15. Флоренский П. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил. Русская книга, 1993. X, 365 с.
16. Шевырёв С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные дни профессора С.П. Шевырёва в 1847 году. М.: Индрик, 2009. 368 с.
17. Словарь церковно-славянского и русского языка : в 4 т. / Второе Отделение Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Императ. Акад. Наук, 1847. Т. 4. 489 с.

References

1. Geller L. Resurrection of the concept, or the Word about ekphrasis. *Ekphrasis v russkoj literature: trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, MIK Publ., 2002, pp. 5—23. (In Russ.)
2. Mednis N. E. “Religious ekphrasis” in Russian literature. *Kritika i semiotika = Criticism and semiotics*, 2006, no 10, pp. 58—67. (In Russ.)
3. Aleksandrova-Osokina O. N. Religious ekphrasis on the pilgrimage journey of Kir Ivanovich Bronnikov (1824). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & practice*, 2014, no 4 (34), Part 1, pp. 13—15. (In Russ.)
4. Aleksandrova-Osokina O. N. *Palomnicheskaya proza 1800—1860-h godov: Cvyashchennoe prostranstvo, istoriya, chelovek* [Pilgrimage Prose of the 1800s — 1860s: Sacred Space, History, People]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2018. 432 p. (In Russ.)
5. Hajrullina O. N. Religious ekphrasis in “Journey to Holy Places in 1830” by A. N. Muravyov (on the example of the description of the Temple of the Resurrection of the Lord). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 2010, no 5, pp. 85—88. (In Russ.)
6. Boznak O. A. Ekphrasis in “A Trip to the Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevyrev. *Russkaya slovesnost' = Russian literature*, 2019, no 1, pp. 77—80. (In Russ.)
7. Boznak O. A. Scientific ekphrasis in “A Trip to the Kirillo-Belozersky Monastery” by S. P. Shevyrev. *Dialogi o kul'ture i iskusstve: materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Perm', 18—20 okt. 2018 g.). V 2 ch.* [Dialogues about culture and art: materials of the VIII All-Russian scientific-practical conference with international participation (Perm, October 18—20, 2018). In 2 parts]. Part 1. Perm, 2019, pp. 358—364. (In Russ.)
8. Aleksandrova-Osokina O. N. The spiritual space of Russia in the book by S.P. Shevyrev “Journey to the Kirillo-Belozersky Monastery”. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Novgorod State University*, 2016, no 94, pp. 16—18. (In Russ.)
9. Bychkov V. V. *Malaya istoriya vizantijskoj estetiki* [A small history of Byzantine aesthetics]. Kiev: “The path to truth” Publ., 1991. 408 p. (In Russ.)
10. Braginskaya N. V. Ekphrasis as a type of text (to the problem of structural classification). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Karpato-vostochno-slavyanskije paralleli: struktura balkanskogo teksta* [Slavic and Balkan linguistics. Carpathian-East Slavic parallels: the structure of the Balkan text]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 259—283. (In Russ.)

11. Bobryk R. Scheme and description in scientific texts about painting. Analysis or ecphrasis? *Ekfrasis v russkoj literature: trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ecphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, MIK Publ., 2002, pp. 180—190. (In Russ.)

12. Lebedev A. Ecphrasis as an element of preaching. On the example of the sermons of Filaret (Drozdov). *Ekfrasis v russkoj literature: trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ecphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, MIK Publ., 2002. pp. 42—53. (In Russ.)

13. Yacenko E.V. "Love painting, poets...". Ecphrasis as an artistic and ideological model. *Voprosy filosofii*, 2011, no 11, pp. 47—57. (In Russ.)

14. Uspenskij B. A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moscow, School "Languages of Russian Culture" Publ., 1995. 360 p. (In Russ.)

15. Florenskij P. *Ikonostas. Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis. Selected works on art]. St. Petersburg, Mithril. Russian book Publ., 1993. X, 365 p. (In Russ.)

16. Shevyryov S. P. *Poezdka v Kirillo-Belozerskij monastyr'. Vakacionnye dni professora S.P. SHEVYRYOVA v 1847 godu* [A trip to the Kirillo-Belozersky Monastery. Vacation days of Professor S. P. Shevyrev in 1847]. Moscow, Indrik Publ., 2009. 368 p. (In Russ.)

17. *Slovar' cerkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Church Slavonic and Russian. In 4 vol.] Of vol. 4. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Press, 1847. 489 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Бознак Ольга Анатольевна

Olga A. Boznak

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима
Сорокина
ResearcherID G-7788-2016

Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department of Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
ResearcherID G-7788-2016

167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky prosp., Syktyvkar,
167000, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

23.08.2021
06.09.2021
22.10.2021

Обзорная статья / Review article

УДК 61(091):069.02(075.8)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-43>

**Естественно-исторические очерки медицинского
музееведения**

Иванов Сергей Викторович¹, Пилипенко Вера Анатольевна²

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

¹ ivanov400@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-2853>

² mi.pilipenko@yandex.ru

Аннотация. В жанре эссе и в традициях «естественной истории» представлен обзор новейшей истории отечественного медицинского музееведения. Акцент сделан на уникальных «точках роста», отражающих разные аспекты и векторы развития данной отрасли науки и культуры в России. В этой связи проанализированы нормативные документы по организации музейного медицинского дела и профильные публикации. Собственные результаты по организации медицинского музея и опыт преподавания музейного дела в курсе «истории медицины» обсуждаются в общероссийском контексте. Акцентирована также ключевая роль личности на поприще музейного дела — от инициации и развития до кардинальной реформации своего детища в новое качество со свежими научными и социальными коннотациями.

В процессе сравнительного анализа персоналий пионеров-реформаторов медицинского музейного дела — А. И. Таренецкого и Г. С. Велкома, а также социального контекста и коннотаций той эпохи, — проясняется специфика «западного» и российского менталитета и подхода к делу. В этой связи с целью реконструкции психологического и этического «портретов» основателей медицинского музееведения использованы инструменты из арсенала психометрии, психографологии, когнитивных наук, историографии и других смежных отраслей науки. Помимо традиционных историографических источников — доступных аутентичных документов рубежа XIX—XX вв., использовались тексты официальных и неофициальных некрологов.

Междисциплинарный анализ, помимо частных закономерностей, проявляет и фундаментальные закономерности мировоззренческого масштаба. В частности, прогностический потенциал, присущий как истори-

ческой науке, так и личности, а также реципрокность (противоположность по знаку, но единство по самой сути) якобы альтернативных моделей будущего. Прогностический потенциал мозга и личности рассматривается в контексте «принципа свободной энергии» Карла Фристонa.

Медицинское музееведение имеет приложения в гуманитарных и естественно-научных измерениях. Поэтому статья адресована специалистам гуманитарных и естественных отраслей науки, деятелям культуры и искусства.

Ключевые слова: медицинское музееведение, естественная история, история медицины, А. И. Таренецкий, Генри Велком, психологический портрет, прогностический потенциал истории и личности, модели будущего

Благодарности

Авторы признательны многим специалистам в смежных отраслях науки и культуры за ценные замечания и коррективы, внесенные на этапе работы над препринтом статьи. Особо отмечаем вклад д-ра мед. наук, чл.-кор. РАН, профессора В. Н. Анисимова, профессора Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ и кафедры менеджмента Высшей школы сценических искусств, канд. искусствоведения и д-ра филос. наук Е. В. Дукова, профессора НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, д-ра филос. наук Г. Л. Тульчинского и д-ра ист. наук, профессора Ю. П. Шабаева.

Для цитирования: Иванов С. В., Пилипенко В. А. Естественно-исторические очерки медицинского музееведения // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 43—79. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-43>.

Natural History Essays in Medical Museology

Sergey V. Ivanov¹, Vera A. Pilipenko²

^{1,2} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹ ivanov400@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1893-2853>

² mi.pilipenko@yandex.ru

Abstract. *The genre of essays and tradition of «natural history» represent an overview of recent history of Russian medical museology. The emphasis is placed on the unique «points of growth» reflecting different aspects and vectors of development of this branch of science and culture in Russia. In this regard, regulatory documents on organization of museum medical business and specialized publications have been analyzed. Our own results on organization of the medical museum and the experience of teaching museum business in the course of «history of medicine» are discussed in the all-Russian context. The key role of an individual in the field*

of museum business is also emphasized — from initiation and development to the cardinal reformation of his brainchild into a new quality with fresh scientific and social connotations.

In the process of comparative analysis of the personalities of A.I. Tarenetsky and G.S. Wellkom, pioneers and reformers of medical museum business as well as the social context and connotations of that era, we clarified the specifics of the «Western» and Russian mentality and approach to business. In this regard, in order to reconstruct the psychological and ethical «portraits» of the founders of medical museology, tools from the arsenal of psychometry, psychography, cognitive sciences, historiography and other related branches of science were used. In addition to traditional historiographical sources, available authentic documents of the turn of the 19-20th century, texts of official and unofficial obituaries were used.

Interdisciplinary analysis, in addition to exceptional regular patterns, also reveals fundamental regular patterns of ideological scale. In particular, there is predictive potential inherent in both historical science and personality as well as reciprocity (opposite in sign, but unity in essence) supposedly alternative models of the future. Prognostic potential of brain and personality is considered in the context of Karl Friston's «free energy principle».

Medical museology has applications in humanitarian and natural science dimensions. Therefore, the article is addressed to specialists in humanities and natural sciences, cultural and artistic workers.

Keywords: *medical museology, natural history, history of medicine, A.I. Tarenetsky, Henry Wellkom, psychological portrait, prognostic potential of history and personality, models of the future*

Acknowledgements

The authors are thankful to many specialists in related research and cultural sectors who had made their valuable comments and adjustments at the point of working paper preprint. We especially appreciate the contributions made by Professor V. N. Anisimov, Doctor of Medical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, E. V. Dukov, Professor of State Institute of Art History at the Ministry of Culture of the Russian Federation and the Management Department of Higher School of Theatrics, Candidate of Art History, Doctor of Philosophical Sciences, G. L. Tulchinsky, Professor of Higher School of Economics in St. Petersburg, Doctor of Philosophical Sciences and Professor Yu. P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences.

For citation: Ivanov S. V., Pilipenko V. A. Natural History Essays in Medical Museology. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2021(4):43—79 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-43>.

На наш взгляд, медицинское музееведение апеллирует к исконному, аутентичному пониманию истории. К античной традиции, когда все известные знания инкорпорировались в формат энциклопедий — компендиумов всех наук и искусств под «одной обложкой». Ярким примером такого типично римского жанра является «Естественная история» Плиния Старшего [1], представляющая собой энциклопедию природных и искусственных предметов и явлений. Такое понимание и трактовка истории симфонична современным интеграционным трендам в науке, искусстве и прочих сферах культуры. Этап дифференциации науки закономерно сменяется этапом интеграции. Поэтому цель нашего исследования — сравнительный анализ становления и развития медицинского музееведения в широком естественно-историческом и социальном контексте.

Новейшая история медицинского музееведения в России. Исторически инициаторами и деятельными подвижниками музейного дела и медицинского в частности, как правило, были энтузиасты-одиночки. Роль личности в развитии данной отрасли науки и культуры весьма велика. Социальный статус энтузиастов («разночинцы») музейного ремесла варьировал от августейших персон (Кунсткамера Петра Великого) до рядовых ученых, антикваров, меценатов, коллекционеров, архивариусов-любителей и историков-краеведов по призванию. И да, ныне Кунсткамера носит более респектабельное имя: ФБУН «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого» РАН с профильным НИИ в инфраструктуре. Первичность личностного фактора справедлива как в отношении создателей частных коллекций, так и организаторов/администраторов музейного дела. Энтузиасты-подвижники типичны и в среде ученых — «хроникеров» музейного дела, чья миссия — продвижение и популяризация уникальных коллекций музеев, а исконно — «Домов Муз» (греч.: μουσείον) — собраний артефактов — памятников естественной истории, материальной и духовной культуры. История поучительных экспромтов энтузиастов-подвижников медицинского музейного дела анализируется в следующем очерке.

В медицинских вузах и средних специальных учебных заведениях, патологоанатомических бюро и бюро судебно-медицинской экспертизы, а также в части лечебно-профилактических

учреждений, являющихся клиническими базами вузов и сузузов, медицинские музеи всегда являлись неизменным атрибутом инфраструктуры. Истоки этой традиции кроются в феномене античных «анатомических театров», которые помимо решения научных и дидактических задач, являлись существенной частью индустрии развлечений. И да, крылатая фраза от Ювенала «Хлеба и зрелищ!» (лат.: *panem et circenses*) подразумевает не только гладиаторские сражения. Даже инквизиции и исламскому фундаментализму не удалось прервать живую нить этой традиции.

Современная матрица/классификация медицинских музеев почерпнута нами из реестра, составленного отечественными лидерами в области организации и маркетинга медицинского музееведения [2]:

По подчиненности:

- министерству культуры РФ (федеральные музеи);
- министерству Обороны РФ (Центральный военно-медицинский музей, музеи воинских частей и подразделений);
- министерству здравоохранения РФ (Музеи образовательных, научных и лечебных учреждений);
- музеи субъектов РФ (краевые, республиканские, областные, городские, муниципальные);
- музеи медицинских обществ и общественных организаций;
- частные музеи.

По структурной принадлежности:

- самостоятельные юридические лица;
- входящие в структуру научно-исследовательских учреждений;
- входящие в структуру образовательных учреждений (высшего и среднего профессионального образования);
- входящие в структуру учреждений здравоохранения (поликлиник, больниц и т. д.).

По направленности:

- учебные музеи и музеи учебных пособий;
- музеи истории учреждений;
- музеи боевой и трудовой славы;
- музеи отраслей медицины;
- научно-популярные музеи;
- персональные музеи.

По тематике собрания:

- мемориальные корпоративные музеи;
- мемориальные персональные музеи;
- отраслевые музеи;
- общемедицинские музеи (музеи со смешанной тематикой);
- музеи-кабинеты.

Реестр медицинских музеев собран и регулярно обновляется коллективом Центра развития историко-медицинских музеев РФ, образованного на базе кафедры истории медицины Московского государственного медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова Минздрава РФ. Центр утвержден Приказом Минздрава РФ от 10 февраля 2015 г. № 48 [3]. Помимо реестра, команда этого «Центра» подготовила к изданию и тиражировала первое в России учебное пособие по медицинскому музееведению [4]. Целевая аудитория контента пособия, очевидно, не только будущие врачи и историки. В качестве ремарки отметим, что в этом пособии справочного формата есть раздел, посвященный медицинскому музею нашего университета [4, с. 133], основанному в 2007 г. профессором В. В. Гладиловым [5]. Это иллюстрация констатированной выше роли личности на ниве музейного дела.

Из многих определений учебной дисциплины, на наш взгляд, именно их трактовка является лапидарной, т.е. одновременно и краткой, и исчерпывающей: «Медицинское музееведение — междисциплинарное научно-практическое направление, целью которого является интеграция музейных технологий и средств музейного воздействия в деятельность по сохранению и укреплению общественного здоровья. Объектом изучения медицинского музееведения является медицинский музей как специфический социальный институт, входящий одновременно в систему учреждений культуры и учреждений здравоохранения» [4, с. 160]. Эпистолярное наследие коллектива «Центра», в частности, включает путеводитель по медицинским музеям Евразии [6]. «Центр» обеспечивает интеграцию сети профильных отечественных музеев в международные ассоциации медицинских музеев [7].

Симптоматична конструктивная поддержка медицинского музейного дела на федеральном уровне. В частности, в «Положении о мерах по сохранению историко-медицинского наследия Российской Федерации», одобренном Советом по развитию историко-

медицинских музеев РФ 20 октября 2013 г. (протокол № 2), намечены основные направления работы, проведение которой поможет музейным работникам сформировать пути сбора коллекций и комплектования фондов музея. Среди них «поиск и выявление вещественных, печатных, рукописных, визуальных и вербальных источников по истории медицины в лечебных, учебных и научных медицинских учреждениях, а также музеях, архивах и частных коллекциях Российской Федерации и за рубежом». Советом по развитию историко-медицинских музеев при Минздраве РФ в 2014 г. издано «Примерное положение об историко-медицинском музее» [8]. Чуть ранее Положение о «Совете по развитию...» и его состав утверждены Приказом Минздрава РФ от 5 августа 2013 г. № 527 [9].

Вторая зона роста медицинского музееведения ассоциирована с уникальной исследовательской нишей коллектива Волгоградского государственного медицинского университета. Уникальность ниши этой команды связана с характеристикой историко-медицинских коллекций в составе музейных собраний и экспозиций государственных, муниципальных и ведомственных музеев в контексте солидной музейной сети Волгоградской области [10; 11], а также с актуализацией воспитательного и дидактического потенциала истории медицины и ее «материализованной» музейной ипостаси [12]. В пределах этой ниши вносится лепта и нашим коллективом. Очевидно, что для иностранных студентов информация о становлении медицины в Республике Коми не актуальна. К примеру, для индусов мемориальные приоритеты акцентированы на Аюрведе, для арабов — на эпистолярном наследии Авиценны. В государствах, резидентами которых являются наши студенты, также имеются медицинские музеи, зачастую не аннотированные в доступных реестрах, каталогах и базах данных. Но они есть. А потому очевиден ассортимент тем для научно-исследовательской работы наших студентов билингвальной формы обучения.

Третьей отечественной «точкой кристаллизации» и развития медицинского музееведения является ФГБУ «НИИ Истории медицины» РАМН, правопреемником которого сегодня является ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н. А. Семашко». В квалификационных [13] и научных публикациях

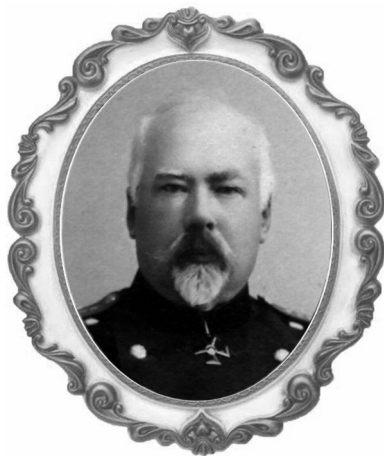
[14—16] подкупает скрупулезность описания деталей и уместная коннотация, а также деликатность подхода к персоналиям [17]. Особенно к наследию одного из отечественных основателей и «визионеров»-провидцев на поприще обновления музейного медицинского дела — профессора Таренецкого Александра Ивановича [18].

Визионеры-новаторы в «пантеоне» энтузиастов-подвижников медицинского музееведения. Подмечено, что интерес к «истории вообще» у многих возникает по разным причинам ближе к старости. У интровертов раньше и острее, чем у экстравертов. У левшей и амбидекстров — аналогично по сравнению с правшами. Очевидно, это связано с феноменом межполушарной асимметрии и латерализации функций в коре больших полушарий мозга [19; 20]. Действительно, условные левши и интроверты «по жизни» обращены в прошлое — свое и «общественное». Им не свойственно строить прожекты. Напротив, условные правши и экстраверты ориентированы в будущее. И да, речь о доминантных и рецессивных векторах «психической организации». Оптимален межполушарный баланс на фоне нетривиальной мощности и пропускной способности межполушарных коммуникаций, сосредоточенных в основном в мозолистом теле (лат.: *corpus callosum*) конечного мозга. Искомым является баланс психической реципрокности (противоположности по знаку, но единству по самой сути). Как, к примеру, реципрокными являются сгибание/разгибание, тонический и циклический центры мозга, прошлое и будущее. Реципрокность, благодаря даосской и суфийской традициям, более органична восточному менталитету.

Оптимален такой реципрокный психический баланс для людей, увлеченных историей, ориентированных в прошлое, но способных уловить и дешифровать следы и векторы будущего в исторических артефактах и свидетельствах. В этом случае востребованы «услуги» обоих полушарий мозга. Как и мобильность церебральных процессов. А также селективный ментальный фильтр, выделяющий сигнал из шума на «входе системы». Это — из неписанного «досье» наших персонажей. Плюс к тому необходима условная персональная «Энигма» (шифровальная машина). Подобный криптограф, «по умолчанию», инкрустирован в ментальный процессор медиков в силу их профессионального тезауруса и «клинического мышления», что анализировалось ранее [21; 22].

Парадоксально, но история — это не о прошлом, это про будущее. Про то, как строить будущее. Воистину, «дорога к истине вымощена парадоксами» [23]. Причем негативные и позитивные ипостаси прогностического потенциала истории маскируются природой парадокса. Природа эта имманентно связана с реципрокностью. Анализом этих ипостасей мы займемся в следующем очерке. Далее представлен «Anamnesis vitae» наших персонажей. Людей, интуитивно прозревавших будущее развитие медицины в исторических артефактах и торивших пути-дороги грядущим поколениям сообразно нетривиальной «модели будущего».

Согласно биографическому словарю высших чинов Российской империи [24], послужной список (резюме) Таренецкого Александра Ивановича (рис. 1) выглядит весьма лапидарно: «действительный статский советник (1893), доктор медицины (1874), ординарный профессор нормальной анатомии Военно-медицинской академии с 1897 года, тайный советник (1901), начальник Военно-медицинской академии (1901—1905)».

БЮБ РАНИЧСКИЙ СЛОВАРЬ
ВЫСШЕ ЧИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(22.10.1721-2.03.1917)

Т. IV
С. 84

Москва
2019

Рисунок 1. Профессор, тайный советник
Александр Иванович Таренецкий
(1845—1905)

В палитре научных пристрастий, а затем и приоритетов А. И. Таренецкого выделим антропологический и этнологический. Приоритеты стратегии сбора и изучения исторических артефактов. В

имеющийся тогда антропологический исследовательский арсенал профессор А. И. Тарнецкий привнес оригинальные антропометрические инструменты. А также вполне экзотический в те годы фотографический инструмент. В результате объекты изучения «заговорили» более внятно и информативно. Сегодня апгрейд-версия этих инструментов активно используется в программах распознавания лиц. В XIX веке этот росток едва проклюнулся. Его надо было холить и лелеять. Плоды мы пожинаем сегодня. Внятность и информативность дешифровки антропометрических, в частности фациальных (физиогномических), характеристик [25] в последние годы форсирована инструментами палеогеномики. К примеру, недавно доказано, что ген, шифрующий признак толщины губ коренных латиноамериканцев, заимствован ими у «денисовского человека». В первоисточнике это открытие сформулировано менее доступно: *«В области ассоциации в1p12 (перекрывание WARS2/TBX15) идентифицирован гаплотип денисовского человека, влияющий на морфологию лица, в частности на толщину губ»* [26].

Антропометрический инструментарий издревле используется в семантике и семиотике внутренних болезней (пропедевтике). И в этом случае инновации профессора тоже пришлись «ко двору». Ныне и этот росток «пророс» высокотехнологичным диагностическим и лечебным клиническим арсеналом. Но в ту эпоху он был мал и слаб. Есть в глобальной медицинской «песочнице» непримиримые оппоненты с вековой историей противостояния — условная Биг Фарма (Big Pharma) и остеопатия. Остеопатия исповедует «рутинный» и «старомодный» анатомический подход в диагностике, терапии и реабилитации, а также натуропатическую «идеологию». Т.е. наследие А. И. Тарнецкого и др. В пике Генри Велкому (рис. 2), «патриарху» фарминдустрии. До конца XX века остеопатический росток более активно прорастал на Западе. Однако и в России с начала 1990-х, в частности подвижничеством доктора И. А. Литвинова и его единомышленников, остеопатия репатрировалась и возродилась. А благодаря организационным талантам профессора Д. Е. Мохова обрела искомый нормативно-правовой статус в системе здравоохранения и высшего медицинского образования.

Этнологический росток в XIX веке выглядел наименее перспективно. *«Со времени Ж.-Ж Руссо благородный дикарь был привилегированным Другим, излюбленным объектом европейского*

Рисунок 2. Сэр Генри Соломон Велком (1853—1936).
Экспозиции музея истории медицины Wellcome Collection
с сайта: <https://wellcomecollection.org/>

взгляда, формой, в которой отливалась идентичность “европейца”, проекцией, изблещавшей подсознательное Запада. Антропологический проект, выразившийся в изначальной и так и не вполне преодоленной фокусировке предмета дисциплины на “дикаре”, “примитивных народах”, “дописьменных обществах”, превратил антропологию в одиссею европейской идентичности, в нескончаемый поиск “себя” в экзотических зеркалах инаковости» [27, с. 126]. Ранние антропологические исследования были ориентированы в основном на описание экзотических культурных традиций. Да и проблемы мобильности и логистики кросскультурных и транскультурных исследований [28] в ту эпоху ощущались острее. Кто тогда мог разглядеть сквозь доминантную установку на априорную аборигенную «примитивность» — самоценность их культуры, обрядов, систем табу, ритуалов и эмпирической медицины, отшлифованной вековым опытом? Несомненно, профессор А. И. Таренецкий и сэр Генри Велком.

Есть среди населяющих Сахалин этнических сообществ, изученных профессором Таренецким, локальная группа айнов [18; 29; 30]. Сегодня айны в основном проживают в Японии, кардинально отличаясь от титульного населения. Айны — уникальная этническая группа в том числе в плане двукратно более высокой доли лиц с 4-й группой крови (AB IV). Это антропогенетически наиболее юный иммуносерологический фенотип, тогда как у аборигенных географических изолятов тотально преобладает наиболее древняя

1-я группа крови [31—33], что консервируется инбридингом (близкородственным скрещиванием). Данное «эмпирическое обобщение» (в тезаурусе В. И. Вернадского) указывает на «прогрессистскую» роль айнов в антропогенезе. Метафорически, иммуногематологический фенотип человека и этнической группы в целом — это своеобразная генетическая «подпись», или живой артефакт, повествующий об историческом ландшафте и ухабах в лабиринтах «дорожной карты» фило- и онтогенеза и этногенеза. Это живые скрижали, тисненные всей мощью генеалогического древа каждого из нас и всеми вместе.

С другой стороны, этнологические приоритеты стратегии сбора и изучения исторических артефактов профессора Таренецкого аналогичны таковым сэра Велкома. Но в силу особенностей отечественного менталитета и «этического портрета» (нестыжательство православной традиции, рецессивность коммерческого потенциала) — прагматическая весомость итогов их карьеры разительно неравноценна. В первом случае карьера «материализовались» альбомом этнологических фотографий подарочного формата [18] и экспозицией в современной Кунсткамере. Итогом альтернативной бизнес-модели науки с брендом Генри Велкома стали благотворительный фонд Wellcome Trust и Wellcome Collection (рис. 2). «Утешительным призом» ощущается официальное признание профессора А. И. Таренецкого основателем Российского медико-антропологического общества, а также российской ветви антропологического и исторического направлений в анатомии.

Историческое направление его научных приоритетов «материализовалось» изданием первой в России фундаментальной монографии по медицинскому музееведению [34]. Тем самым он «снискал лавры» основателя медицинского музееведения как научной отрасли знания. Поощрительная мемориальная опция его научно-педагогической карьеры — эпонимы: «пространство Таренецкого» (пристеночное предпузырное клетчаточное пространство) и «связка Таренецкого» (медиальная подвешивающая связка, или связка щитовидной железы) [35], актуальные для оперативной хирургии.

Реформа анатомического музея, реализованная А. И. Таренцом, помимо привнесения полновесной антрополого-этнологической экспозиции и создания профильного отдела музея, заключалась

в каталогизации, регистрации экспонатов в реестре («шнуровой книге»), систематизации и реставрации анатомических препаратов, собранных в основном его учителем — профессором В. Л. Грубером [29]. При этом А. И. Таренецким собрана большая, хорошо датированная краниологическая коллекция, которая по сей день экспонируется в фундаментальном музее кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. А вот его этнографическая коллекция в 1936 г. была передана в Музей антропологии и этнографии АН СССР [36]. Т.е. экспонируется она сегодня в современной Кунсткамере Петра Великого.

В контексте тестирования бэкграунда А. И. Таренецкого примечателен беспрецедентный творческий фон, царивший во второй половине XIX века в стенах Императорской Военно-медицинской академии. Синхронно в тот период закладывались основы других отраслей анатомической науки. В частности, вариантная и сравнительная анатомия (В. Л. Грубер), топографическая и хирургическая/клиническая анатомия (Н. И. Пирогов), а также функциональная анатомия (П. Ф. Лесгафт). Весьма симптоматичным для характеристики провидческого потенциала А. И. Таренецкого является следующий факт: *«А. И. Таренецкий дружил с великим русским художником Ильей Ефимовичем Репиным, и в одном из репинских альбомов, хранящемся в архивных фондах Государственной Третьяковской галереи, был обнаружен портретный рисунок Александра Ивановича Таренецкого. История появления этого портрета интересна и поучительна. Непрерывно возрастающий интерес И. Е. Репина к анатомии привел его в 1895 году на кафедру Нормальной анатомии ВМА. Здесь, под руководством А. И. Таренецкого, уже ставшего академиком, великий художник с ученической страстью и подлинным увлечением отдался работе в анатомическом театре и музее. В итоге этих занятий появился специальный альбом анатомических рисунков, выполненных с натуры Ильей Ефимовичем. Альбом этот был приобретен Третьяковской галереей в Финляндии, где в 1930 году умер И. Е. Репин. В альбоме всего 13 страниц, и на 12-й из них обнаружился рисунок-портрет академика А. И. Таренецкого»* [37].

Сущностные, «не-медийные» человеческие качества нередко вычитываются «междустрок» неангажированного, неофициального некролога: *«3-го ноября скончался начальник Военно-медицинской*

академии Александр Иванович Таренецкий. Большая часть деятельности покойного протекала в академии в качестве профессора нормальной анатомии, кафедры, которую он занял после популярнейшего в свое время анатома В. Л. Грубера, и с этой стороны оставит в ней, без сомнения, неизгладимо благодарный след: покойный был не только мыслящий ученый, но и талантливый преподаватель, умевший вложить в свой мертвый предмет живой дух и сообщать изложению столько же чисто научного, сколько и врачебного практического интереса. Начальником академии Александр Иванович был назначен после внезапной смерти его предшественника В. В. Пашутина, по всей вероятности, как старейший член из наличного профессорского состава академии. Мягкий по природе, мало знакомый, как кабинетный ученый, с действительной, реальной жизнью и ее всегда бурлящими, властными запросами, он не был, что называется, рожден для административной деятельности, а в ныне переживаемый родной великий исторический момент, естественно, оказался не в силах нести выпавший на его долю жребий в соответствии с требованиями передового русского общества и молодежи. Смерть его приписывают пережитым им душевным волнениям, связанным с событиями последнего времени... Родился Александр Иванович в 1845 г., а звание врача получил в 1869 г. Русский врач. 1905. № 45»¹.

Результат анализа оригинальных письменных текстов профессора А. И. Таренецкого инструментами психографологии позволяет присоединиться к мнению автора вышеприведенного искреннего экспромта. Он принадлежал страте «тенелюбивых» людей с адекватной самооценкой [21]. А в тезаурусе Этель Лириан Войнич — был «человеком с лишним нервом». Изучение его научного наследия фиксирует оригинальность авторского стиля, тщательный подбор слов, облачающих нетривиальные мысли. Профессор мог себе позволить (!) «вынашивать» статью пусть не 10 лунных месяцев, но *quantum satis* (пер. с лат.: сколько нужно). Плод должен созреть. У ученого есть привилегия вынашивать свое дитя до искомой кондиции. И да, любой плод труда человека — есть имплицитная криптограмма его самого. Настоящего себя. Вердикт этот справедлив также для исторических артефактов и свидетельств. Аутентичных

¹ URL: <http://hroniki.org/olds/746> (дата обращения: 12.09.2021).

артефактов и свидетельств. Интерпретации интерпретаций ничего не стоят.

Очевидно, что изобрести или понять в режиме инсайта нечто новое — лишь половина дела. Важно донести, транслировать эту инновацию или внятно вербализированное понимание до целевой аудитории. Возможно, более широкой внимающей аудитории. Конечно, с учетом объективных трансляционных барьеров и фильтров [21]. На этом пути важны дидактические навыки, которые шлифуются, в частности, на педагогическом поприще. В этой связи есть оригинальная градация этапов/стадий созревания дидактического ингредиента творческого потенциала личности. Она принадлежит поэту-фронтовику и литературному критику С. С. Наровчатому [38].

Вот эти этапы: 1. Плохая простота («дурак дураком»). 2. Плохая сложность (резонерство). 3. Хорошая сложность (понятно носителям конкретного профессионального тезауруса, иногда — «смежникам»). 4. Хорошая простота (таки «ленинская»). Как можно судить по научным публикациям А. И. Таренецкого, диагностируется хорошая сложность. Это априорно, поскольку адресат научного эпистолярного жанра узок и конкретен. Тем не менее и в научных статьях уместны фасцинаторные [39; 40] дидактические инструменты, преодолевающие индивидуальные барьеры и фильтры восприятия информации. Дидактический арсенал прирастает многими фасцинаторными инструментами беллетристики (фр: *belles lettres* — «изыщная словесность»), включая чеховскую «недосказанность». Уместны и навыки агитпропа, как и «фомки-отмычки» нейролингвистического программирования. Этот арсенал, увы, некорректно тестировать по стенограммам его лекций и переводу учебника А. Панша «Основы анатомии» [41]. Это все же не «говорящие» переводческие (с английского языка) шедевры С. Я. Маршака или К. И. Чуковского.

Для последующего анализа важно, что персоналия А. И. Таренецкого, в частности, иллюстрирует общую и традиционную черту «этического портрета» отечественного ученого. Это внутреннее отторжение коммерческой «суеты сует» (лат.: *Vanitas vanitatum et omnia vanitas*) от «чистой» науки. Что связано, по умолчанию, с православной доминантой. Так было в Российской империи и в СССР. Так было и есть, с оговорками, применительно к современной

России. Чего не скажешь о современной политике и политиках (но не о государственных деятелях в терминологии Уинстона Черчилля).

Как это ни парадоксально, но знакомство с незаурядной личностью Генри Соломона Велкома уместно начать с его некролога. Он принадлежит «перу», вероятно, американского гражданина Чарльза Морли Вэньона. Чем и объясняется ангажированность контента. До переезда в Англию (1910 г.), на родину своих предков, Генри Велком жил в США. Поэтому данный эпистолярный экспромт как минимум проясняет происхождение этнологического и медицинского пристрастия (эмоциональная сфера) нашего персонажа, а также вызревание пристрастия в одноименные научные и бизнес-приоритеты (ментальная сфера). В собрании некрологов членов Королевского общества официальный некролог сэра Генри Соломона Велкома выглядит так: *«Сэр Генри Велком, умерший 25 июля 1936 года в возрасте 83 лет, по рождению был американским гражданином, но после непродолжительной деловой карьеры на родине переехал в эту страну. В 1880 году он вступил в партнерство с мистером С. М. Берроузом и основал фирму «Birroughs Wellcome & Company», которая быстро развивалась и вскоре стала известна во всем мире благодаря производству тонких химикатов, алкалоидов и других лекарственных препаратов. Связь Велкома с Англией, землей его предков, более прочно закрепилась в 1910 году, когда он стал натурализованным британским подданным.*

Генри Соломон Велком родился в 1853 году в бревенчатой хижине примерно в 125 милях от Милуоки и провел свое раннее детство среди индейцев Дакоты. Его отец, преподобный С. К. Велком, был странствующим миссионером, который вместе со своей женой Мэри Кертис Велком путешествовал по Висконсину и Миннесоте в крытом фургоне, проповедуя индейцам. В 1859 году семья отправилась на запад в Гарден-Сити, округ Голубая Земля, штат Миннесота, где она основала свой дом незадолго до начала гражданской войны. Когда юному Велкому было восемь лет, произошло великое восстание индейцев сиу, приведшее к резне более тысячи белых. Он участвовал в отливке ружейных пуль для защиты поселения и фактически помог своему дяде, доктору Дж. Б. Велкому, в уходе за ранеными. Ранние контакты Велкома с индейцами нашли свое выражение в пожизненном сочувствии к краснокожему

человеку, которое в последующие годы заставило его потратить значительные суммы денег и энергии на борьбу за то, что он считал правами определенного Аляскинского племени. В поддержку этой миссии он опубликовал в 1887 году историю племени под названием «История Метлахаталы»¹.

Википедия² смакует вердикт эстетствующих гурманов об эклектике экспозиций Wellcome Collection, эпатажности некоторых экспонатов (зубная щетка Наполеона). Однако эпатаж нивелируется дизайном демиурга — идеей создать Музей Человека. А человек — он такой разный. И тысячи экспонатов в запасниках Wellcome Collection — тому немые свидетели. Более того, в 1913 г. Велком писал: «Я уже много лет собираю с целью демонстрации с помощью предметов, которые будут иллюстрировать ... каждый заметный шаг в эволюции и прогрессе от первого зародыша жизни до полностью развитого человека сегодняшнего дня» [42]. Пикантные прецеденты эксклюзивной экипировки «аптечек-сундучков таблоидов» для VIP-бомонда той эпохи (Теодор Рузвельт, Генри Стэнли, Роберт Скотт и др.), как и экстравагантные эксцессы его биографии — историческая «шелуха», медийный аттрактант, который не принимается всерьез, тем более в расчет социально зрелой личностью. Эти и прочие биографические блески есть уместные тактические шаги бизнес-стратегии. Стратегии, в которой коммерческий императив, маркетинговые ходы и имидж-менеджмент подчинены главному делу жизни и лежат в русле реализации нетривиального «смысла жизни».

И да, парадоксально, но факт: люди, опережающие свое время, рождаются «после смерти». И не только рождаются они несвоевременно, но и «не в том месте». Эту вполне евангелического масштаба данность вписал в земные скрижали Сергей Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии» («Письмо к женщине». 1924). Потому доступные англоязычные хроники жизненного пути сэра Генри Велкома как минимум некорректны. На их фоне российская версия биографической справки о Генри Велкоме и его наследии [4, с. 43—44, 55—56]

¹ URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rsbm.1938.0003> (дата обращения: 12.09.2021).

² URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Henry_Wellcome (дата обращения: 12.09.2021).

выглядит более адекватно. Тем более, что основана она на вполне аутентичных документах той эпохи¹.

В силу уместных ограничений доступа к первичным данным, мы обратились к открытым источникам (например, [43]). Погружение в медийные источники информации о Генри Велкоме, вопреки неписанному принципу анализировать «первичку», не принимая в расчет интерпретации интерпретаций, — оставило тягостное впечатление. В топ-рейтинге сегодня исключительно резонерские нарративы с послевкусием неизжитой зависти, самолюбования, комплексов неполноценности и инфантильных девиаций. Вполне прозрачные публичные эксцессы самоутверждения путем паразитирования на имени патриарха. И да, если вас незаслуженно обидели, извольте вернуться и заслужить. При этом и во всемирной паутине — детище сэра Тимоти Бернерса-Ли — есть аутентичные зерна. К примеру, цитата сэра Генри, фамильярно именуемого автором пасквиля «стариком» [43]: «Одним из его любимых высказываний было: “никогда никому не говори, что ты собираешься сделать, пока не сделаешь этого”». Трактуются этот девиз как маркер отчужденности и «затворнической враждебности» (sic!).

В русском фольклоре есть идентичные поговорки: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь», «Не выдавай желаемое за действительное». Это девиз и *modus operandi* социально зрелого «человека Дела», у которого слово и дело — одно. Он понимает силу Слова. Ведь слово может убить. Он осознает, что «есть логика намерений и логика обстоятельств и логика обстоятельств сильнее логики намерений». Эта формула, по сути, есть парафраз сакраментального «бытие определяет сознание» и часто приписывается И. В. Сталину (например, [44]). Такой девиз и *modus operandi* — маркер освоения минимум на бытовом, житейском уровне арсенала вероятностного (стохастического) детерминизма.

Такой «продвинутый» уровень мышления в конце XIX — начале XX века — прецедент вполне «визионерского» масштаба. Даже в «постэйнштейновскую» эпоху конструктивное мышление в категориях стохастического детерминизма уникально. В этом режиме/стереотипе мышления востребован многомерный потенциал работы мозга: в пике последовательного перебора вариантов актуализирован параллельный перебор, который похож

¹ URL: <https://archive.org/details/b29008694> (дата обращения: 12.09.2021).

на «дарованный» нам некогда выбор. В качестве примера уместно привести личности из полярных секторов науки — академика АН СССР В. М. Глушкова [22; 45] и профессора В. В. Налимова [46; 47]. Возможно, что у этих уникальных людей в классический («лапласовский») алгоритм/фильтр восприятия: ощущение (рецепция), восприятие (перцепция) и узнавание (апперцепция) — встроена некая «призма» из опытов Ньютона, разлагающая белый свет на цвета радуги (дисперсия света).

Факт ограничения доступа к «первичке», по сэру Генри Велкому, как и крупницы данных из медийного «болота», свидетельствуют, согласно нашей «ботанической» классификации психотипов [21], о его принадлежности группе «тенелюбивых». Конкретнее — подгруппе «серых кардиналов». В отличие, как отмечалось выше, от другого яркого представителя этой группы — А. И. Таренецкого, — «резидента» подгруппы с адекватной самооценкой. Психотип «серого кардинала», в частности, характеризуется завышенной самооценкой, типичной для мужчин. Для этого психотипа характерен и низкий порог раскрытия провидческого потенциала.

Согласно гениальному развитию гипотезы Германа фон Гельмгольца о мозге как машине для предсказаний (The Predictive Brain) от Карла Фристонa [48 и др.], предиктивное кодирование, Байесовское вероятностное моделирование, прогнозирование и вывод (Bayesian Inference) — лежат в основе работы «мозгового процессора» против энтропии. Иначе — речь о негэнтропийном эффекте прогностической работы мозга в контексте общебиологического «принципа свободной энергии» (ПСЭ; Free Energy Principle). ПСЭ Фристонa — математическая формализация одной из версий теории «прогнозирующего мозга». Эта версия утверждает, что в мозгу постоянно происходит выработка прогнозов, их сверка с информацией, поступающей от органов чувств, корректировка прогнозов на основе проведенной сверки, новая сверка и снова корректировка. И так — по кругу. В свою очередь, визионерский, провидческий потенциал мозга основан на филогенетическом «акселераторе» и общебиологическом адаптивном механизме — феномене «опережающего отражения действительности» (в тезаурусе П.К. Анохина). Причем у животных и человека церебральный субстрат «предикции и превенции» создает в

онтогенезе еще до фактического контакта с «действительностью» [49].

Возможно, в случае ученых, о которых шла речь, «работала» не бытовая (спонтанная и спорадическая), но нетривиальная практика осознанного, намеренного вплетения синхронизмов в личный паттерн *modus operandi*. Эта практика способствовала раскрытию «визионерского» потенциала. Как следствие, метафорически, — этот их имплицитный (свернутый) «бутон» из живых анналов потенциальности — раскрылся, проявив свои эксплицитные (развернутые), проявленные, кинетические качества и свойства.

Подмечено, что интерпретация термина «понимание» в условиях западных традиций кардинально отличается от нашей российской трактовки. Исконно понимание произрастает от изучения реальности. На Западе «понимание» есть подгонка реальности под некую уже сгенерированную идею-фикс. Данное эрзац-понимание вполне рукотворно. Оно настойчиво исподволь внедрялось путем эрозии западной системы образования, где один из «крипто-целевых показателей» — достижение функциональной неграмотности, т.е. неспособности понять прочитанное и услышанное. Индикаторы «успеха» западного проекта — консервация пубертатного статуса развития интеллекта «квалифицированных потребителей», «атомизация» социума путем коллапса традиционного спектра самоидентификации на себе любимом (эгоцентризм, социопатия, нарциссизм) в аранжировке сексуальных перверсий.

Продвижение (агрессивный маркетинг) стратегии инфантилизации социума опирается, в частности, на объективную данность текущего уровня развития общества, сформулированную Д. Б. Шоу и ставшую сегодня интернет-мемом: «2 % людей — думает, 3 % — думает, что они думают, а 95 % людей лучше умрут, чем будут думать». Конечно, без фиксации на процентной бухгалтерии. Причем — с ремаркой от Козьмы Пруткова: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий». *Cui prodest* (лат.) — кому это выгодно? Вопрос риторический.

Богато иллюстрированные технологические и организационные нюансы экспедиций сэра Велкома в Судан (1910—1914 гг.), где он выступал не столько менеджером проекта, инвестором

и спонсором, сколько экспертом-палеоантропологом, отражены в недавних публикациях [50; 51]. Научный отчет о результатах «изучения остатков первобытных эфиопских рас», помимо собственно результатов, содержит вполне прозрачную мотивацию экспедиции: *«Тот факт, что Земля Египта и Эфиопии была местом захоронения чрезвычайно древних цивилизаций, знаком каждому студенту. Было высказано предположение, что именно здесь мы должны искать истинную родину самой человеческой цивилизации. Неужели песок этой страны загадок все еще таит в своих глубинах ответ на вечную загадку человеческого начала и запись его первых шагов на пути познания?»* [52].

В этой связи симптоматично, что оба ученых «держали руку на пульсе», мониторили технические новации той эпохи. Оперативно внедряли их в практику полевых исследований. Инкорпорировали новации в рутинный арсенал инструментария «своей» отрасли науки, чем и достигались «прорывные» результаты. А. И. Таренецкий, как отмечалось выше, внедрил фотографический метод в этнографию. А сэр Генри Велком освоил, «приручил» и внедрил экзотический тогда инструмент «аэрофотосъемки воздушных змеев» в археологию¹. Напрашивается поучительная аналогия с результатом внедрения инструментов кристаллографии в биологический арсенал. С нобелевским «крещендо» Фрэнсиса Крика, Джеймса Уотсона и Мориса Уилкинса за дешифровку двойной спирали ДНК. С другой стороны, подобные методические и методологические инвестиции в данную отрасль науки — вполне крамольные симптомы научного андеграунда.

В биографической книге Тернера [53] отмечается, что в 1910 г. после развода с супругой Сирией Генри Велком писал своему другу: *«Я утоплю свою печаль в работе. Работа — это Великий Утешитель, и моя жизненная работа — это та, которая способствует благосостоянию других, а также меня самого, и эта мысль поможет украсить вашу жизнь»*. В этих строках содержится вполне прагматичная формула «служения себе путем служения другим». Или иначе, в формате девиза: «служи себе — служи другим». Сэр Генри Велком осознает эту формулу на пике фрустрации и транслирует своему другу.

¹ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Henry_Wellcome (дата обращения: 12.09.2021).

Заключение. Формула жизненного кредо (от лат. *credo* — «верю») на основе личной «модели будущего», но не формат (траектория, «ландшафт» и контекстуальный фон) ее деятельного претворения в жизнь Генри Велкома «зеркальна» и комплементарна формуле А. И. Таренецкого «служба другим — служу себе». Обе стратегические реципрокные формулы заключают в себе тактические реципрокные поведенческие модели (*modus operandi*): служение себе / служение другим. Результат един, если не служить себе, манипулируя всеми другими (инфантилизм, эгоцентризм). С другой стороны, следует осознать, что эвристичность феномена парадокса завуалирована реципрокностью якобы альтернативных личностных «моделей будущего», как и прочих бинарных пар.

Можно предположить, что кристаллизации жизненного кредо на основе «модели будущего» в обоих случаях предшествовало имманентное интуитивное ощущение реципрокности бинарной пары — прошлое/будущее. И да, прошлое и будущее с фатальной необходимостью «лепит и ваяет» в настоящей вещи и процессы. Человек — одновременно и объект, и субъект этого таинства. Текущая реальность «настоящего» есть результат и полигон «обучающей игры» многоликого единства. Одного единого целого.

В результате фокус внимания наших исследователей все более устойчиво фиксировался на исторических артефактах. Ибо эти «вещи в себе», в имплицитном (свернутом) формате, «по умолчанию» шифруют не только факсимиле, «ландшафт», траекторию и коннотации «преданий старины глубокой», но и «настоящую» сущностную «четырёхмерную биографию» их творцов. Все аутентичные артефакты скрывают, маскируют в зеркальном формате «изнанку» вероятностных (стохастических) индивидуальных и глобальных эволюционных спиралей. Т.е. альтернативных, но реципрокных моделей «сценариев будущего» в категориях стохастического детерминизма.

Телесно-перцептивный «зародыш» жизненного кредо в обоих случаях протезировался и цементировался эмоциональным «акселератором». Как следствие, структура этого «зародыша» обретала зыбкий абрис будущих научных пристрастий. Вызревание пристрастий с необходимостью предшествует формированию ментальных приоритетов. Уже потому, что в эмоциональной сфере есть когнитивный элемент (оценка ситуации). Конечно, наряду

с аффективным (отношение к ситуации в режиме свой/чужой) и физиологическим (вегетативный и гуморально-эндокринный аккомпанемент).

Однако подпитывался условный эмоциональный «акселератор» наших ученых согласно различным «меню». «Гастрономические пристрастия» эмоциональной сферы профессора Таренецкого включали в основном ассортимент идеальных «блюд». Его воодушевляли преимущественно стимулы духовного плана. Тогда как аналогичные «гастрономические предпочтения» в случае сэра Генри Велкома включали по преимуществу материальные «блюда». Возможно, благодаря православной, с одной стороны, и адвентистской мировоззренческой доминанте — с другой, что называется «с молодых ногтей» оба наших героя впитали евангелическую максиму (притча о хозяине и его работниках). Если ты не научился управлять своим личным «эмоциональным работником», то он будет помыкать тобой всю жизнь. Третьего не дано.

Действительно, религиозный импринтинг проясняется опытом регулярных интроспективных практик. И таким опытом, в частности, располагает один из основателей трансперсональной психологии и мэтров психологии сознания профессор Чарльз Тарт. В своем дневнике 16 июля 2020 г., оценивая личный опыт приобщения к лютеранской церкви в 1940-х годах, он писал: *«Я вижу с мудростью ретроспективы, что я не понимал большую часть религии, но я впитал ее. Это стало в значительной степени автоматическим способом мышления. Это включало в себя “факт”, что после смерти люди, если они были хорошими, попадали в рай, если плохими — в ад»* [54].

Закономерно сугубо потенциальные научные пристрастия обоих исследователей обрели кинетические, деятельностные черты научных приоритетов. Следовательно, «перекочевали» в ментальную сферу. Позднее пришло отчасти прояснилось исконное, сущностное понимание феномена Музея. Дома Муз, изначально «задуманного» и «проектируемого» одной из конфигураций сакрального храма. Отличного от всех иных священных «мест силы» и единения. Особых ритуальных мест, заточенных под сверхзадачу по возвращению утраченного некогда человеком единства со «все-что-есть» путем таинства «самосборки». Очевидно, семантическая палитра латинского слова «религия», помимо легитимных экзоте-

рических — этических «цветов» (religio — «благочестие», «святость»), имеет эзотерические, но вполне функциональные (глагольные) «оттенки» (religare — «связывать», «соединять», «воссоединять»).

Действительно, в различных церковных храмах, согласно их оригинальным «дорожным картам», «целевыми криптопоказателями» технологии таинства религиозной версии «самосборки» себя-любимого является воссоединение с некогда утраченными: духовным двойником, «второй половинкой», ближними (церковная община) и с богом. Воссоединение через посредников, в лице «наместников Бога на Земле». Библейский проект глобализации девальвировал исконную *веру Богу*, до статуса *веры в Бога*, чем поставил авторов и менеджеров этого проекта выше Бога, позволив править от его имени. Ключевым психологическим триггером «самосборки» здесь служит телесно-перцептивная «кнопка на пульте» реципиента. А зонд оператора анамнестической функции нацелен в архивы архетипов — «серую зону» пограничья биографической памяти и поверхностных пластов бессознательной сферы.

В Храме Науки, где «правит бал» ментальная «кнопка», условным «целевым показателем» является воссоединение с Логосом, в лице его легитимных резидентов на Земле. Со времен коперниковской революции Храм науки, отпочковавшись от Храма Церкви, дрейфует в свободном плавании, сохраняя многие атавизмы и родимые пятна на лице своем. В этом случае зонд оператора мнестической и катамнестической функций жестко лимитирован архивами сознательной сферы памяти. И да, этот «блудный сын», как и прочие — дрейфует сходящимися кругами к своим истокам. И есть в этой лоции теософская лепта. В иллюстрацию актуальности чайний по исконному фарватеру этого дрейфа приведем медитативный (!) шедевр поэта/профессора Валентина Сидорова: «А творчество возникло из молитвы. Да будет вновь молитвою оно!».

Храм Муз, как «место силы», призван будить, «взывать к жизни» вдохновение. Условными «целевыми показателями» в разных культурных традициях являются катарсис, сатори, инсайт и схожие трансовые эксцессы. Исторические артефакты и свидетельства в этом случае реализуют функционал «намоленных икон». В этом контексте патина, возможно, содержит в себе уникальный стратиграфический паттерн. Медиатором-посредником процесса

единения с искомой Музой (причастие) здесь служит интуиция. Ее шепот «резонируют» артефакты. Ключом в музейной «технологии самосборки» является эмоциональная «кнопка на пульте» внимающего. В процессе причастия («часть от части») зонд оператора анамнестической функции глубоко погружен в анналы бессознательной сферы.

Наши уважаемые ученые, реформируя музейное ремесло и коллекционируя «старину», тем самым щедро инвестировали в будущее. Причем ментальные и духовные инвестиции равновелики и эквивалентны инвестициям финансово-материальным. Вслед за А. С. Пушкиным, свой «памятник нерукотворный» они воздвигли в надлежащем месте. На земле своих предков. В Лондоне (Wellcome Collection) и в Санкт-Петербурге (Кунсткамера, этнографическая коллекция). Оба этих памятника и Храма венчает интегративный императив: они экспонируют *«смесь медицинских артефактов и оригинальных произведений искусства, исследующих “идеи о связях между медициной, жизнью и искусством”»*¹.

Но в первом случае памятник олицетворяет беспрецедентный «квартет»: *«В одном здании с музеем находятся библиотека, научно-исследовательский центр изучения истории медицины, а также благотворительный фонд Велком Траст ... (183 Euston Road, London NW1 2BE, UK)»*. Причем исследовательское подразделение музея является преемником «кузницы» нобелевских лауреатов — Wellcome Physiological Research Laboratories, основанной им в 1894 г. [42]. Дополнительной опцией является Wellcome Museum of Anatomy and Pathology (35-43 Lincoln's Inn Fields, London, WC2A 3PE) [4, с. 44]. И «краеугольный камень» в фундамент Биг Фармы также заложил Генри Велком. Во втором случае (Кунсткамера) — увековечен гармоничный симбиоз музея и научно-исследовательского института с мемориальной и дидактической опцией «в лице» профильных экспозиций в стенах alma mater профессора А. И. Таренецкого. Свои «краеугольные камни» оба наших ученых заложили в фундамент многих отраслей науки. Сэру Генри Велкому мы обязаны, в частности, закладкой основ современной отрасли знания — социальной истории медицины.

Симптоматично, что одна из миссий Wellcome Collection, выражаясь метафорически, — агрегация и архивирование «медий-

¹ URL: <https://wellcomecollection.org/>(дата обращения: 12.09.2021).

ного эха» на живых «скрижалях» основателя Храма. Скрижалях, тисненых им на той страничке планетарных хроник, где фиксируются следы прогресса человеческой цивилизации. Страница эта похожа на портфолио «лучших учеников школы». А потому бесстрастный глобальный исторический поток протезирует и потенцирует эту струйку — прецедент реальной «траектории успеха». Очевидно, данная миссия Wellcome Collection «материализует» живую связующую нить поколений. С другой стороны, «медийное эхо», подобно гармоникам опорной волны голограммы, все более четко и детально проявляет настоящий многомерный «портрет» личности провидца. Именно многомерный портрет не человека, но личности. Психологический и этический портреты.

Очевидно, в эпоху системного цивилизационного кризиса в интерпретациях диалектического закона о «единстве и борьбе противоположностей» актуален акцент на единстве, в пику борьбе. Потому «борются» не реальные «противоположности», но виртуальные «противоречия». Это, увы, издержки вербального симулякра физической реальности. В контексте выбора стратегий социализации, на современном этапе развития социума насущным является акцент единства «под знаменем» императивного этического принципа «эквивалентности мысли и слова, слова и дела». Поверх «гигиены зубов и рук» должна прорасти «гигиена слова и мысли».

Согласно оптимистичным версиям модели будущего, в обозримом будущем будет востребован категорический императив «эквивалентности мысли и дела». Роль вербального, а затем и визуального посредников постепенно нивелируется. Уже сегодня многие интуитивно ощущают, что зазор, временной лаг между мыслью и делом («материализацией мысли») в новейшей истории все более форсированно сужается. Уже на текущем этапе развития цивилизации очевидна тотальная неэквивалентность мысли и слова. Как и избыточность вербального симулякра реальности в будущем.

А прямо сейчас совсем рядом — Рубикон. Пробудившись «в одно прекрасное утро», инвесторы осознают, что они таки спонсоры. Спонсоры последнего банкета в «глобальном казино», которое в одночасье отменили и стерли. Вместе с частной собственностью, приватностью и прочими уютными иллюзиями. В будущем «обну-

лении» меньше прочих пострадают представители клана «старых денег» фининтерна («четвертого интернационала»), капитал которых ковался до выхода на историческую арену симулякра «глобального казино» с медийной «подтанцовкой». Почему это — так?

Потому что «старые деньги», в случае Wellcome Trust, еще и «длинные деньги». Они неустанно охотятся за древним медицинским «граалем» в грядущих столетиях, инвестируя в будущее. Такую стратегию могут себе позволить только государства. Это «государства в государстве». «Новые деньги» исповедуют краткосрочные инвестиции, т.е. это «короткие деньги». Нувориши прожигают виртуальные «нолики в компьютере», охотясь за условным «единорогом» в иллюзорном настоящем. Они обречены. И да, эти наши наблюдения лежат в русле одной из многих и многих моделей будущего.

Список источников

1. Плиний Старший Естественная история. Т. I. Книги I—II / Издание подготовили: Е. В. Илюшечкина, А. В. Подосинов, А. В. Белоусов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке; Изд-во Ун-та Дмитрия Пожарского, 2021. 600 с.
2. Реестр медицинских музеев России 2014: (по состоянию на 1 сент. 2014 г.) / Совет по развитию историко-медицинских музеев при Министерстве здравоохранения РФ; сост.: К. А. Пашков, Н. В. Чиж. М.: Печатный дом Магистраль, 2014. 407 с.
3. Об организации работы по сохранению и развитию историко-медицинского наследия Российской Федерации : приказ Министерства здравоохранения РФ от 10 февраля 2015 г. № 48. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420257272> (дата обращения: 12.09.2021).
4. Медицинское музееведение: справочные материалы по истории медицины для студентов медицинских и фармацевтических вузов всех форм обучения / МГМСУ им. А. И. Евдокимова; К. А. Пашков, Е. Е. Бергер, Г. Г. Слышкин и др.; под ред. К. А. Пашкова. М.: Печатный дом «Магистраль», 2017. 352 с.
5. Гладилов Валентин Владимирович: страницы жизни в медицинском образовании (биография, воспоминания, работы по истории здравоохранения и медицинского образования в Республике Коми) / под ред. Б. М. Завьялова (отв. ред.), А. В. Ватлина, В. Е. Ломова, Н. Н. Кораблевой. Киров, 2015. 368 с.

6. Гид по медицинским музеям Евразии / К. А. Пашков и др.; Моск. гос. мед.-стоматол. ун-т им. А. И. Евдокимова, каф. истории медицины. М.: Изд-во МГМСУ, 2014. 187 с.
7. Пашков К. А., Тугорская М. С., Чиж Н. В. История международных ассоциаций медицинских музеев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Т. 26. № 3. С. 169—173. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/0869-866X-2018-26-3-169-173>.
8. Примерное положение об историко-медицинском музее. М., 2014. 9 с. URL: https://www.sovet.historymed.ru/pdf/polojenie_o_museum_2014.pdf (дата обращения: 12.09.2021).
9. О совете по развитию историко-медицинских музеев: приказ Министерства здравоохранения РФ от 5 августа 2013 г. № 527. URL: <https://base.garant.ru/70432010/> (дата обращения: 12.09.2021) (дата обращения: 12.09.2021).
10. Комиссарова Е. В. История развития медицины в коллекциях Волгоградского областного краеведческого музея // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2006. № 4. С. 90—94.
11. Комиссарова Е. В., Киценко О. С. Роль региональных музеев в сохранении историко-медицинского наследия России // Вопросы музеологии. 2016. Т. 2. № 14. С. 34—43.
12. Комиссарова Е. В., Киценко Р. Н., Киценко О. С. Воспитание гражданственности и патриотизма будущих врачей на основе регионального историко-медицинского наследия // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2015. Т. 20. № 2(155). С. 182—185.
13. Кузыбаева М. П. Медицинские музеи России: становление и место в музейном мире (XVIII — первая треть XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 294 с.
14. Кузыбаева М. П. Отраслевой медицинский музей и его место в системе российского здравоохранения // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 11. 2010. Вып. 3. С. 218—225.
15. Кузыбаева М. П. Медицинские музеи вузов в начале XXI века // Высшее образование в России. 2011. № 7. С. 146—151.
16. Кузыбаева М. П. К истории формирования сети современных медицинских музеев России // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2013. № 7(108). С. 236—245.
17. Кузыбаева М. П. Практики, исследователи, музеееды: о деятельности представителей медицинской профессуры РСФСР в музейной сфере, 1917—1930 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1(18). С. 179—183.
18. Кузыбаева М. П. К истории анатомических музеев в России: музейная деятельность профессора А. И. Таренецкого (1845—1905) //

Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1 (26). С. 104—107.

19. Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональные асимметрии человека. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 1988. 240 с.

20. Руководство по функциональной межполушарной асимметрии / РАН, Науч. центр неврологии; ред. коллегия: В. Ф. Фокин (отв. ред.) и др. М.: Научный мир, 2009. 835 с.

21. Иванов С. В. Конвергенция и трансляционные тренды в зеркале Сыктывкарского отделения Геронтологического общества РАН // Успехи геронтологии. 2018. Т. 31. № 6. С. 878—886.

22. Иванов С. В. Драйверы развития высшего медицинского образования в контексте российских и глобальных трендов // За качественное образование : материалы IV Всерос. форума (с междунар. участием); Саратовский ГМУ. Саратов: Изд-во СГМУ, 2019. С. 213—227.

23. Оскар Уайльд. Афоризмы / О. Уайльд. М.: Эксмо, 2000. 234 с.

24. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721—2.03.1917): в 4 т. Т. IV. С-Я / сост. Е. Л. Потёмкин. М.: Б. и., 2019. С. 214—215. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01009994178#?page=215> (дата обращения: 12.08.2020) (дата обращения: 12.09.2021).

25. Иванов С. В., Гоппе Д. В., Керимова С. Н. К., Жорняк К. В. Антропологические корреляты межзрачкового расстояния: медицинские, физиогномические и психологические приложения // Человек. Культура. Образование. 2015. № 4(18). С. 245—263.

26. Bonfante S., Faux P., Navarro N., Mendoza-Revilla J. et al. A GWAS in Latin Americans identifies novel face shape loci, implicating VPS13B and a Denisovan introgressed region in facial variation // Sci. Adv. 2021. Vol. 7. № 6. eabc6160 DOI: 10.1126 / sciadv. abc6160.

27. Соколовский С. В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М.: Привет, 2004. 258 с.

28. Шамне Н. Л. Межкультурная и транскультурная коммуникация: к определению понятий // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2003. Вып. 3. С. 73—80.

29. Гайворонский И. В. Академик А. И. Таренецкий — выдающийся анатом XIX в. // Актуальные проблемы современной морфологии : материалы науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения акад. А. И. Таренецкого, 5—6 июня 2015 г. СПб.: ЛЕМА, 2015. С. 4—7.

30. Михалкина М. В., Михалкин К. П. Основоположник антропологического направления в анатомии академик А.И. Таренецкий // Развитие науки, национальной инновационной системы и технологий : сборник научных трудов по материалам Межд. науч.-практ. конф. 13 мая 2020 г. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород: Агентство АПНИ, 2020. С. 10—15.

31. Донсков С. И. Группы крови системы Rhesus: теория и практика. М.: ВИНТИ РАН, 2005. 391 с.
32. Донсков С. И., Мороков В. А. Группы крови человека. Руководство по иммуносерологии. М.: ИП Скороходов В.А., 2011. 1016 с.
33. Иванов С. В., Кутаева Г. А. Семантика статических инвариант физиогномического кода // Человек. Культура. Образование. 2016. №4(22). С. 132—147.
34. Таренецкий А. И. Кафедра и музей нормальной анатомии при Императорской Военно-Медицинской (бывшей Медико-Хирургической) Академии в Санкт-Петербурге за 100 лет. СПб.: К.Л. Риккер, 1895. 343 с.
35. Самусев Р. П., Гончаров Н. И. Эпонимы в морфологии. М.: Медицина. 1989. 352 с.
36. Гинзбург В. В. К истории кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской ордена Ленина академии им. С. М. Кирова (к 160-летию академии) // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1959. Т. 36. Вып. 1. С. 90—100.
37. Довинер Д. Г. Анатомические рисунки И. Е. Репина // Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1962. Т. 42. № 2. С. 98—105.
38. Наровчатов С. С. Необычайное литературоведение. 2-е доп. изд. М.: Молодая гвардия, 1973. 400 с.
39. Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973. С. 324—334.
40. Войскунский А. Е. Я говорю, мы говорим. Очерки о человеческом общении. М.: Знание, 1982. 192 с.
41. Гайворонский И. В., Твардовская М. В. Страницы истории кафедры нормальной анатомии. СПб., 1998. 68 с.
42. Larson F. An Infinity of Things: How Sir Henry Wellcome Collected the World. Oxford: Oxford University Press, 2009. 343 p.
43. Deer B. Memo on Henry Wellcome. URL: <https://briandeer.com/septrin/henry-wellcome.htm> (дата обращения: 12.09.2021).
44. Фурсов А.И. Русский ответ. URL: <https://zavtra.ru/blogs/russkij-otvet> (дата обращения: 12.09.2021).
45. Глушков В. М. Макроэкономические модели и принципы построения ОГАС. М.: Статистика, 1975. 160 с.
46. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.
47. Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М.: Мир идей; АО Акрон, 1995. 432 с.
48. Allen M., Friston K.J. From cognitivism to autopoiesis: towards a computational framework for the embodied mind // Synthese. 2018. Vol.195. P. 2459—2482 <https://doi.org/10.1007/s11229-016-1288-5>.

49. Ge X., Zhang K., Gribizis A. et al. Retinal waves prime visual motion detection by simulating future optic flow // *Science*. 2021. Vol. 373. Issue 6553. DOI: 10.1126/science.abd0830.

50. Adeel A.A.A. Henry Solomon Wellcome: A philanthropist and a pioneer sponsor of medical research in the Sudan Ahmed // *Sudanese J. of Paediatrics*. 2013. Vol 13. Issue № 2. P. 84—102.

51. Elhadd T. A. Sir Henry Solomon Wellcome and Dr Andrew Balfour: an enterprise on the Nile and the early foundation of public health and medical research in the Sudan // *J.R. Coll Physicians Edinb*. 2015. Vol. 45. № 2. P. 165—172. DOI: 10.4997/JRCPE.2015.216.

52. Wellcome H. S. (1912) Remains of primitive Ethiopian races discovered in the southern Sudan. Appendix II In: Addison F. *The Wellcome Excavations in the Sudan*. Vol I: Gebel Moya. Oxford University Press. 1949. P. 263—267.

53. Turner H. *Henry Wellcome: The Man, his Collection and Legacy*. London: The Wellcome Trust and Heinemann, 1980. 196 p.

54. Tart Ch.T. Why I've Studied Survival of Death Research, and What I Conclude, So Far. URL: https://blog.paradigm-sys.com/why-ive-studied-survival-of-death-research-and-what-i-conclude-so-far/#_ENREF_10 (дата обращения: 12.09.2021).

References

1. *Plinij Starshij Estestvennaya istoriya. Tom I. Knigi I—II* [Pliny the Elder. Natural history]/ E. V. Ilyushechkina, A. V. Podosinov, A. V. Belousov. Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke. Izdatel'stvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo, 2021. 600 p. (In Russ.)

2. *Reestr medicinskih muzeev Rossii 2014: (po sostoyaniyu na 1 sent. 2014 g.)* [Register of Medical Museums 2014 as of September 1, 2014] / K. A. Pashkov, N. V. Chizh. Moscow: Pechatnyj dom Magistral', 2014. 407 p. (In Russ.)

3. *Prikaz Ministerstva zdravoohraneniya RF ot 10 fevralya 2015 g. № 48 «Ob organizacii raboty po sohraneniyu i razvitiyu istoriko-meditsinskogo naslediya Rossijskoj Federacii»* [On the organization of work on the preservation and development of the historical and medical heritage of the Russian Federation: order of the Ministry of Health of the Russian Federation of February 10, 2015 No. 48]. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420257272> (accessed 12.09.2021)

4. *Medicinskoe muzevedenie: spravochnye materialy po istorii mediciny dlya studentov medicinskih i farmaceuticheskikh vuzov vsekh form obucheniya* [Medical museology: reference materials on the history of medicine for students of medical and pharmaceutical universities of all forms of education] / MGMSU im. A. I. Evdokimova; K. A. Pashkov, E. E. Berger, G. G. Slyshkin i dr.; edit. K. A. Pashkov. Moscow: Pechatnyj dom «Magistral'», 2017. 352 p. (In Russ.)

5. *Gladilov Valentin Vladimirovich: stranicy zhizni v medicinskom obrazovanii (biografiya, vospominaniya, raboty po istorii zdravoohraneniya i medicinskogo*

obrazovaniya v Respublike Komi) [Gladilov Valentin Vladimirovich: pages of life in medical education (biography, memoirs, works on the history of health care and medical education in the Komi Republic)] / edit. B. M. Zav'yalov; A. V. Vatlin, V. E. Lomov, N. N. Korableva. Kirov, 2015. 368 p. (In Russ.)

6. *Gid po medicinskim muzeyam Evrazii* [Guide to medical museums of Eurasia] / K. A. Pashkov i dr.; Mosk. gos. med.-stomatol. un-t im. A. I. Evdokimova, kaf. istorii mediciny. Moscow: Izd-vo MGMSU, 2014. 187 p. (In Russ.)

7. Pashkov K. A., Tutorskaya M. S., Chizh N. V. History of international associations of medical museums. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny = Problems of social hygiene, health care and history of medicine*, 2018, vol. 26(3), pp. 169—173. DOI: <http://dx.doi.org/10.18821/0869-866H-2018-26-3-169-173>

8. *Primernoe polozhenie ob istoriko-meditsinskom muzee* [Approximate provision on the Historical and Medical Museum]. Moscow, 2014. 9 p. URL: https://www.sovet.historymed.ru/pdf/polojenie_o_museum_2014.pdf. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420257272> (accessed 12.09.2021)

9. *Prikaz Ministerstva zdravoohraneniya RF ot 5 avgusta 2013 g. № 527 «O sovete po razvitiyu istoriko-meditsinskih muzeev* [On the Council for the Development of Historical and Medical Museums: Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of August 5, 2013 no. 527.]. URL: <https://base.garant.ru/70432010/> Available at: <http://docs.cntd.ru/document/420257272> (accessed 12.09.2021)

10. Komissarova E. V. The history of the development of medicine in the collections of the Volgograd Regional Museum of Local Lore. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta = Journal of Volgograd State Medical University*, 2006, no 4, pp. 90—94. (In Russ.)

11. Komissarova E. V., Kicenko O. S. The role of regional museums in preserving the historical and medical heritage of Russia. *Voprosy muzeologii = The Problems of Museology*, 2016, vol. 2, no 14, pp. 34—43. (In Russ.)

12. Komissarova E. V., Kicenko R. N., Kicenko O. S. Education of citizenship and patriotism of future doctors on the basis of the regional historical and medical heritage. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Izvestia Volgograd State Technical University*, 2015, vol. 20, no 2(155), pp. 182—185. (In Russ.)

13. Kuzybaeva M. P. *Medicinskie muzei Rossii: stanovlenie i mesto v muzejnom mire (XVIII — pervaya tret' XX v.)* [Medical museums in Russia: formation and place in the museum world (XVIII — first third of XX century)]. Moscow, 2011. 294 p. (In Russ.)

14. Kuzybaeva M. P. Otrasleyoj medicinskij muzej i ego mesto v sisteme rossijskogo zdravoohraneniya [Branch medical museum and its place in the Russian health care system]. *Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 11 = Bulletin of St. Petersburg University. Series 11*, 2010, no 3, pp. 218—25. (In Russ.)

15. Kuzybaeva M. P. Medical museums of universities at the beginning of the XXI century. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*, 2011, no 7, pp. 146—151 (In Russ.).

16. Kuzybaeva M. P. On the history of the formation of a network of modern medical museums in Russia. *Vestnik RGGU. Seriya «Kul'turologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya» = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Culturology. Art criticism. Museology"*, 2013, no 7(108), pp. 236—245. (In Russ.)

17. Kuzybaeva M. P. Practitioners, researchers, museologists: on the activities of representatives of the medical professorship of the RSFSR in the museum sphere, 1917—1930. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*, 2014, no 1(18), pp. 179—183. (In Russ.)

18. Kuzybaeva M. P. On the history of anatomical museums in Russia: museum activities of Professor A. I. Tarenetsky (1845—1905). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture*, 2016, no 1(26), pp. 104—107. (In Russ.)

19. Bragina N. N., Dobrohotova T. A. *Funkcional'nye asimmetrii cheloveka* [Human functional asymmetries]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Medicina, 1988. 240 p. (In Russ.)

20. *Rukovodstvo po funkcional'noj mezhpolusharnoj asimmetrii* [Guidance on functional interhemispheric asymmetry] / RAMN, V. F. Fokin. Moscow: Nauchnyj mir, 2009. 835 p. (In Russ.)

21. Ivanov S. V. Convergence and translational trends in the mirror of the Syktyvkar branch of the Gerontological Society of the Russian Academy of Sciences. *Uspekhi gerontologii = Advances in Gerontology*, 2018, vol. 31, no 6, pp. 878—886. (In Russ.)

22. Ivanov S. V. Drivers of the development of higher medical education in the context of Russian and global trends. *Za kachestvennoe obrazovanie: materialy IY Vseros. foruma (s mezhdunar. uchastiem); Saratovskij GMU* [For quality education: materials of the IV All-Russian. forum (with international participation); Saratov State Medical University]. Saratov: Izd-vo SGMU, 2019, pp. 213—227. (In Russ.)

23. Oskar Uajl'd. *Aforizmy* [Oscar Wilde. Aphorisms]. Moscow: Eksmo, 2000. 234 p. (In Russ.)

24. *Biograficheskij slovar'. Vysshie chiny Rossijskoj Imperii (22.10.1721—2.03.1917). V 4-h tomah. T. IV. S—YA* [Biographical dictionary. The highest ranks of the Russian Empire (22.10.1721—2.03.1917): in 4 volumes. T. IV. S—Z] / E. L. Potyomkin. Moscow: B. i., 2019, pp. 214—215. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01009994178#?page=215> (accessed 12.09.2021)

25. Ivanov S. V., Goppe D. V., Kerimova S. N. K., Zhornyyak K. V. Anthropological correlates of interpupillary distance: medical, physiognomic and psychologi-

cal applications. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie Man = Human. Culture. Education*, 2015, no 4(18), pp. 245—263. (In Russ.)

26. Bonfante S., Faux P., Navarro N., Mendoza-Revilla J. et al. A GWAS in Latin Americans identifies novel face shape loci, implicating VPS13B and a Denisovan introgressed region in facial variation. *Sci. Adv.* 2021. Vol. 7. № 6. eabc6160 DOI: 10.1126 / sciadv. abc6160

27. Sokolovskij S. V. *Perspektivy razvitiya koncepcii etnonacional'noj politiki v Rossijskoj Federacii* [Prospects for the development of the concept of ethno-national policy in the Russian Federation]. Moscow: Privet, 2004. 258 p. (In Russ.)

28. Shamne N. L. Intercultural and transcultural communication: towards the definition of concepts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanije = Science Journal of VolSU. Linguistics*, 2003, no 3, pp. 73—80. (In Russ.)

29. Gajvoronskij I. V. Academician A. I. Tarenetskij — an outstanding anatomist of the 19th century. *Aktual'nye problemy sovremennoj morfologii : materialy nauch. konf., posvyashch. 170-letiyu so dnya rozhdeniya akad. A. I. Tareneckogo, 5—6 iyunya 2015 g.* [Actual problems of modern morphology: scientific conference materials]. St. Petersburg: LEMA, 2015, pp. 4—7. (In Russ.)

30. Mihalkina M. V., Mihalkin K. P. The founder of the anthropological direction in anatomy, academician A. I. Tarenetskij. *Razvitie nauki, nacional'noj innovacionnoj sistemy i tekhnologii: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 13 maya 2020 g.* [Development of science, national innovation system and technologies: collection of scientific papers on materials of Int. scientific-practical conf.]. Belgorod: Agentstvo APNI, 2020, pp. 10—15. (In Russ.)

31. Donskov S. I. *Gruppy krovi sistemy Rhesus: teoriya i praktika* [Rhesus blood groups: theory and practice]. Moscow: VINITI RAN, 2005. 391 p. (In Russ.)

32. Donskov S. I., Morokov V. A. *Gruppy krovi cheloveka. Rukovodstvo po immunoserologii* [Human blood groups. Immunoserology Guide]. Moscow: IP Skorohodov V.A., 2011. 1016 p. (In Russ.)

33. Ivanov S. V., Kutaeva G. A. Semantics of static invariant physiognomic code. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie Man = Human. Culture. Education*, 2016, no 4(22), pp. 132—147. (In Russ.)

34. Tareneckij A. I. *Kafedra i muzej normal'noj anatomii pri Imperatorskoj Voенно-Medicinskoj (byvshej Mediko-Hirurgicheskoj) Akademii v Sankt-Peterburge za 100 let* [Department and Museum of Normal Anatomy at the Imperial Military Medical (formerly Medical-Surgical) Academy in St. Petersburg for 100 years]. St. Petersburg: K.L. Rikker, 1895. 343 p. (In Russ.)

35. Samusev R. P., Goncharov N. I. *Eponimy v morfologii* [Eponyms in morphology]. Moscow: Medicina. 1989. 352 p. (In Russ.)

36. Ginzburg V. V. To the history of the Department of Normal Anatomy of the Military Medical Order of Lenin of the Academy named after V.I. S. M. Kirov

(to the 160th anniversary of the Academy). *Arhiv anatomii, gistologii i embriologii* = *Archives of Anatomy, Histology and Embryology*, 1959, vol. 36, no 1, pp. 90—100 (In Russ.).

37. Doviner D. G. Anatomical drawings of I. E. Repin. *Arhiv anatomii, gistologii i embriologii* = *Archives of Anatomy, Histology and Embryology*, 1962, vol. 42, no 2, pp. 98—105 (In Russ.)

38. Narovchatov S. S. *Neobychajnoe literaturovedenie* [Extraordinary literary criticism]. 2-e dop. izd. Moscow: Molodaya gvardiya, 1973. 400 p. (In Russ.)

39. Knorozov Yu. V. On the classification of signaling. *Osnovnye problemy afrikanistiki* [Basic problems of African studies]. Moscow: Nauka, 1973, pp. 324—334. (In Russ.)

40. Vojskunsij A. E. Ya govoryu, my говорим. *Ocherki o chelovecheskom obshchenii* [I say, we speak. Essays on Human Communication]. Moscow: Znanie, 1982. 192 p. (In Russ.)

41. Gajvoronskij I. V., Tvardovskaya M. V. *Stranicy istorii kafedry normal'noj anatomii* [Pages of the history of the Department of Normal Anatomy]. St. Petersburg, 1998. 68 p. (In Russ.)

42. Larson F. *An Infinity of Things: How Sir Henry Wellcome Collected the World*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 343 p.

43. Deer B. *Memo on Henry Wellcome*. Available at: <https://briandeer.com/septrin/henry-wellcome.htm> (accessed 12.09.2021)

44. Fursov A. I. *Russkij otvet* [Russian answer]. Available at: <https://zavtra.ru/blogs/russkij-otvet> (accessed 12.09.2021)

45. Glushkov V. M. *Makroekonomicheskie modeli i principy postroeniya OGAS* [Macroeconomic models and principles of OGAS construction.]. Moscow: Statistika, 1975. 160 p. (In Russ.)

46. Nalimov V. V. Spontannost' soznaniya. *Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arhitektonika lichnosti* [Probabilistic theory of senses and semantic architectonics of personality]. Moscow: Prometej, 1989. 287 p. (In Russ.)

47. Nalimov V. V., Drogalina Zh. A. Real'nost' nereal'nogo. *Veroyatnostnaya model' bessoznatel'nogo* [The reality of the unreal. Probabilistic model of the unconscious]. Moscow: Mir idej; AO Akron, 1995. 432 p. (In Russ.)

48. Allen M., Friston K.J. From cognitivism to autoepoiesis: towards a computational framework for the embodied mind. *Synthese*, 2018, vol. 195, pp. 2459—2482. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11229-016-1288-5> (accessed 12.09.2021)

49. Ge X., Zhang K., Gribizis A. et al. Retinal waves prime visual motion detection by simulating future optic flow. *Science*, 2021, vol. 373, issue 6553. DOI: 10.1126/science.abd0830

50. Adeel A. A.A. Henry Solomon Wellcome: A philanthropist and a pioneer sponsor of medical research in the Sudan Ahmed. *Sudanese J. of Paediatrics*, 2013, vol 13, issue 2, pp. 84—102.

51. Elhadd T. A. Sir Henry Solomon Wellcome and Dr Andrew Balfour: an enterprise on the Nile and the early foundation of public health and medical research in the Sudan. *J.R. Coll Physicians Edinb.*, 2015, vol. 45, no 2, pp. 165—172. DOI: 10.4997/JRCPE.2015.216

52. Wellcome H.S. (1912) Remains of primitive Ethiopian races discovered in the southern Sudan. Appendix II In: Addison F. *The Wellcome Excavations in the Sudan*. Vol I: Gebel Moya. Oxford University Press. 1949, pp. 263—267.

53. Turner H. *Henry Wellcome: The Man, his Collection and Legacy*. London: The Wellcome Trust and Heinemann, 1980. 196 p.

54. Tart Ch. *T. Why I've Studied Survival of Death Research, and What I Conclude, So Far*. Available at: https://blog.paradigm-sys.com/why-ive-studied-survival-of-death-research-and-what-i-conclude-so-far/#_ENREF_10 (accessed 12.09.2021)

Сведения об авторах / Information about the authors

Иванов Сергей Викторович

кандидат медицинских наук,
доцент; заведующий кафедрой
фундаментальной медицины и
общественного здоровья Медицинского
института, Сыктывкарский
государственный университет
им. Питирима Сорокина

eLIBRARY: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=244051
Scopus: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57067537500>

167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

Пилипенко Вера Анатольевна

кандидат исторических наук;
зам. директора мединститута,
доцент кафедры фундаментальной
медицины и общественного здоровья
медицинского института,

Sergey V. Ivanov

Candidate of Medical Sciences, PhD,
MD, Associate Professor; Head of
the Department of Fundamental
Medicine and Public Health of the
Medical Institute of Pitirim Sorokin
Syktyvkar State University

eLIBRARY: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=244051
Scopus: <https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57067537500>

55, Oktyabrsky prosp., Syktyvkar,
167000, Russian Federation

Vera A. Pilipenko

Candidate of Historical Sciences,
PhD; Deputy Director of the Medical
Institute, Associate Professor of the
Department of Fundamental Medi-
cine and Public Health of the Medical
Institute

Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина

of Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University

eLIBRARY: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1064287&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0
167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

eLIBRARY: https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1064287&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0
55, Oktyabrsky prosp., Syktyvkar,
167000, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

20.09.2021

19.11.2021

22.11.2021

Научная статья / Original article

УДК 81-33

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-80>

**Языковой нонсенс
и языковая норма: проблема отношения к смыслу**

Иткулов Сергей Зуфарович

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия
им. Д. К. Беляева, Иваново, Россия, italian.sergey79@mail.ru

Аннотация. В статье дается анализ языкового нонсенса по отношению к языковой норме с учетом различных положений, высказываемых исследователями нонсенса. Используется компаративистский подход в сравнении культурно-эстетических концептов с целью выявления в них неких общих, универсальных принципов, положений и установок, а также с целью нахождения различий. Высказано мнение о том, что языковой нонсенс представляет собой не отход от норм, а создание собственной нормы — такой, в которой присутствуют условия, создающие возможность надления смыслом того, что обычно кажется бессмысленным, следовательно, понятия истинности или ложности того или иного высказывания во многом зависят от контекста, в который включено данное высказывание: для создания языкового нонсенса необходимо оставить привычный смысл и создать такой, в котором есть условия, создающие такую возможность. Привычная норма в данном случае трансформируется и конкретизируется, обретая тем самым истинность. Делается вывод, что языковой нонсенс является специфической эпистемологической категорией, выходящей за пределы обычного смысла, так как связан не только с высказыванием, но и с мышлением; он вытекает не только из субъективной точки зрения говорящего, но и во многом из его мироощущения и обладает связью с множеством смысловых коннотаций и интерпретаций, являясь своеобразным проявлением когнитивной функции человеческого сознания.

Результаты данной работы могут быть использованы в рамках языковедческих, культурологических, страноведческих, социокогнитивных исследований, посвященных изучению языковой культуры, а также нонсенс-литературы.

Ключевые слова: нонсенс, норма, смысл, семантика, семисентенция, истинность, ложность, фрейм

Для цитирования: Иткулов С. З. Языковой нонсенс и языковая норма: проблема отношения к смыслу // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 80—89. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-80>.

Language Nonsense and Language Norm: the Issue of Attitude towards Meaning

Sergey Z. Itkulov

Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev, Ivanovo, Russia, italian.sergey79@mail.ru

Abstract. *The article provides an analysis of linguistic nonsense in relation to the language norm while taking into account various provisions expressed by nonsense researchers. A comparative approach is used in comparing cultural and aesthetic concepts in order to identify some common, universal principles, provisions and attitudes in them, as well as to find out some differences. An opinion is expressed that linguistic nonsense is not a departure from norms, but rather creation of its own norm — the one with conditions that create a possibility of giving meaning to something that usually seems meaningless. Therefore, the concepts of truth or falsity of a particular statement largely depend on the context in which this statement is included: to create linguistic nonsense, it is necessary to leave the usual meaning and create the one with conditions that create such an opportunity. The usual norm in this case is transformed and concretized, thereby gaining truth. It is concluded that linguistic nonsense is a specific epistemological category that goes beyond the usual meaning since it is associated not only with the utterance, but also with thinking; it flows not only from the speaker's subjective point of view, but largely from his worldview as well and has a connection with a variety of semantic connotations and interpretations, being a kind of manifestation of the cognitive function of human consciousness.*

The results of this work can be used in the framework of linguistic, cultural, regional, and socio-cognitive studies devoted to studies of language culture, as well as nonsense literature.

Keywords: *nonsense, norm, meaning, semantics, semisentence, truth, falsity, frame*

For citation: Itkulov S. Z. Language nonsense and language norm: the issue of attitude towards meaning. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2021(4):80—89 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-80>.

Введение. Проблема смысла и бессмысленности высказывания — одна из самых острых проблем лингвистики. В связи с этим интересно рассмотреть культуру языкового нонсенса применительно к лингвистической норме. Целью данного исследования является анализ бессмысленности высказывания с учетом различных положений, высказываемых исследователями языкового нонсенса. Научная новизна исследования состоит в том, что проблема соотношения нонсенса и лингвистической нормы представлена как динамичная система взаимоотношения двух разных проявлений когнитивной функции человеческого сознания.

Методы исследования. Разнообразие исходного материала обусловило использование компаративистского метода, построенного на использовании сравнения и нахождения аналогий между различными понятиями и явлениями, что позволяет описывать изучаемые явления с точки зрения единства смыслообразующих аспектов. Проблема соотношения языкового нонсенса с языковой нормой рассмотрена в статье О. Алимурادова [1]; проблема бессмысленности высказывания рассматривалась в исследованиях А. Байера «Нонсенс» [2], С. Поцелуева «Бессмыслица в аспекте семантики» [3]; особенности языкового нонсенса рассматривались в статье С. З. Иткуллова «Нонсенс, абсурд и парадокс как лингвокультурологические категории» [4].

Основная часть. По мнению некоторых исследователей, нонсенс является лингвистической аномалией и представляет собой компонент ненормального речевого поведения, не соответствующий общепринятым критериям осмысленности, либо алогичную языковую субстанцию [1; 5]. Исследователь О. Алимуратов определяет нонсенс как значение, противоречащее общепринятому значению и связывает это явление с семантикой слова: «Нонсенсом называют последовательность слов, в которой нарушается принцип их семантической согласованности, например: квадратный круг, зеленые идеи» [1]. Исходя из этого, исследователь формулирует следующий тезис: «Нонсенсные выражения нарушают правило образования синтагм, т.е. связанной последовательности слов, ибо то, что входит в семантику одного слова, отрицается семантикой другого слова» [1]. В качестве примера исследователь приводит высказывание «I'll no be selling the fish for money» (я не буду продавать рыбу за деньги) и указывает, что в высказывании

происходит нарушение семантической связности вследствие противопоставления сем [там же].

Однако в данном случае мы видим не отрицание здравого смысла, а наличие двух противоречивых общих значений, которое можно определить не как нонсенс, а как парадокс [4]. Таков, например, знаменитый «парадокс лжеца», когда человек говорит: «Я лгу». Если это утверждение неверно, то говорящий сказал правду, и, следовательно, то, что он сказал, не является ложью. Если утверждение верно, а говорящий утверждает, что оно ложно, то его утверждение неверно [6]. Таким образом, получается, что если говорящий лжет, он говорит правду, и наоборот. Возникающее в результате противоречие и является парадоксом.

Что касается нонсенса, то О. Алимуратов отмечает, что «под нонсенсом мы подразумеваем **формальное или смысловое отклонение от нормы, отличающее его от утверждений, соответствующих нормам, которые принимаются за стандарт, к которому человек пытается подвести непонятные для него явления языка и речи, называя их нелогичными**» [1, выделено автором]. Однако исследователь видит отклонение от нормы только на уровне семантики или синтаксиса. Например, исследователь анализирует следующее стихотворение анонимного автора:

*The elephant is a graceful bird;
It flits from twig to twig.
It builds its nest in a rhubarb tree
And whistles like a pig*
[5, с. 121].

Слон — птица грациозная,
Скажу серьезно вам:
Щебечет мило, как свинья
Порхая по ветвям.
(мой перевод. — С. И.)

О. Алимуратов отмечает, что в обиходном сознании слово «слон» несет в себе смыслы тяжести и большого размера, объема, а «птица» — легкости и способности летать, поэтому данные существительные нельзя сопоставить даже как субъект и предикат одного и того же суждения [1]. Замечание о невозможности сопоставления существительных «слон» и «птица» в качестве субъекта и предиката весьма сомнительно. Следует отметить,

что этот текст является *семисентенцией*, то есть высказыванием, которое само по себе сформулировано правильно, но в этом случае субъекту приписывается предикат, который ему не подходит. Вот некоторые мысли, которые высказывает исследователь А. Байер по этому поводу: «Принципы, которые нарушаются в подобного рода утверждениях, трудно установить и охарактеризовать... Еще сложнее сформулировать и установить их вследствие того, что одни и те же правила можно нарушить в фигуральных выражениях, и нонсенса не будет. В любом подходящем семантическом контексте предложение “чайник закипает” совершенно осмысленно, несмотря на то, что оно представляет собой метонимию и, как следствие, категориальную ошибку (кипеть может содержимое чайника, но не сам чайник)» [2].

Таким образом, семисентенция — это утверждение, которое само по себе бессмысленно, но имеет смысл в определенном контексте (особенно художественном). Вопрос в том, насколько бессмысленно само по себе то или иное утверждение. О. Алимуратов пишет, что под бессмысленным понимается высказывание, которое не соответствует требованиям семантики или синтаксиса языка и указывает, что нонсенсное выражение не истинно и не ложно, так как под эти характеристики подходят только осмысленные высказывания [1]. Рассматривая выражение «Если появилась луна, то катер», исследователь указывает, что здесь нарушено синтаксическое правило, требующее соединять с помощью имплицативной связки «если..., то...» только высказывания, связанные причинно-следственными отношениями. Заметим, что в данном случае возникает такой лингвистический нонсенс, как «бессмысленная последовательность». А. Байер в качестве примера такой последовательности приводит высказывание «Прыжки удобоваримые индикаторы то под» и отмечает, что этот тип лингвистического нонсенса отличается от семисентенций только количественно [2].

С. Поцелуев указывает, что этот вид нонсенса связан с нарушением правил собственности / нарицательности, одушевленности / неодушевленности, человечности / нечеловечности, исчисляемости / неисчисляемости и т. д. [3]. Например, высказывание «мальчик горит автомобиль» нарушает правило о переходности / непереходности глаголов, а высказывание «Джон вынудил» — о

необходимом дополнении, но можно ли эти утверждения назвать бессмысленными? Бессмысленность здесь наблюдается на уровне грамматики, но не лексики. Проблема в том, что исследователи часто отождествляют категории «значение — бессмысленность» с категориями «истина — ложь» и бессмысленное утверждение часто считается ложным. Однако, как отмечает С. Поцелуев, «если бессмыслица и ложь, то какая-то очень странная ложь. Причем настолько странная, что вполне могла бы сойти и за странную истину» [3].

Например, анализируя строки из стихотворения М. Пика: «I saw all of a sudden / No sign of any ship» [7, с. 221] (Внезапно я не увидел никаких следов корабля), О. Алимуратов отмечает, что фраза «не увидел никаких признаков» ставит под сомнение истинность данного предложения [1]. Заметим, что выражение «внезапно не увидел» гораздо более бессмысленно, поскольку глагол «видеть» ассоциируется с присутствием чего-либо, и поэтому внезапно можно как раз увидеть что-либо неожиданно появившееся. Но является ли это утверждение ложным? Оно не содержит грамматических нарушений и состоит из слов, имеющих значение. А попытка создать синтаксические правила, которые автоматически предотвращают бессмысленность высказывания, заранее обречена на провал, поскольку «никакой, даже самый очевидный логический абсурд, нарушающий самые основы нашей картины мира, не имеет иммунитета против художественной утилизации» [3].

Следует также рассмотреть точку зрения на утверждения, которые не являются истинными или ложными: в данном случае отмечается, что в бессмысленном выражении «хорошо, что симметрия вкушает интуицию», смешаны разные смысловые категории, следовательно, оно не может быть ни истинным, ни ложным [1]. Обратим внимание, что это утверждение вызывает недоумение: утверждение может быть либо истинным, либо ложным. В этом случае многое зависит от контекста, в который включено утверждение. А. Байер, рассматривая выражение «вода сейчас кипит», указывает, что эти слова не будут иметь смысла, если будут произнесены во время торжественной церемонии или написаны без кавычек в середине статьи в энциклопедии, поскольку формулировка самого предложения правильна, но в данном случае нарушаются правила, которые ставят его в

соответствии с определенными внелингвистическими контекстами. Исследователь называет это явление семантическим нонсенсом [2].

Дело в том, что, противопоставляя нонсенс языковой норме, исследователи часто проводят формальный анализ существенных свойств значения и бессмыслицы, не принимая во внимание тот факт, что то, воспринимается ли данное утверждение как смысл или как бессмыслица, может зависеть от истории: «Для Декарта утверждение, что машина может мыслить, было абсурдным. Для нас этот вопрос, по крайней мере, можно обсудить. Как изменились формальные черты утверждения “Машины могут думать” с XVII века до наших дней, что тогда оно было бессмысленным, а для нас стало не бессмысленным, а спорным?» [2], а также от чисто психологических фактов: «Априорная несовместимость значений, якобы позволяющая умозаключать о невозможности бытия соответствующих предметов — это часто лишь видимость, порождаемая недостаточностью наших знаний о мире» [3].

Данное замечание очень важно. Выше мы рассматривали точку зрения, что нонсенс — это нарушение правил лексики или грамматики. Однако насколько верно это нарушение и следует ли оно из онтологической природы субъектов — серьезный вопрос. С. Поцелуев отмечает, что существование круглых квадратов невозможно в объективном мире по логике [3]. Вопрос в том, о какой логике идет речь. Если о классической логике евклидовой геометрии, то понятие логического вряд ли можно ограничить этим типом логики — с точки зрения евклидовой геометрии постулаты неевклидовой геометрии нельзя считать значимыми [там же]. Проблема, возникающая при создании такого нонсенса, заключается в разнице между бессмысленностью и беспредметностью. С. Поцелуев отмечает, что такое словосочетание, как «русская нация», тоже бессмысленно, но его существование возможно и даже целесообразно с определенной точки зрения [там же].

Таким образом, можно сказать, что нонсенс — это не нарушение нормы, а способ открытия новых смыслов, точнее, моделирование фреймов, где автор выходит из привычных фреймов и создает такой, который позволяет насытить эти предметы необходимыми предикатами. Однако, как отмечает Е. Сапогова, также возможно построить фрейм, где объекты будут находиться вне собственного смысла [8, с. 43—44]. Примером может служить отрывок из «Песни белого рыцаря» Л. Кэрролла:

*He said "I look for butterflies
That sleep among the wheat:
I make them into mutton-pies,
And sell them in the street".*

Сказал он: «Бабочек ловлю
В пшенице у ручья
И пудинг с мясом мастерю
Из них обычно я».
(перевод наш. — С. И.).

Как справедливо заметила Е. Сапогова, для создания такого нонсенса необходимо оставить привычный каркас (в данном случае, когда из бабочек невозможно приготовить мясной пудинг) и создать такой, где есть условия, создающие такую возможность [8, с. 10]. Затем читатель выстраивает новый фрейм, обычно вокруг одной отдельно взятой характеристики объекта или ситуации, изменяя ее и используя в качестве основы для создания новой целостности (фрейма) [там же].

Результаты исследования. Языковой нонсенс представляет собой не отход от норм, а создание собственной нормы — такой, в которой присутствуют условия, создающие возможность наделения смыслом того, что обычно кажется бессмысленным, следовательно, понятия истинности или ложности того или иного высказывания во многом зависят от контекста, в который включено данное высказывание. Таково, например, наделение субъекта несвойственными ему предикатами — привычная норма в данном случае трансформируется и конкретизируется, обретая тем самым истинность. Особо следует отметить так называемые бессмысленные последовательности, где нарушен синтаксис речи, но не мысли. Можно сказать, что языковой нонсенс связан не только с высказыванием, но и с мышлением; он вытекает не только из субъективной точки зрения говорящего, но и во многом из его мироощущения — вводя в речь словообразовательные, семантические, грамматические нонсенсы, говорящий во многом раскрывает собственное мироощущение [9, с. 74].

Заключение. Языковой нонсенс является специфической эпистемологической категорией, выходящей за пределы обычного смысла. Он обладает связью с множеством смысловых коннотаций и

интерпретаций, являясь своеобразным проявлением когнитивной функции человеческого сознания.

Список источников

1. Алимуратов О. А., Григорьева Н. В. Феномен нонсенса как компонент ненормативного речевого поведения // Молодой ученый. 2010. № 4 (15). С. 189—194. URL: <https://moluch.ru/archive/15/1370/> (дата обращения: 02.09.2021).
2. Байер А. К. Нонсенс. URL: <http://fege.narod.ru/termini/nonsense.htm> (дата обращения: 02.09.2021).
3. Поцелуев С. Бессмыслица в аспекте семантики. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/795/198/1208/Potseluev_Bessmyslitsa.pdf (дата обращения: 02.09.2021).
4. Иткулов С. З. Нонсенс, абсурд и парадокс как лингвокультурологические категории // Аграрный вестник Верхневолжья. 2019. № 3. С. 123—126.
5. Anonymous. The Elephant is a Graceful Bird // The Everyman Book of Nonsense Verse. New York: Everyman's Library, 2004. P. 121.
6. Логические парадоксы. URL: https://otherreferats.allbest.ru/philosophy/00816267_0.html (дата обращения: 02.09.2021).
7. Peake M. O'er Seas That Have No Beaches // The Everyman Book of Nonsense Verse. New York: Everyman's Library, 2004. P. 221.
8. Сапогова Е. Е. Вниз по кроличьей норе: метафора и нонсенс в детском воображении // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 36—44.
9. Соковнина В. В. Языковая игра в современной литературе нонсенса (на пример рассказа Дж. Леннона) // Новые подходы к изучению семантики : материалы межвуз. науч. конф., 6 марта 2012 г., Екатеринбург / [сост. Т. М. Воронина, А. М. Плотникова]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 69—74.

References

1. Alimuradov O. A., Grigor'eva N. V. The phenomenon of nonsense as a component of non-normative speech behavior. *Molodoj uchenyj = Young scientist*, 2010, no 4 (15), pp. 189—194. Available at: <https://moluch.ru/archive/15/1370/> (accessed: 02.09.2021). — (In Russ.)
2. Bajer A. K. *Nonsens* [Nonsense]. Available at: <http://fege.narod.ru/termini/nonsense.htm> (accessed: 02.09.2021).
3. Poceluev S. *Bessmyslica v aspekte semantiki* [Nonsense in the aspect of semantics]. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/795/198/1208/Potseluev_Bessmyslitsa.pdf (accessed: 02.09.2021).

4. Itkulov S. Z. Nonsense, absurdity and paradox as linguistic and cultural categories. *Agrarnyj vestnik Verhnevolzh'ya = Agricultural Bulletin of the upper Volga region*, 2019, no 3, pp. 123—126. (In Russ.)
5. Anonymous. The Elephant is a Graceful Bird. *The Everyman Book of Nonsense Verse*. New York: Everyman's Library, 2004. P. 121.
6. *Logicheskie paradoksy* [Logical paradoxes]. Available at: https://otherreferats.allbest.ru/philosophy/00816267_0.html (In Russ.) (accessed: 02.09.2021).
7. Peake M. O'er Seas That Have No Beaches. *The Everyman Book of Nonsense Verse*. New York: Everyman's Library, 2004. P. 221.
8. Sapogova E. E. Down the rabbit hole: metaphor and nonsense in the children's imagination. *Voprosy psihologii*, 1996, no 2, pp. 36—44. (In Russ.)
9. Sokovnina V. V. The language game in the modern literature of nonsense (for example, the story of J. Lennon). *Novye podhody k izucheniyu semantiki: materialy mezhvuz.nauch. konf., 6 marta 2012 g., Ekaterinburg* [New approaches to the study of semantics: materials of the inter-university. Scientific conference, March 6, 2012, Yekaterinburg] / [comp. T. M. Voronina, A. M. Plotnikova]. Yekaterinburg: Ural University Press, 2012, pp. 69—74. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Иткулов Сергей Зуфарович

кандидат культурологии, доцент
кафедры общеобразовательных
дисциплин, Ивановская
государственная сельскохозяйственная
академия имени Д. К. Беляева

153012, Россия, Иваново, ул. Советская,
д. 45

Sergey Z. Itkulov

Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor of the Depart-
ment of General Education Disci-
plines, Ivanovo State Agricultural
Academy named after
D. K. Belyaev,

45, Sovetskaya St., Ivanovo, 153012,
Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	06.09.2021
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	14.10.2021
Принята к публикации / Accepted for publication	26.10.2021

Научная статья / Original article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-90>

«Призрачные деревни» в культурной памяти России

Леонов Иван Владимирович¹, Кириллов Игорь Викторович²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия

¹ ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807>

² os84@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798>

Аннотация. В статье рассматривается историогенез образа «призрачной деревни» в культуре России. Отдельный блок текста посвящен анализу теоретико-методологических аспектов изучаемой проблематики — с опорой на работы Я. Асмана и П. Нора. Образ «призрачной деревни» позиционируется как значимый аспект культурной памяти, а также как своеобразное «место памяти». Проанализированы основные аспекты, участвующие в формировании образа «призрачной деревни» в культурной памяти России. В качестве причин возникновения и бытования указанного образа рассматриваются последствия модернизационных процессов, которые вызвали значительные сдвиги в социальной, экономической, повседневной и иных сферах культуры. Акцент делается на рассмотрении процессов урбанизации и роста промышленного производства, которые повлекли за собой отток населения из деревни в город и спровоцировали определенные изменения ценностно-смыслового статуса сельских поселений. Анализируются причины популяризации образа «призрачной деревни», формирующие ностальгическую тягу к традиционным аспектам культуры и прошлому в условиях города и модернизированной культуры. Отдельное внимание уделяется судьбе деревень в период военных потрясений XX века. Особо значимый аспект данной темы связан с Великой Отечественной войной, с трагическими событиями и испытаниями, которые выпали на долю советского народа и отразились на судьбах многих сел и деревень, пострадавших от рук врага или полностью уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками. Выдвинутые авторами статьи теоретические положения проиллюстрированы конкретно-историческим материалом и примерами из отечественной художественной культуры, включая литературу, киноискусство, эстраду, скульптуру, архитектуру и др. Дана оценка репрезентации темы «призрачных деревень» в современной российской культуре.

Ключевые слова: культурная память, место памяти, культурный код, российская деревня, урбанизация, модернизация, ностальгия, «страдающий» артефакт

Для цитирования: Леонов И. В., Кириллов И. В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 90—108. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-90>.

«Phantom Villages» in the Cultural Memory of Russia

Ivan V. Leonov¹, Igor V. Kirillov²

^{1,2} Saint-Petersburg State Institute of Culture, Saint-Petersburg, Russia

¹ ivaleon@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-0026-3807>

² os84@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-3401-1798>

Abstract. *The article considers historiogenesis of the image of a «phantom village» in the culture of Russia. A separate section of the text is devoted to the analysis of theoretical and methodological aspects of the studied problems — based on the works of Ya. Asman and P. Nora. The image of a «phantom village» is positioned as a significant aspect of cultural memory, as well as a kind of «place of memory». The main aspects involved in the formation of the image of a «phantom village» in the cultural memory of Russia are analyzed. The consequences of modernization processes that caused significant shifts in social, economic, everyday and other spheres of culture are considered as the causes of emergence and existence of this image. The emphasis is placed on the consideration of the processes of urbanization and the growth of industrial production, which led to the outflow of population from the village to the city and provoked certain changes in the value-semantic status of rural settlements. The reasons for popularizing the image of a «phantom village» are analyzed, forming a nostalgic craving for traditional aspects of culture and the past in the conditions of the city and the modernized culture. Special attention is paid to the fate of villages during military upheavals of the 20th century. A particularly significant aspect of this topic is connected with the Great Patriotic War, with the tragic events and trials that befell the Soviet people and affected the fate of many settlements and villages that suffered at the hands of the enemy or were completely destroyed by the Nazi invaders. The main aspects involved in the formation of the image of a «phantom village» in the cultural memory of Russia are analyzed, including nostalgic craving for the past, the consequences of modernization and urbanization, socio-cultural and military upheavals of the 20th century. Theoretical propositions put forward by the authors of the article are illustrated by the concrete historical material and examples from the national artistic culture, including literature, cinema, pop music, sculpture, architecture, etc. A representation assessment of the theme of «phantom villages» in modern Russian culture is given.*

Keywords: *cultural memory, place of memory, cultural code, Russian village, urbanization, modernization, nostalgia, «suffering» artifact*

For citation: Leonov I. V., Kirillov I. V. «Phantom villages» in the cultural memory of Russia. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2021(4):90—108 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-90>.

Постановка проблемы. Статья посвящена тематике, которая не так давно стала набирать популярность в отечественной науке и до сих пор остается недостаточно раскрытой. Речь идет о феномене «культурной памяти» (в терминологии Я. Асмана), включая частные аспекты данного явления. Одним из таких аспектов в культурной памяти России предстает образ «призрачной деревни», глубоко интегрированный в сознание носителей отечественной культуры. Указанный аспект культурной памяти носит устойчивый характер и на протяжении длительного времени, видоизменяясь и преобразуясь, сохраняет свой актуальный статус, — что делает его весьма интересным для изучения.

Теоретико-методологические основы исследования. Сам по себе феномен «культурной памяти» представляет собой комплекс сведений о прошлом (поддерживаемый соответствующими практиками), который существует в определенной культуре и отделен некоторым зазором от «памяти коммуникативной» — во многом ситуативной, бытующей «здесь и сейчас» на уровне непосредственных сведений о той или иной реальности культуры. Я. Асман так характеризует коммуникативную память: «Коммуникативная память охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым. Это те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Типичный случай — память поколения. Ее группа приобретает исторически. Эта память возникает во времени и проходит вместе с ним, точнее, со своими носителями. Когда носители, воплощавшие ее, умирают, она уступает место новой памяти» [1, с. 52—53]. В свою очередь культурная память своими корнями уходит в глубокое прошлое, формируя определенный комплекс сведений, включающий разнообразные формы (среди которых выделяются различные мифы, сюжеты, образы и другие феномены), — и реализуется в многообразных практиках, например в праздниках, ритуалах и т. п.

Специфика культурной памяти выражена в том, что она «направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [1, с. 54]. Сфера культурной памяти не всегда жестко структурирована и порой может включать различные представления о прошлом; иные из них относительно упорядочены, у них нередко можно отследить иерархические связи и выявить «смысловое ядро», а другие могут восприниматься как довольно разобщенные, неструктурированные, дробные, эклектичные. В культурной памяти конкретных сообществ (национальных, этнических и др.) складываются различные соотношения указанных составляющих — упорядоченных в пространственно-временном континууме компонент, а также комплексов, которые выглядят как слабоупорядоченные, имеющие мозаичную структуру. При этом та часть культурной памяти, которая на первый взгляд воспринимается как неупорядоченная, представляющая собой набор неких образов, архетипов, аллюзий прошлого, на самом деле может являть собой сложноустроенную целостность со многими связанными между собой «эпицентрами». Таким полицентричным образованиям свойственна сетевая структура, где каждый элемент имеет множество связей с другими составляющими и глубоко интегрирован в их пространство. Во многом такие образования сопоставимы с ризомой (в терминологии Ж. Делёза и Ф. Гваттари), для которой характерно отсутствие системообразующего эпицентра, то есть «генерала»: «В противоположность центрированным (даже полицентрированным) системам с иерархической коммуникацией и предустановленными связями, ризома является а-центрированной, неиерархической и незначающей системой — без Генерала, без организаторской памяти или центрального автомата...» [2, с. 38]; кроме того, их можно сравнить со структурой лабиринта, которую У. Эко именовал «сеткой» [См.: 3, с. 63]. Сложность обозначенных структур ведет к тому, что отдельные их элементы (в том числе те, которые кажутся поверхностному наблюдателю третьестепенными), будучи вплетенные в общую ткань культурной памяти, могут оказаться чрезвычайно значимыми для формирования и сохранения целостности представлений об историко-культурном прошлом.

Ведя разговор о культурной памяти, необходимо указать, что в работах Я. Асмана, являющегося признанным первопроходцем в данной сфере, термин «культурная память» трактуется достаточно узко и четко отделяется от «коммуникативной памяти». Культурная память в работах автора характеризуется как феномен, который отражает мифическую предысторию и события в абсолютном прошлом, учрежденный, в высокой степени оформленный, включающий ритуальные коммуникации и праздники как необходимые компоненты. Временная структура культурной памяти, носителями которой являются «специалисты», сводится к абсолютному прошлому, мифической древности [См.: 1, с. 58—59]. Указанные характеристики способствуют появлению существенного зазора между памятью культурной, прямо отождествляемой с древностью, и памятью «постдревней», которая затрагивает интервал от глубинных пластов истории и вплоть до современности. На наш взгляд, подход Я. Асмана является достаточно спорным; вызывает вопросы, в частности предложенное им четкое деление памяти на «коммуникативную» и «культурную». Мы можем наблюдать в современности явления, которые обладают практически всем набором формальных признаков, позволяющим отнести их, по Асману, к сфере культурной памяти (они вполне оформлены, учреждены, ритуализированы и т. д.), но произошли они не в седой древности, а буквально несколько десятилетий назад; в качестве примеров таких явлений можно указать на многие аспекты советской истории и культуры, связанные с революционными событиями, Гражданской войной, Великой Отечественной войной, покорением космоса и т. д. Кроме того, в сфере культурной памяти вполне могут проявляться феномены, которые имеют устойчивый характер и периодические актуализации как в древности, так и во времени, близком к современности, и в самой современности, — то есть обнаруживают свое актуальное проявление как в культурной, так и в коммуникативной памяти (что имеет непосредственное отношение к предмету настоящей статьи, указанному в заглавии). Названные обстоятельства делают зыбкими границы между «культурной» памятью и памятью «коммуникативной».

Структурными компонентами культурной памяти являются «символические фигуры» или определенные единицы, которые вполне могут быть соотнесены с «местами памяти» (в терминологии

П. Нора [4]). (При этом термин «места памяти» представляется недостаточно емким для обозначения в русском языке указанного феномена, поскольку нередко его воспринимают как указание на конкретный артефакт либо локацию, — в то время как «места памяти» далеко не во всех случаях являются таковыми. Данные феномены скорее можно трактовать как своеобразные средоточия сведений о прошлом, «сгустки», «зацепки», «узлы» памяти, которые укореняются не равномерно, а в соответствующих «точках притяжения».) Указанный теоретический ракурс особенно интересен в отношении анализа «слабоструктурированных» форм культурной памяти, нередко предстающих как совокупности нагроможденных элементов; однако эти элементы, будучи тесно интегрированы, являют собой своеобразные «гравитационные центры», втягивающие сведения о прошлом, — то есть «зацепки памяти».

Одной из таких «зацепок» в культурной памяти России является образ «призрачной деревни» — деревни исчезающей, страдающей, гибнущей, забытой, уничтоженной; деревни, чья материальная форма и смысловая аура претерпели неорганические изменения. Данный образ, будучи очень устойчивым, сформировался и бытует в культурной памяти России на протяжении многих поколений, оказывая довольно сильное психоэмоциональное воздействие на носителей отечественной культуры. Образы покосившихся домов, почерневших срубов с заколоченными окнами, пепелищ, среди которых возвышаются лишь уцелевшие печные трубы, заброшенных полей, заросших сорной травой; семейные воспоминания и донесенные масс-культурой сведения о различных потрясениях XX века, чрезвычайно болезненно отразившихся на деревне, — все это формирует особое «место памяти», значимое для российской культуры.

Результаты исследования. Генезис образа «призрачной деревни» достаточно сложен и включает проявление нескольких векторов, которые «подпитывают» его. Один из таких векторов основан на *проявлениях ностальгии, тоски по прошлому и его романтизации*, что свойственно представителям очень многих культур. Например, весьма устойчиво они обнаруживают себя в европейской культурной традиции, в том числе в античности и в более поздние исторические периоды, особенно в постренессансную эпоху. Показательно, что данные тенденции получали актуализацию в Европе Нового и

Новейшего времени в контексте роста инновационных процессов. При этом ностальгический вектор пробивался в западноевропейской культурной традиции сквозь ее направленность на будущее и постоянные перемены. В свою очередь в культурах, природа которых имела более традиционный характер, фактор ностальгии о прошлом, вызываемой в том числе инновационными процессами, носил, как нам представляется, более выраженный характер. Когда указанные культуры входили в полосу инновационных процессов, на фоне происходящих изменений рождалось восприятие уходящей историко-культурной реальности как чрезвычайно притягательной, практически эталонной, вплоть до приравнивания ее к золотому веку культуры. Идеализация былого проявлялась в самых разных культурных пластах — и в сочинениях высокоумных философов и литераторов («что пройдет, то будет мило» [5, с. 125]), и на самом обыденном уровне.

Второй вектор формирования образа «исчезающей деревни» в культурной памяти России вытекает из первого и связан с затянувшимся переходом от домодерна к модернизационным процессам (который к тому же проходил весьма травматично). Непременным спутником модернизации являлся рост городов и промышленного производства, что способствовало умалению значения деревни. В указанную историческую эпоху представители многих модернизируемых культур устойчиво воспринимали статус деревенского жителя и сельский образ жизни как нечто косное, архаичное, социально неуспешное. «Деревенскость» вызывала непонимание и порой пренебрежение со стороны жителей бурно развивающихся городов; в некоторых случаях слово «деревня» превращалось в бранное (показательным примером может служить сцена из популярного советского кинофильма «Любовь и голуби» (1984, реж. В. Меньшов), где Раиса Захаровна использует слово «деревня» как ругательство). Представляется, что это связано прежде всего с тем, что в эпоху модернизации достижение человеком социального успеха очень во многих случаях было связано с приобретением городского статуса и переходом на городские социокультурные (в том числе и поведенческие) установки; вспомним хотя бы шукшинского Алёшу Бесконвойного, который мечтал о том, чтобы его дети «уехали бы в большой город и возвысились там до почета и уважения» [6, с. 488]. На

фоне указанных выше обстоятельств проявлялись тенденции к идеализации былого культурного уклада, — в том числе сельского образа жизни как дистанцированного от прогресса со всеми его негативными аспектами и от резких инновационных сдвигов, нарушающих внутрикультурный баланс.

Российскую модернизацию (которая, как и в других европейских странах, сопровождалась переселением значительной части населения в города) принято характеризовать как явление относительно недавнее и по сути своей незавершенное. Так, к 1917 г. 80 % населения проживало в деревнях; численность городского населения в РСФСР превышает численность сельского только в конце 1950-х гг. [7, с. 10]. Причем нельзя утверждать, что переселение в город автоматически превращает человека в горожанина. Очень многие из современных российских горожан — горожане во втором-третьем поколениях, сохраняющие связи с деревней, в том числе ментальные. Зачастую (особенно это характерно для культур с высокой долей домодернизационных аспектов) выходцы из деревень, переместившись в города, воспроизводят в новой среде прежние культурные практики. Показательно, что многие иностранцы, приезжавшие в Россию, например В. Беньямин, характеризовали российские города, в том числе и Москву, как «недостаточно городские» [8, с. 201—202]. Представляется, что данные обстоятельства свидетельствуют в том числе о проявлении глубинных аксиологических оснований российской культуры, во многом связанных с исторически присущим ее носителям земледельческим образом жизни. Данные основания, будучи глубоко укорененными в сознании носителей отечественной культуры, включают в качестве одной из компонент образ дома, который в российской культуре ассоциируется прежде всего с домом деревенским, — что находит свое отражение даже в урбанизированной среде на уровнях формирования пространства, оформления интерьера и т. д. Возможно, что во многом с этим связано отношение к деревне, деревенскому быту и присущим деревне культурным практикам, которое проявляется в российском обществе, особенно среди представителей среднего и старшего поколения.

В таких условиях достаточно распространенным явлением становится *ментальная тяга* к деревне, которая может выражаться в привнесении в городскую жизнь отдельных элементов жизни

сельской (любопытен в этой связи, в частности, феномен дач в его современном виде и феномен садово-огородных хозяйств, весьма значимые для современной российской культуры). Кроме того, рассматриваемая тенденция может проявляться в стремлении к уходу из города в деревню, что весьма ярко отразилось в художественном творчестве. Показателен в данном случае кинофильм «Афоня» (реж. Г. Данелия, 1975), главный герой которого, прожив большой отрезок жизни в городе, возвращается в деревню, отбросив городское прошлое как «ненастоящее», бессмысленное. Другим, еще более выразительным и трагичным примером является фильм «Калина красная» (реж. В. Шукшин, 1973), центральной идеей которого также выступает возврат человека к своим деревенским истокам. Также данная тематика присутствовала в фильмах «Две жизни» (реж. К. Воинов, 1956), «Половодье» (реж. И. Бабич, 1962), «Дом и хозяин» (реж. Б. Метальников, 1967) и др.; всего, по подсчетам Л. Мазур, в советские времена было снято около 60 кинокартин, центральная тема которых была связана с возвращением в село [9]. Ментальная тяга к деревне проявлялась в самых различных сферах художественной культуры; укажем, например, на популярную некогда песню «Снится мне деревня» (муз. Б. Емельянова, сл. Л. Дербенева):

*Сам себя считаю городским теперь я,
Здесь моя работа, здесь мои друзья.
Но все так же ночью снится мне деревня —
Отпустить меня не хочет родина моя.*

Вообще деревенская тема была достаточно широко репрезентована в советской песенной культуре 1960—1980-х гг.; достаточно упомянуть такие советские ансамбли, как «Песняры» и «Верасы», которые часто обращались в своем творчестве к деревенской тематике. Песни названных ансамблей на деревенскую тему (в которых присутствовал мотив идеализации села и сельской жизни) находили широкий отклик у советского общества, в том числе и у городской аудитории.

Помимо уже названных обстоятельств, особую роль в формировании образа «призрачной деревни» в отечественной культуре сыграли тектонические историко-культурные сдвиги и потрясения XX века (революция 1917 года, радикальные социокультурные преобразования первых советских десятилетий,

Великая Отечественная война), которые чрезвычайно болезненно отразились на деревне, на традиционном, домодернизационном строе российской жизни. Смена социально-экономических укладов («формаций», если оперировать марксистской терминологией) никогда и нигде не проходит безболезненно, но в России XX века последствия этих перемен были чрезвычайно значительными. А последствия Великой Отечественной войны стали буквально катастрофическими.

Примечательно то, что «страдания», причиненные деревням, деревенским домам, всевозможным артефактам, присущим сельскому быту, воспринимаются представителями российской культуры особенно тяжело. Для иллюстрации данного тезиса можно привести ряд примеров из отечественной художественной культуры.

Вспомним в этой связи военные стихи К. Симонова. В хрестоматийном стихотворении «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» он, в частности, писал:

*Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

*Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на проселках свела [10, с. 88].*

Показательно, что один из наиболее значительных советских поэтов 1940-х гг. для усиления психоэмоционального воздействия на читателей обращается именно к деревенским образам и символам. Полемически заостряя формулировки, он даже декларирует, что Родина, что российская культура — прежде всего, вот это, домодерновое начало... Учитывая то впечатление, которое оказало на советское общество указанное стихотворение, следует признать, что читатели Симонова вполне приняли этот его тезис.

Начиная с 1960-х гг. тема страдания (в том числе и тема «страдающих», уничтоженных, «призрачных» деревень) активно использовалась для мемориализации памяти о Великой Отечественной войне. Прежде всего следует сказать про Мемориальный комплекс «Хатынь» (арх. Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин, скульптор С. Сели-

ханов). На месте, где стояли деревенские хаты, установлено 26 символических нижних венцов, выполненных из бетона, и 26 обелисков в виде печных труб; обелиски венчают колокола, которые каждые полминуты звонят по жертвам нацизма. Возле каждого из уничтоженных домов поставлен знак в виде распахнутой калитки, символизирующий гостеприимство деревенских жителей. Помимо названных объектов, комплекс включает мемориальные знаки колодцев в виде мраморных срубов. Также в состав Хатынского мемориального комплекса входит «Кладбище деревень» из 185 могил — по числу невозрожденных белорусских деревень, которые были сожжены захватчиками вместе с жителями. Могила каждой деревни выполнена в форме символического пепелища; в траурной урне хранится земля, взятая на месте уничтоженной деревни. Еще одна составляющая мемориального комплекса — символические «деревья жизни», на которых указаны названия 433 белорусских деревень, уничтоженных немецкими оккупантами вместе с жителями, но возродившихся после Великой Отечественной войны.

Ярким примером также выступает мемориал, который находится на месте деревни Большое Заречье (Волосовский район Ленинградской обл.). Эта деревня была уничтожена немецкими оккупантами в 1943 г., при этом погибло (в основном были сожжены заживо) 66 человек, в том числе 19 детей. После войны деревню не восстанавливали; в 1971 г. на ее месте был воздвигнут мемориал (арх. Ф. Гепнер). Основу мемориала составили печи, кроме которых от деревни почти ничего не осталось. Побеленные печные остовы, стоящие посреди обычного среднерусского пейзажа (поле, осины, ели...), создают исключительный по эмоциональной силе памятник. Большое Заречье часто именуют «русской Хатынью» — по аналогии с Хатынью белорусской.

Примечательно, что побеленный печной остов, стоящий посреди голого поля, присутствует и в составе другого мемориала — мемориала, поставленного на том месте, где когда-то была деревня Красуха Порховского района Псковской обл. Судьба этой деревни была такой же, как судьба Большого Заречья.

Характерно, что образ горящей деревни, горящих деревенских домов стал одним из центральных в художественном отображении Великой Отечественной войны:

*А в Вечном огне видишь вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата [11, с. 164].*

Помимо потрясений, вызванных войнами и вооруженными конфликтами, российские деревни в XX веке болезненно страдали — как это уже было выше указано — и от модернизационных процессов, включая социально-экономические и технологические преобразования. Следы этих перемен, прежде всего многочисленные заброшенные деревенские дома и другие крестьянские постройки, можно увидеть в самых разных концах России. Эта проблематика получила яркое отражение в отечественной художественной культуре, в том числе литературе и киноискусстве. Причем следует отметить определенную динамику: если в 1920—1930-х гг. в советской литературе и искусстве преобладали восторги по поводу форсированной модернизации, по поводу того, что «живых коней победила стальная конница» (С. Есенин) [12, с. 83], то для последних советских десятилетий характерно более взвешенное отношение к указанной проблематике, без былой однозначности. Для многих деятелей советской культуры данного периода было характерно скептическое отношение к модернизационным процессам; наступление города на деревню они нередко описывали как наступление хаоса, убывание жизни и порядка. Так, в известной повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» (1976), пронизанной эсхатологическими мотивами, повествуется о судьбе приангарской деревни, которая в связи со строительством Братской ГЭС была приговорена к затоплению, а жители ее должны были быть переселены. В. Распутин создал выразительные, эмоционально окрашенные описания пустеющих деревень: «Покосились заборы и прясла, почернели и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски — поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним...» [13, с. 420], «Неуклюже и голо торчали раскрытые стропила, мертво и властно смотрели в улицу проемы выставленных окон <...> стыли под небом оставленные на произвол судьбы русские печи» [14, с. 235]. Одна из наиболее впечатляющих сцен «Прощания с Матёрой» — сжигание оставляемых деревенских построек. Жители

Матёры голосят по горящей избе как по покойнику, воспринимают происходящее как нечто постыдное...

Аналогичные мотивы и образы можно найти и в творчестве других советских писателей, преимущественно у тех, кого принято относить к направлению «деревенской прозы» — у В. Астафьева («Вся деревня, задохнувшаяся в дикоросте, с едва натоптанной тропой, была в закрещенных окнах, с пошатнувшимися скворечниками, с разваленными оградами дворов и огородных плетней, с угасающими садовыми деревьями и вольно, дико разросшимися меж молчаливых изб тополями, черемухами, осинами, занесенными ветром из лесов» [15, с. 406]), у Ф. Абрамова, В. Шукшина и др. В контексте рассматриваемой темы следует также упомянуть несколько кинокартин — например, кинофильм реж. И. Добролюбова «Белые росы» (1984), показывающий наступление урбанизации на традиционный уклад деревни, в которой живут главные герои; посвященный теме затопления деревень фильм «Прости-прощай» (реж. Г. Кузнецов, 1979); фильм «Крутое поле» (реж. Л. Саков, 1979) — один из первых отечественных кинофильмов, в которых было обозначено критическое отношение к ликвидации «неперспективных» деревень. Достаточно ярко данная тема была представлена в советской публицистике 1960—1980-х гг. [16].

Примечательно, что многие из перечисленных выше произведений — как произведений литературы и киноискусства, так и архитектурных сооружений — удостоились в 1960—1980-х гг. большого общественного внимания, а в ряде случаев и высоких государственных наград. Так, создатели Хатынского мемориала были удостоены Ленинской премии; за памятник «Скорбящая псковитянка», установленный на том месте, где когда-то была деревня Красуха, скульптор А. Усаченко стала лауреатом премии Ленинского комсомола, о трагедии Красухи был снят документальный фильм («Была на земле деревня Красуха», реж. П. Русанов, 1969 г.). Повесть «Прощание с Матёрой» издавалась большими тиражами и была экранизирована (к/ф «Прощание», реж. Л. Шепитько и Э. Климов, 1981). Фильм «Белые росы» в 1984 г. стал одним из лидеров советского кинопроката — за год его в кинотеатрах посмотрело свыше 36 млн человек. Таким образом, с полным на то основанием можно сказать, что внимание советского общества к теме призрачных, «страдающих», исчезающих деревень было

весьма высоко — и наличие этой проблемы, и допустимость (и даже необходимость) рефлексии по поводу нее признавалась советским руководством; сам факт появления множества кинофильмов на рассматриваемую тематику свидетельствует о многом — не будем забывать о том, что сценарии этих фильмов проходили через худсоветы и получали официальное одобрение. Эта тема стала частью позднесоветского дискурса, в том числе и официального.

Отметим, что генезис образа «призрачных деревень» в отечественной культуре существенным образом связан с таким аспектом восприятия их исторических биографий, как «страдание». Дело в том, что восприятие артефактов и памятников через призму «страданий» значительно усиливает их статус, привлекает к ним большое общественное внимание, позволяет воспринимать их как исторически сложные и многослойные памятники. Представляется, что «призрачные деревни» выступают в качестве одного из таких «мест памяти», и фактор «страдания» играет весомую роль в его психоэмоциональном переживании [17].

К сожалению, на современном этапе образ «призрачной деревни» обделен должным вниманием со стороны литературы, кинематографа и электронных СМИ. И потрясения XX в., и перемены последних десятилетий (в ходе которых, к примеру, многие районы Севера и европейского Нечерноземья буквально обезлюдели и появилось великое множество заброшенных деревень и поселков; согласно данным Росстата, в 1989 г. в Российской Федерации было 26,2 тыс. сельских населенных пунктов с числом жителей до 6, включая вовсе безлюдные сёла и деревни, а к 2010 г. число таких населенных пунктов увеличилось до 42,4 тыс., из них в 19,4 тыс. население фактически не проживало [18, с. 103; 19, с. 17]) в них отражаются довольно слабо. В настоящее время в отображении деревенской тематики в пространстве массовой культуры России доминируют такие векторы, как «комедийная лубочность» (неискusstное, утрированное, во многих случаях вульгарное отражение деревенской жизни), а также нарочитая фиксация внимания на негативных аспектах сельского быта. Одним из существенных недостатков указанных векторов является то, что они упрощают образ деревни, которая по своей природе является серьезным, сложным, многогранным культурным комплексом. Представляется, что и рефлексия по поводу деревенской составляющей российской

культуры (в том числе и по поводу былых и современных потрясений, связанных с ней) должна соответствовать всей сложности и значимости деревенской тематики.

Заключение. Таким образом, к настоящему времени в силу целого ряда исторических обстоятельств образ «призрачной деревни» стал значимым для культурного кода России, глубоко интегрировавшись в его пространство. Даже на фоне качественных преобразований в современной культуре, на фоне засилья ее массовых форм рассматриваемый образ сохраняется, обеспечивая культурно-генетические связи с прошлым и порой вступая в противоречие со многими аспектами современной культуры. При этом указанный образ преобразуется и усложняется вместе с отечественной культурой, во многом отражая ее сложносоставную природу и исторический путь. Примечательны в данном случае слова В. Шукшина, который аттестовал себя так: «я — ни городской до конца, ни деревенский уже» [20, с. 410]. Наверное, многие наши соотечественники в последние десятилетия могли бы подписаться под этими словами.

В завершение статьи следует сказать о памятнике, название которого было вынесено в ее заголовок, — о памятнике «Призрачная деревня», созданном в 1985 г. близ г. Кировска Ленинградской обл. по проекту арх. М. Хидекеля и О. Романова. Мемориал состоит из памятного камня с надписью: «На этом месте была д. Арбузово, 58 дворов, уничтожена в боях за Ленинград с фашистскими захватчиками в 1941—1944 гг.», от которого дорожка ведет к масштабной скульптурной композиции, символизирующей дома погибшей деревни. Композиция снабжена художественной подсветкой, включающейся в ночное время. Возле композиции положены плиты, на которых высечено: «Земля Кировского района в годы Великой Отечественной войны стала местом ожесточенных боев с немецко-фашистскими захватчиками. В 1941—1944 гг. уничтожены...» — и далее идет перечисление 38 погибших деревень и поселков Кировского района. Памятник «Призрачная деревня» наряду с другими мемориальными объектами находится на территории «Невского пятачка» — места, в котором во время Великой Отечественной войны происходили невиданные по ожесточению бои.

Список источников

1. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
3. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / пер. с итал. Е.А. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2003. 91 с.
4. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1999. С. 16—148.
5. Пушкин А. С. Если жизнь тебя обманет // Пушкин А. С. Избранные произведения. Ленинград: Лениздат, 1973. С. 125.
6. Шукшин В. М. Алёша бесконвойный // Шукшин В. М. Собрание сочинений в 6 кн. Кн. 2. Верую! М.: Надежда, 1998. С. 480—493.
7. Народное хозяйство СССР в 1958 году: стат. сборник. М.: Госстатиздат, 1959. 960 с.
8. Беньямин В. Москва // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. С. 163—209.
9. Мазур Л. Н. «Деревенское кино» 1950—1980-х гг. как историко-культурный феномен советской эпохи // Культурологический журнал. 2014. № 1 (15). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/254.html&j_id=18 (Дата обращения: 21.08.2021).
10. Симонов К. М. «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...» // Симонов К. М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы. М.: Художественная литература, 1979. С. 88—89.
11. Высоцкий В. С. Братские могилы // Высоцкий В. С. Собрание сочинений: в 4 кн. Кн. 2. Мы возвращаем землю. М.: Надежда-1, 1997. С. 164.
12. Есенин С. А. Сорокоуст // Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. Стихотворения (Маленькие поэмы). М.: Наука — Голос, 1997. С. 81—84.
13. Распутин В. Г. Прощание с Матёрой // Астафьев В. П., Белов В. И., Распутин В. Г., Шукшин В. М. Русская проза XX века. М.: Астрель, АСТ, 2003. С. 419—617.
14. Распутин В. Г. Вниз и вверх по течению // Распутин В. Г. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Иркутск: Издатель Сапронов, 2007. С. 213—285.
15. Астафьев В. П. Любочка // Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. С. 390—428.

16. Иванчук Д. В. Проблема ликвидации «неперспективных» деревень в публицистическом отражении авторов деревенской прозы // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. № 1 (37). С. 112—119.

17. Леонов И. В., Кириллов И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 6 (111). С. 176—183.

18. Российский статистический ежегодник. 2019. М.: Росстат, 2019. 708 с.

19. Ткаченко А. А. О реальном и номинальном количестве сельских населенных пунктов в современной России и ее регионах // Известия Русского географического общества. 2018. № 2. С. 15—24.

20. Шукшин В. М. Монолог на лестнице // Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 6 кн. Кн. 3. Странные люди. М.: Надежда, 1998. С. 404—419.

References

1. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity] / transl. M. M. Sokol'skaja. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.)

2. Delez Zh., Gvattari F. *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia] / transl. Ya. I. Svirskiy; ed. V. Yu. Kuznecov. Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel', 2010. 895 p. (In Russ.)

3. Eko U. *Zametki na polyah «Imeni rozy»* [Notes on the margins of the Name of the Rose] / transl. E.A. Kostyukovich. St.Petersburg: Simpozium, 2003. 91 p. (In Russ.)

4. Nora P. *Mezhdru pamyat'yu i istoriej. Problematika mest pamyati. Franciya-pamyat'* [France-memory] / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; transl. D. Hapaevoj. St.Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 1999, pp. 16—148. (In Russ.)

5. Pushkin A. S. *Esli zhizn' tebya obmanet*. Pushkin A.S. *Izbrannye proizvedeniya*. Leningrad: Lenizdat, 1973, p. 125. (In Russ.)

6. Shukshin V. M. *Alyosha beskonvojnyj*. Shukshin V. M. *Sobranie sochinenij v 6 kn. Kn. 2. Veruyu!* Moscow: Nadezhda, 1998, pp. 480—493. (In Russ.)

7. *Narodnoe hozyajstvo SSSR v 1958 godu: stat. sbornik* [The national economy in the USSR in 1958: statistical collection]. Moscow: Gosstatizdat, 1959. 960 p. (In Russ.)

8. Ben'yamin V. *Moscow. Ben'yamin V. Proizvedenie iskusstva v epohu ego tekhnicheskoy voproizvodimosti: Izbrannye esse* [A Work of Art in the Era of Its Technical Reproducibility: Selected Essays]. Moscow: Medium, 1996, pp. 163—209. (In Russ.)

9. Mazur L.N. "Village cinema" 1950—1980s as a historical and cultural phenomenon of the Soviet era. *Kul'turologicheskij zhurnal* [Cultural journal],

2014, no 1 (15). Available at: http://cr-journal.ru/rus/journals/254.html&j_id=18 (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

10. Simonov K. M. «Ty pomnish', Alyosha, dorogi Smolenshchiny...». Simonov K.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah. T. 1. Stihotvoreniya. Poemy. Vol'nye perevody*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1979, pp. 88—89. (In Russ.)

11. Vysockij V. S. Bratskie mogily. Vysockij V. S. *Sobranie sochinenij v 4 kn. Kn. 2. My vrashchaem zemlyu*. Moscow: Nadezhda, 1997, p. 164. (In Russ.)

12. Esenin S. A. Sorokoust. Esenin S. A. *Polnoe sobranie sochinenij v 7 t. T. 2. Stihotvoreniya (Malen'kie poemy)*. Moscow: Nauka — Golos, 1997, pp. 81—84. (In Russ.)

13. Rasputin V. G. Proshchanie s Matyoroj. Astaf'ev V.P., Belov V.I., Rasputin V.G., Shukshin V.M. *Russkaya proza XX veka* [Russian prose of the twentieth century]. Moscow: Astrel', AST, 2003, pp. 419—617. (In Russ.)

14. Rasputin V. G. Vniz i vverh po techeniyu. Rasputin V. G. *Sobranie sochinenij v 4 t. T. 2*. Irkutsk: Izdatel' Sapronov, 2007, pp. 213—285. (In Russ.)

15. Astaf'ev V. P. Lyudochka. Astaf'ev V. P. *Sobranie sochinenij v 15 t. T. 9*. Krasnoyarsk: PIK «Ofset», 1997, pp. 390—428. (In Russ.)

16. Ivanchuk D. V. The problem of liquidation of “unpromising” villages in the journalistic reflection of the authors of village prose. *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN = Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*, 2019, no 1 (37), pp. 112—119. (In Russ.)

17. Leonov I.V., Kirillov I.V. “Suffering” artifact: the main forms of incarnations and peculiarities of perception. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no 6 (111), pp. 176—183. (In Russ.)

18. *Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2019*. [Russian statistical yearbook. 2019]. Moscow: Rosstat, 2019. 708 p. (In Russ.)

19. Tkachenko A. A. About the real and nominal number of rural settlements in modern Russia and its regions. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva = News of the Russian Geographical Society*, 2018, no 2, pp. 15—24. (In Russ.)

20. Shukshin V. M. Monolog na lestnice. Shukshin V. M. *Sobranie sochinenij v 6 kn. Kn. 3. Strannye lyudi*. Moscow: Nadezhda, 1998, pp. 404—419. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Леонов Иван Владимирович

доктор культурологии, доцент, доцент
кафедры теории
и истории культуры,
Санкт-Петербургский государственный
институт культуры

Ivan V. Leonov

Doctor of Culture-Studies, Associate
Professor, Associate Professor of the
Theory and History of Culture De-
partment of Saint-Petersburg State
Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Peters-
burg, 191186, Russian Federation

Кириллов Игорь Викторович

Igor V. Kirillov

магистрант кафедры теории и истории
культуры, Санкт-Петербургский
государственный институт культуры,

Master student of the Theory and
History of Culture Department of
Saint-Petersburg State Institute of
Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-Peters-
burg, 191186, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

26.08.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

11.10.2021

Принята к публикации / Accepted for publication

26.10.2021

Научная статья / Original article

УДК 343.1

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-109>

**Текст в уголовном судопроизводстве: некоторые
междисциплинарные аспекты**

Лютынский Антон Мечиславович

Северо-Западный институт (филиал)

Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия,

anton040677@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8047-7938>

Аннотация. В статье предложены к рассмотрению отдельные проблемы уголовно-процессуального права в рамках постмодернистских подходов к анализу социальных явлений. Обратившись к публикациям в области культурологии, филологии, философии, автор показывает уголовный процесс (уголовное судопроизводство) как сложную систему нескольких уровней текста, взаимодействующих между собой: текст протокола, текст процессуального решения, текст закона, научный (доктринальный) текст. В качестве главного предмета анализа выступает текст показаний участника уголовного судопроизводства (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, эксперта), получаемый на допросе. Правовое значение вербальная информация, получаемая в ходе допроса, получает лишь после превращения в текст показаний, в создании которого активную роль играют властные участники производства по уголовному делу. Созданные таким путем тексты служат основным материалом для итогового решения по уголовному делу текста, формируемого на основе текстов, образующих содержание уголовного дела. Нормативные требования к получению показаний и принятию обоснованных решений содержатся в текстах особого рода — нормативных актах, уголовно-процессуальном законе. Этот пример иллюстрирует феномен права как текста. Также в этом контексте сделана попытка анализа некоторых научных и учебных текстов из области теории права, издававшихся в послевоенном СССР. Показано значение доктринальных текстов советского времени и их влияние на правовую реальность современного уголовного судопроизводства. В статье рассмотрены некоторые доктринальные термины, которые во многом определили содержание советской уголовной и уголовно-процессуальной политики. Советская правовая терминологическая традиция, отражавшая идеологические догмы, влияла и до сих

пор влияет на понимание важнейших аспектов уголовного судопроизводства, и даже на практику работы правоохранительных органов. Содержание современной дискуссии о сущности законности, об истине как цели уголовно-процессуального доказывания и важнейшей задаче уголовного судопроизводства во многом обусловлено представлениями, сложившимися в советской юридической науке.

Ключевые слова: постмодернизм, уголовное судопроизводство, показания, язык уголовного процесса

Для цитирования: Лютынский А. М. Текст в уголовном судопроизводстве: некоторые междисциплинарные аспекты // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 109—125. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-109>.

Text in Criminal Proceedings: Some Interdisciplinary Aspects

Anton M. Liutynskii

North-West Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafin, Vologda, Russia, anton040677@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-8047-7938>

Abstract. *The article describes certain problems of criminal procedural law in the framework of postmodern approaches to the analysis of social phenomena. Referring to publications in the field of Cultural studies, Philology, and Philosophy, the author shows the criminal process (criminal proceedings) as a complex system of several levels of text interacting with each other: the text of the protocol, the text of the procedural decision, the text of the law, and the scientific (doctrinal) text. The main subject of analysis is the text of the testimony of a participant in criminal proceedings (witness, victim, accused, suspect, expert) obtained during interrogation. Verbal information obtained during interrogation acquires legal significance only after it is transformed into a text of testimony, with authoritative participants in the criminal case playing an active role in its creation. The texts created in this way serve as the main material for the final decision in the criminal case for a text formed on the basis of the texts that form the content of the criminal case. Regulatory requirements for obtaining evidence and making informed decisions are contained in a special kind of texts — regulatory acts, criminal procedure law. This example illustrates the phenomenon of law as a text. Also in this context, an attempt was made to analyze some scientific and educational texts from the field of the theory of law published in the post-war USSR. The value of the doctrinal texts of the Soviet period and their influence on the legal reality of modern criminal proceedings are shown. The article discusses some doctrinal terms that largely determined the content of the Soviet criminal and criminal procedure policy. The Soviet legal terminological tradition while reflecting ideological dog-*

mas influenced and still affects the understanding of the most important aspects of criminal proceedings, and even the practice of law enforcement agencies. The content of the modern discussion about the essence of legality, about truth as the goal of criminal procedural proof and the most important task of criminal proceedings is largely due to the ideas prevailing in Soviet legal science.

Keywords: *postmodernism, criminal proceedings, testimony, language of criminal proceeding*

For citation: Liutynskii A. M. Text in criminal proceedings: some interdisciplinary aspects. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2021(4):109—125 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-109>.

Введение. Последние десятилетия в гуманитарных науках можно увидеть постоянное развитие междисциплинарных связей. Это явление все сильнее затрагивает отраслевые правовые науки, которые в силу своей специфики и важных прикладных задач более закрыты для связей с другими областями знания. Расширение и углубление связей уголовно-правовых наук с другими науками гуманитарного характера (социология, философия и т. д.) представляется актуальным в первую очередь в теоретическом плане. Анализ привычных правовых понятий через новые подходы позволит глубже анализировать их содержание. Автор предлагает рассматривать данную статью как продолжение пока еще немногочисленных публикаций, предлагающих совмещение нескольких научных дискурсов при анализе правовых понятий. В качестве иллюстрации такого подхода можно показать, как известный социолог науки Б. Латур анализирует и сравнивает работу юристов и ученых, находя различия в том числе в особенностях использования текста, к которому юристы прагматично сводят многообразие мира, выполняя важнейшую общественную функцию [1, с. 90], а российский криминолог анализирует социальную реальность через исследование текстов из документов уголовных дел, рассмотренных судом с участием присяжных в 90-е годы прошлого века [2].

В рамках настоящей публикации сделана попытка соединить несколько подходов, выйти за пределы традиционного для науки уголовного процесса права анализа уголовно-процессуальных норм [3] и практики их применения [4]. Развитие междисциплинарного подхода, анализа взаимосвязи разных областей научного знания

позволяет ставить вопрос о правомерности рассмотрения уголовно-процессуальных понятий (например: истина по делу, законность, показания, протокол следственного действия) не только в историческом контексте, но и с привлечением исследований в области филологии, литературоведения, политической антропологии и др.

Попытка совмещения новых подходов к анализу правовых явлений видится актуальной и могущей иметь значение для дальнейшего развития междисциплинарных связей правовых и иных гуманитарных наук — философии, лингвистики, исторической антропологии и т. д.

Предметом исследования являются несколько важнейших правовых явлений из области уголовного судопроизводства — показания, законность, доказывание, существующие в рамках норм уголовно-процессуального права, проанализированные на основе изучения: 1) норм Уголовно-процессуального кодекса России (Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ в ред. от 01.07.2021 года, далее — УПК РФ); 2) юридических научных текстов; 3) текстов, содержащих официальное судебное толкование отдельных норм права — позиции Пленума Верховного суда РФ; 4) текстов судебных решений по уголовным делам и текстов в процессуальных документах по уголовным делам, содержащих показания (практика Вологодского городского суда, 2020 год).

Постмодернизм — философское направление, выросшее в XX веке в основном из философии культуры и структурализма как одного из направлений философии. В его основе лежат несколько концептуальных положений, которые здесь мы не будем подробно анализировать. В научной литературе не раз отмечали сложность определения сущности постмодернизма. Это и система взглядов, и особенный стиль мышления, и признак кризиса культуры, симптом тревожного состояния общества [5, с. 49]. Сама суть постмодернизма позволяет выбрать какой-то особый аспект. Ближе всего к теме настоящей публикации постмодернистский подход, сложившийся в культурологии и литературоведении, где вводится и используется понятие кода, метаповествования, метарассказа, дающего основу для философии повседневности [6, с. 104].

Истины и подлинного знания в этой постмодернистской концепции не существует, она создается нарратором (рассказчиком)

в процессе создания текста, и кроме текста (который шире, чем просто лингвистическое понятие) не существует ничего [7, с. 99].

Важнейшими понятиями постмодернистского подхода выступают:

а) деконструкция, которая заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, дискурсивных практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые, в свою очередь, столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи;

б) симулякр, т.е. результат процесса симуляции, когда реальность создается моделями реального. Постмодернисты утверждали, что основой знания и подсознания является язык, т.е. текст, опосредующий связь с реальностью и эту реальность создающий с помощью таких средств, как цитатность, возможность интерпретаций, игровое начало, пародийность, размытость авторского начала и др. [8, с. 50].

Продуктивность постмодернистского подхода к описанию правовых явлений заключается в расширении возможности более свободного обращения со сложными категориями; в возможности применить критику явления в соответствующем контексте, привлекая данные других наук; в поиске такого способа интерпретации, который служит прикладным общественным задачам права; в совершенствовании языков, которым пользуются юристы — как нормативного языка, так и текста, порождаемого в ходе правоприменения.

Говоря о применении постмодернистских подходов к уголовно-процессуальному праву, можно провести аналогию с исторической наукой. На наш взгляд, в определенном смысле историческое исследование как способ познания близко к процессуальному познанию преступления (всегда — события прошлого) в рамках уголовного дела. Методология исторического исследования близка к правовым наукам, исследующим процесс познания преступного события [подробнее см. 9].

Философский аспект показаний и текстов протоколов в уголовном судопроизводстве можно рассматривать как частный пример, иллюстрирующий проблемы познания, и как элемент дискуссии об истинности знания, получаемого в рамках уголовно-

процессуального доказывания. Эти вопросы привлекают внимание ученых-юристов. Так, в междисциплинарном исследовании, посвященном особенностям юридического познания в очередной раз (в контексте известного законопроекта об объективной истине) ставится вопрос о необходимости дальнейшего развития взаимосвязи юридической науки и новых философских направлений [10, с. 33—47].

В. А. Лазарева и Д. В. Попов в совместной монографии подробно анализируют сущность показаний свидетеля, используя в том числе постмодернистский подход, в рамках которого вполне правомерны утверждения о том, что реальности нет, есть виртуальная реальность как совокупность созданных и интерпретированных текстов. При этом авторы на примере показаний описывают свое понимание создания правовой реальности в рамках уголовного дела: показания, которые в ходе процессуальных действий излагает свидетель (сообщение) — первая фаза существования правовой реальности; сообщение создает основу для протокола следственного (судебного) действия — это уже другой текст, другая реальность [11, с. 17—18]. Не соглашаясь частично с данной позицией, отметим, что судопроизводство по конкретному делу — явление, существующее в текстовой (виртуальной) реальности более высокого порядка — в правой реальности, которую формирует закон в широком смысле (Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Конституция РФ, нормы международного права и т. д.) и уточняет правоприменительная практика. Игнорировать это «правовое поле» невозможно — оно создает нормативный язык, который имеет определяющее значение для производных явлений, которым, например, является доказательство по уголовному делу. В соответствии с этим уровнем реальности показания — не только сообщение свидетеля в виде устной вербальной информации. Показания — это письменный текст, созданный определенным в законе лицом по специальным правилам на основе сообщения лица, которое по закону может быть допрошено, и оформленный также в соответствии с законом. Другими словами, показания — это реальность, сформированная допрашивающим совместно с допрошенным лицом и отраженная в виде текста в официальном документе, имеющем правовое значение (протокол допроса, очной ставки, предъявления для

опознания на предварительном следствии, протокол судебного заседания, составляемый в ходе судебного разбирательства).

Значение этого текста сложно переоценить, тексты-показания позволяют формировать еще один слой правовой реальности — приговоры и иные итоговые решения по уголовным делам, имеющие огромное значение для конкретных ситуаций и людей. Именно поэтому нельзя согласиться с утверждением В. А. Лазаревой и Д. В. Попова, что показания существуют лишь в тот момент, когда свидетель излагает суду сохраненную в памяти информацию [11, с. 19]. Закон дает возможность участникам допроса — получателям информации — в момент формирования показаний *влиять* на позицию допрашиваемого и таким образом *формировать* итоговый текст. Именно он, а не слова, сказанные вне его, имеют значение для суда при оценке доказательства, именно показания как текст существуют в поле текста права.

Кроме того, нельзя забывать и то, что с точки зрения уголовного права ответственность за показания наступает с момента их фиксации в протоколе, т. е. до этого получаемая информация не обладает признаками показаний. При том, что непосредственность получения показаний закон в целом предусматривает как важное правило, но оно имеет определенные объективные исключения. В ряде случаев показания как текст, оформленный в рамках предварительного расследования, могут быть исследованы в суде путем их оглашения, т. е. по существу путем прочтения вслух в рамках судебного разбирательства по делу. Только после этого показания могут лечь в основу судебного решения по делу.

Таким образом, взяв в качестве примера уголовное судопроизводство, мы можем увидеть взаимосвязь трех уровней реальности в виде текста: уровень закона, текст которого формирует законодатель; уровень процессуальных документов, содержащих текстовую информацию, имеющую значение в качестве доказательства; текст судебного решения по конкретному делу, опосредованный, с одной стороны, требованиями закона, с другой — полученными и исследованными доказательствами.

Лингвистика рассматривает язык как кодовую систему. Ученые-лингвисты относят протокол допроса к вторичному речевому жанру делового «пространства общения», так как в нем отражаются ход и результаты речевого события допроса; речевое событие допроса —

это первичный жанр, а сам протокол — самостоятельное речевое образование, автором которого выступает лицо, составляющее протокол [12, с. 21].

Современные данные лингвистики позволяют назвать работу юриста, составляющего протокол следственного действия или судебного заседания, восходящей трансформацией — поднимающей нормы устной речи до необходимого уровня кодировки с помощью различных уровней трансформации: лексической, грамматической, прагматической (затрагивающей не только стиль, но информационный аспект сообщения). Работа юриста при этом сравнивается с работой переводчика, который также не имеет права изменять смысловое ядро. При этом авторы-лингвисты отмечают отсутствие в образовательных программах подготовки обучения языковой трансформации [13, с. 100].

Значение и сущность текста в праве можно показать на примере терминологии науки уголовного процесса и ее соотношения с правом и реальной практикой. Современная наука отечественного уголовно-процессуального права не может не использовать советский опыт в рамках сохраняющейся научной и правовой традиции. Рассмотрим несколько наиболее популярных конструкций советского правового языка, повлиявшего и влияющего до сих пор на отечественный уголовный процесс.

Язык любой советской науки имел догматическую основу. Как пишет А. Юрчак, опираясь на Лефора, идеологический дискурс вынужден постоянно апеллировать к некоей объективной, не поддающейся сомнению истине. Она не может быть подвергнута сомнению и проверена. Сформировался метадискурс — усложненная форма идеологического высказывания. Кроме того, используется еще одно понятие — авторитетное слово — первичный аксиоматический эталон [14, с. 48—54]. К «авторитетному слову» ученые обращались через публикации классиков марксизма-ленинизма, программных документов КПСС и т. п.

На основе авторитетного слова рождался своеобразный новояз — официальная лексика и фразеология советского общества, форма отражения «идейного мифотворчества». В публикациях выделяют характерные черты советского языка: минимизация активного словарного запаса; тяга к сокращению слов с целью отсечения нежелательных ассоциаций, создание эвфемизмов, политизация

нейтральной лексики, трансформация фразеологии в партийное творчество, «лозунгология» [15, с. 6].

Для советских публикаций на тему уголовной политики и судопроизводства была характерна «несоветская» лексика, которая в советском контексте создает пафос повествования о каком-то явлении. Обычно речь шла о будущем, но при описании работы правоохранительной системы также использовалась для гиперболизации слова, подчеркивания его особенной значимости. Иногда эти термины могли даже включаться в тексты нормативных актов, пройдя путь из публикаций классиков марксизма-ленинизма через научную и публицистическую литературу.

Е. Добренко анализировал сущность соцреализма как разрешенной формы языка искусства и литературного текста (научного и художественного). Тексты, описывающие советскую действительность по канонам соцреализма, отличает отсутствие границы между «реальностью» и «идеалом»; господство изображений реальности над реальностью; «логократия» (термин, предложенный М. Мамардашвили); создание «продуманных мнимостей» [16, с. 144—145].

Понятие «социалистическая законность» указывалось как основной принцип деятельности советских правоохранительных органов, в отличие от буржуазной законности, которую считали методом осуществления буржуазией своего классового господства [17, с. 3]. Социалистическая законность не была равной законности буржуазной, это законность нового, высшего типа. Правовая доктрина описала этот принцип на основе сочинений В. И. Ленина, выведя из нескольких разрозненных публикаций. Социалистическая законность, в частности, означала: а) *строгое и неуклонное* (здесь и далее термины усиления выделены нами. — А. Л.) соблюдение и исполнение советских законов всеми органами Советского государства и гражданами; б) требование «соблюдать *свято* законы и предписания Советской власти», *строжайшее* соблюдение законов; особая форма советской государственной деятельности — высший надзор за *точным* исполнением законов [18, с. 10].

Из этих положений следовало, что советские законы — это некий не подлежащий критике абсолют, выражающий идеальность и непогрешимость его источника. Это означало, что советское государство — особенное государство.

В публикациях по уголовному судопроизводству советский суд по уголовным делам представлялся исключительно как *средство борьбы с преступностью* (здесь и далее характерная устойчивая лексика выделена нами. — А. Л.), защиты социалистической законности и правопорядка. При этом прокуратура являлась важнейшим государственным органом с похожими функциями, она должна была активно содействовать советскому суду в осуществлении социалистического правосудия [19, с. 3].

Советское право определялось учеными как система установленных правил, социалистическая законность — *точное и безусловное* исполнение *всеми* требований законов. В основе социалистического правопорядка лежит социальная справедливость и *подлинный* гуманизм. Как указывалось в одной из работ, подлинный гуманизм не следует путать с беззубым либерализмом, всепрощением, а гуманными являются и самые строгие меры уголовного наказания [20, с. 8].

Суд, будучи частью этого идеального государства, наряду с органами прокуратуры, адвокатуры и нотариата считался правоохранительным органом, выполняет функции *всермерного укрепления* социалистической законности и правопорядка, способствует охране общественного строя СССР, его политической и экономической системы [18, с. 3]. Это принципиально важно для понимания советской модели юстиции — суд и органы обвинительной власти не разделялись, выступали разными орудиями государства, решавшими одни и те же задачи, руководствуясь практически безупречными законами.

Суд в работах по судебной власти описывался как строгий и справедливый механизм, который распутывал сложные хитросплетения, выводил на чистую воду жульнические махинации и вставал на защиту интересов честного советского человека [20, с. 3].

Эта работа невозможна без идейного и сущностного обоснования решений, принимаемых советским судом. Философскую основу решений, в частности по уголовным делам, должна была составлять *объективная истина*. Это понятие можно расценивать как пример использования юристами «авторитетного слова» (см. выше), к которому должен обратиться всякий, в т.ч. юрист, кто описывает реальность. В науке советского уголовного процесса это понятие получило своеобразное выражение. Несмотря на переоценку

некоторых подходов во второй половине 50-х гг., общеобязательными остались утверждения о том, что при расследовании преступлений должны учитываться диалектические основы познания, указанные В. И. Лениным, а также его утверждения, что каждое преступление должно быть раскрыто [21, с. 8]. Цитаты из работ В. И. Ленина, по существу, предопределили содержание важнейших понятий уголовно-процессуального права. Так, идея Ленина о том, что для получения истинных знаний необходимо брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, видимо, стала основой для нормы советского закона о всесторонности, полноте и объективности рассмотрения обстоятельств дела.

М. С. Строгович, один из самых значимых советских ученых-процессуалистов, в своей фундаментальной работе сформулировал следующие положения: 1. Фундаментальную базу доказывания в уголовном процессе составляет «марксистско-ленинская теория познания» как эталон рационального, объективного, научного подхода к анализу явлений. Учение об истине может иметь сугубо практический характер и подходит для вопросов познания в уголовном судопроизводстве. 2. Наши ощущения и представления — слепки и снимки с действительности, в наших понятиях и суждениях находит отражение т.н. «объективная действительность», а истина — это соответствие наших представлений ей, объективной действительности. 3. Объективная действительность познаваема нет вещей, недоступных человеческому сознанию. 4. Существует объективная относительная и абсолютная истины. Относительная истина — степень познания истины абсолютной. Суд устанавливает в своём решении *абсолютную истину*, а не относительную, вероятную [22, с. 60—4]. Аксиомой стал подход: суд и правоохранительные органы одинаково должны стремиться к установлению истины.

Исходя из этих положений М. С. Строгович указывал, что в случае оправдания не причастного суд *не нашел истину, он не знает, где истина*. Эту проблему должно было помочь решить дополнительное следствие.

В партийных документах и научной литературе нераскрытые преступления и прекращенные в связи с неустановлением истины уголовные дела указывались как серьезный, хотя и временный недостаток правоохранительной и судебной системы [23, с. 3].

Приведенные цитаты и положения демонстрируют, как на основе идеологических догм в теории была сформулирована концепция познания в уголовном судопроизводстве, напоминающего научное познание. Государственная цель — борьба с преступностью — стала определять характер и содержание уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом юридические тексты — научные и нормативные — стали формировать такую часть правовой реальности, как судебная и следственная практика.

Жесткие словесные формулы становились стереотипами и штампами не только через повторение в научной и учебной литературе по праву, но и путем закрепления в тексте нормативных актов и практики их применения. Постепенно они закрепились в общественном сознании, профессиональной культуре и до сих пор влияют на право и его понимание.

Так, до сих пор актуальной является проблема оценки работы правоохранительных органов, полиции через раскрываемость преступлений. Нераскрытое преступление часто считается результатом плохого исполнения обязанностей сотрудниками. Низкий процент оправдательных приговоров также можно назвать следствием советского понимания роли суда и правоохранительных органов в борьбе с преступностью, а оправдание подсудимого судом воспринимается как крупный недостаток работы прокуратуры и органов следствия.

Заключение. 1. Текст в праве — многомерная и многоуровневая реальность. Текст правового акта формирует правовую реальность практики уголовного судопроизводства. Будучи результатом работы законодателя и ученого (которая также проявляется в специальных текстах), нормативный текст представляет собой правовую реальность со своим языком, логикой, правилами.

2. Политическая ситуация во многом определяет механизм и логику создания текста правового акта. Для советской правовой системы была характерна довольно жесткая связь между научным текстом, раскрывающим уголовно-процессуальные понятия, и текстом советского уголовно-процессуального закона. Авторы научных текстов не могли не учитывать и не развивать догматические постулаты, отраженные в «авторитетном слове» — «руководящих и направляющих» текстах партийных руководителей и классиков марксизма-ленинизма.

3. Текст материалов уголовных дел и процессуальных решений — реальность, существующая в рамках, заданных текстом нормативного акта. Авторы текстов — нарраторы — оперируют терминами и логикой правовой реальности — законодательства и его толкования высшими правоприменителями. При этом создатели протоколов делают это сознательно — они должны правильно понять и применить терминологию уголовного и уголовно-процессуального права, соотносить ее с вербальной информацией, исходящей от допрашиваемого, и осуществлять своеобразный перевод. Постмодернисты исходят из того, что создающий реальность делает это подсознательно, навешивая словесные ярлыки, профессиональный юрист с точки зрения закона должен делать это вполне осознанно, но можно допустить и подсознательный элемент в этой деятельности.

Авторское начало при создании такого текста часто носит размытый характер. Так, текст описательной части протокола формально «принадлежит» другому — лицу, дающему показания, но это лишь то, что подберет и зафиксирует нарратор, который, опираясь на другой текст — УПК, УК, одновременно создает правовую реальность, на основе которой правоприменителем (судом, следователем) создаются тексты процессуальных решений.

Таким образом, мы имеем дело со своеобразным и сложнейшим явлением. Теория права, право и правоприменительная практика образуют в терминологии постмодернизма гипертекст, где исходный текст — доктрина и кодифицированное право, которые обуславливают тексты материалов уголовных дел (протоколов, решений и др.), кодирующие представления о реальности расследованных преступлений.

Список источников

1. Латур Б. Научные объекты и правовая объективность // Культуратор. 2011. № 2. С. 74—95.
2. Разогреева А. М. Инерция. Гибридное правоприменение в романтический период судебной реформы // Неприкосновенный запас. 2019. № 3(125). С. 129—152.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Российская газета. № 249. 22.12.2001.

4. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 г. Москва // Российская газета. № 297. 29.12.2017.
5. Олизько Н. М. Постмодернизм: к проблеме определения понятия // Вестник ЮургУ. Серия: Лингвистика. 2006. № 6 (61). С. 49—52.
6. Кожевников Н. Н. Постмодернизм // Наука и техника в Якутии. 2005. № 2(9). С. 103—107.
7. Пономаренко И. Н. Постмодернизм и гипертекст // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2005. № 7. С. 98—103.
8. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. 424 с.
9. Егоров А. К., Каменев Е. В. Власть языка и язык власти как постмодернистский контекст исторических исследований // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 506—521.
10. Воскобитова Л. А., Прижиленский В. И. Социальные технологии и юридическое познание : монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 192 с.
11. Лазарева В. А., Попов Д. В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2009. 160 с.
12. Шульгина К. В. Чужая речь в протоколе допроса как вид вторичного текста // Сибирский филологический форум. 2020. № 4(12). С. 21—28.
13. Марьева М. В. Стилистическая трансформация текста в юридической практике // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2016. № 2 (44). С. 99—104.
14. Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
15. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 704 с.
16. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
17. Строгович М. С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 319 с.
18. Судостроительство СССР и организация работы судов, органов юстиции и прокуратуры : учебник / Б. В. Алексеев, Г. П. Батуров, А. А. Гравина, Е. А. Зайцев, др. М.: Юрид. лит., 1983. 224 с.
19. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М. М. Гродзинский. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.
20. Перлов И. Д. Как устроены суд, прокуратура и адвокатура в СССР. М.: Знание, 1964. 96 с.

21. Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие для студентов, изучающих спецкурс «Доказательства в уголовном процессе». М., 1966. 102 с.

22. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 384 с.

23. Стойко Н. Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела / науч. ред. В. Д. Арсеньев. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 104 с.

References

1. Latur B. Scientific objects and legal objectivity. *Kul'tivator*, 2011, no 2, pp. 74—95. (In Russ.)

2. Razogreeva A. M. Inertia. Hybrid Law Enforcement in the Romantic Period of Judicial Reform. *Neprikosnovennyj zapas*, 2019, no 3(125), pp. 129—152. (In Russ.)

3. *Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 24.02.2021)* [Russian Criminal Procedure Code]. *Rossijskaya gazeta*, no 249, 22.12.2001. (In Russ.)

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court, December 19, 2017 no 51 “On the practice of applying legislation when considering criminal cases in the court of first instance (general procedure for legal proceedings)”. *Rossijskaya gazeta*, no 297. 29.12.2017. (In Russ.)

5. Oliz'ko N. M. Postmodernism: on the problem of defining a concept. *Vestnik YurGU. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the South Ural State University. Series «Linguistics»*, 2006, no 6 (61), pp. 49—52. (In Russ.)

6. Kozhevnikov N. N. *Postmodernism. Nauka i tekhnika v Yakutii*, 2005, no 2(9), pp. 103—107. (In Russ.)

7. Ponomarenko I. N. Postmodernism and hypertext. *Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskij region. Obshchestvennye nauki = University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*, 2005, no 7, pp. 98—103. (In Russ.)

8. Il'in I P. *Postmodernizm. Slovar' terminov* [Postmodernism. Glossary of terms]. Moscow, 2001. 424 p. (In Russ.)

9. Egorov A. K., Kamenev E. V. The Power of Language and the Language of Power as a Postmodern Context of Historical Research. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Istorija = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, vyp. 2, pp. 506—521. (In Russ.)

10. Voskobitova L. A., Prizhilenskij V. I. *Social'nye tekhnologii i yuridicheskoe poznanie: monografiya* [Social technologies and legal knowledge]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2017. 192 p. (In Russ.)

11. Lazareva V. A., Popov D. V. *Problemy ispol'zovaniya svidetel'skih pokazanij v ugolovnom processe* [Problems of using testimony in criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 160 p. (In Russ.)

12. Shul'gina K. V. Non-author's speech in the interrogation protocol as a type of secondary text. *Sibirskij filologicheskij forum = Siberian Philological Forum*, 2020, no 4 (12), pp. 21—28. (In Russ.)

13. Mar'eva M. V. Foreign speech in the interrogation protocol as a type of secondary text. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2016, no 2(44), pp. 99—104. (In Russ.)

14. Yurchak A. V. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 664 p. (In Russ.)

15. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdep'ii* [Explanatory dictionary of the language of the Soviets]. St. Petersburg, Folio-press Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)

16. Dobrenko E. *Politekonomiya socrealizma* [The political economy of socialist realism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)

17. Strogovich M. S. *Proverka zakonnosti i obosnovannosti sudebnyh prigovorov* [Verification of the legality and validity of court sentences]. Moscow, AN SSSR Publ., 1956. 319 p. (In Russ.)

18. *Sudoustrojstvo SSSR i organizaciya raboty sudov, organov yusticii i prokuratury* [The judicial system of the USSR and the organization of the work of courts, justice bodies and the prosecutor's office] / B. V. Alekseev, G. P. Baturov, A. A. Gravina, E. A. Zajcev. Moscow, Yurid. Lit. Publ., 1983. 224 p. (In Russ.)

19. Strogovich M. S. *Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom processe* [Criminal prosecution in soviet criminal proceedings] / ed. M. M. Grodzinskij. Moscow, AN SSSR Publ., 1951. 191 p. (In Russ.)

20. Perlov I. D. *Kak ustroeny sud, prokuratura i advokatura v SSSR* [How the court, the prosecutor's office and the legal profession are organized in the USSR]. Moscow, Znanie Publ., 1964. 96 p. (In Russ.)

21. Lupinskaya P. A. *Dokazyvanie v sovetskom ugolovnom processe* [Proofing in Soviet Criminal Proceedings]. Moscow, 1966. 102 p. (In Russ.)

22. Strogovich M. S. *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom processe* [Material truth and forensic evidence in the Soviet criminal process]. Moscow, AN SSSR Publ. 384 p. (In Russ.)

23. Stojko N. G. *Nedokazannost' obstoyatel'stv ugolovnogo dela* [Failure to prove the circumstances of a criminal case] / ed. V. D. Arsen'ev. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk university Publ, 1984. 104 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Лютынский Антон Мечиславович

Anton M. Lyutynsky

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики, Северо-Западный
институт (филиал) Университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
Scopus Author ID: 57204453028

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor of the Criminal Litigation
and Criminalistics Department of
North-West Institute (branch) of the
University named after O. E. Kutafin,
Scopus Author ID: 57204453028

160000, Россия, Вологда, ул. Марии
Ульяновой, д. 18

18, Maria Ulyanova St., Vologda,
160000, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	16.08.2021
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	29.10.2021
Принята к публикации / Accepted for publication	23.11.2021

Научная статья / Original article

УДК 7.011.3

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-126>

**Особенности интерпретации сюжетно-образного ряда
произведений русской литературы XIX века
в творчестве Робера Брессона**

Попов Илья Владимирович

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, docentivpopov@mail.ru

Аннотация. В статье содержится сравнительный анализ особенностей кинематографической интерпретации сюжетно-образных элементов литературных произведений «Белые ночи» и «Кроткая» Ф. М. Достоевского и «Фальшивый купон» Л. Н. Толстого в картинах выдающегося французского режиссера XX века Робера Брессона «Кроткая», «Четыре ночи мечтателя» и «Деньги».

Произведения русских литературных классиков XIX века имели большое значение для культуры Европы XX века и обрели разнообразные формы интерпретации в европейском театре и кинематографе. В частности, по особому они были адаптированы Робером Брессоном в его специфических экранизациях Ф. Достоевского и Л. Толстого.

В статье отмечается, что экранизации Брессона являются авторским самобытным истолкованием классических текстов русской литературы. Режиссер отбирает для своих постановок тексты Достоевского и Толстого, проблемы которых, связанные с христианским перерождением человека и социальным эскапизмом, оказываются ему близки. При этом Брессон радикально трансформирует сюжетно-образный ряд литературных первоисточников своих кинокартин в соответствии с индивидуальными идейными и художественно-эстетическими установками: минимизирует экспрессивные средства выражения характеров персонажей, сосредоточивается на предметно-вещественном мире, их окружающем, придает значимость скрытому подтексту действия.

Результаты исследования важны для более глубокого и точного понимания творчества Робера Брессона, для осознания множественности нюансов взаимосвязи художественной литературы и кинематографа, способной выражаться в особом типе индивидуальной авторской экранизации литературной классики, и значимости влияния творчества

писателей XIX века на кинематограф XX века и значения межкультурных связей русской художественной культуры и культуры Франции.

Ключевые слова: русская литература XIX века, французский кинематограф, экранизация, Робер Брессон, Федор Достоевский, Лев Толстой

Для цитирования: Попов И. В. Особенности интерпретации сюжетно-образного ряда произведений русской литературы XIX века в творчестве Робера Брессона // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 126—139. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-126>.

Interpretation Specifics of the Plot-Driven Imagery of Works from Russian Literature of the 19th Century in Robert Bresson's Cinematographic Work

И'ya V. Попов

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,
docentivpopov@mail.ru

Abstract. *This article contains a comparative analysis of cinematic interpretation peculiarities of plot-driven imagery elements of the literary works "White Nights" and "The Meek" by F. M. Dostoevsky and "The Fake Coupon" by L. N. Tolstoy in the films "The Meek", "Four Nights of a Dreamer" and "Money" created by Robert Bresson, an outstanding French director of the 20th century.*

The works of Russian literary classics of the 19th century were of great importance for European culture in the 20th century and acquired various forms of interpretation in European theater and cinema. In particular, they were adapted in a special way by Robert Bresson in his specific film adaptation by F. Dostoevsky and L. Tolstoy.

The article notes that Bresson's adaptations are the author's original interpretation of the classical texts of Russian literature. For his productions, the director selects the texts of Dostoevsky and Tolstoy, their problems of Christian reincarnation of man and social escapism being close to him.

At the same time, Bresson radically transforms the plot-driven imagery of literary primary sources of his films in accordance with individual ideological and artistic-aesthetic attitudes: he minimizes the author's imagery of expressing the characters' traits, focuses on the subject-material world surrounding them, gives significance to the hidden subtext of the action.

The results of this study are important for a deeper and more accurate understanding of Robert Bresson's work, for understanding the multiplicity of nuances of the relationship between fiction and cinema, which can be expressed in a special

type of individual author's film adaptation of literary classics. They are important for realizing significance of the influence of the 19th century writers works on the 20th century cinematography and significance of intercultural relations of Russian artistic culture and culture of France.

Keywords: *Russian literature of the 19th century, French cinema, film adaptation, Robert Bresson, Fyodor Dostoevsky, Leo Tolstoy*

For citation: Popov I. V. Interpretation Specifics of the Plot-Driven Imagery of Works from Russian Literature of the 19th Century in Robert Bresson's Cinematographic Work. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2021(4):126—139 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-126>.

Введение. В статье рассматривается опыт воплощения наследия русской художественной литературы XIX века в творчестве французского кинорежиссера Робера Брессона. Цель статьи: провести сравнение сюжетно-образных элементов литературных первоисточников с их реализацией в кинопроизведениях Брессона.

Работ, исследующих своеобразное творчество Робера Брессона, крайне мало, в основном это критические статьи в европейских и американских киноведческих журналах. В России анализ картин режиссера также встречается преимущественно в критических материалах таких изданий, как «Искусство кино», «Сеанс» и «Киноведческие записки». В 2009 г. в России была защищена первая фундаментальная искусствоведческая работа о Брессоне — диссертация В. А. Гусака «Кинематограф Робера Брессона: творческий метод и стиль». Полноценных отечественных изданий монографического уровня о творчестве Брессона пока не опубликовано.

Новизна данного исследовательского материала состоит в рассмотрении особенностей проявления творческого метода Брессона в экранизировании конкретных текстов русской литературы.

Методы исследования. При анализе используется сравнительно-сопоставительный метод, учитывающий особенности литературы и кинематографа как специфических видов художественной культуры. К анализу привлекаются интервью Робера Брессона.

Результаты исследования. Кинематограф является синтетическим видом художественной деятельности, использующим как словесные, так и визуальные приемы выразительности. При этом

за более чем вековую историю своего существования кинематограф выработал особые специфические формы подачи материала (постановка кадра, монтаж, особая изобразительная фактура и др.)

Реализация сюжетно-образной системы произведения художественной литературы средствами кинематографа позволяет кинорежиссеру использовать готовую организованную конструкцию литературного текста, прежде всего в виде сценария, но при этом ставит перед создателем кинофильма очевидные трудности, связанные с необходимостью выбора способов визуального воплощения литературных образов и определения степени соответствия литературному первоисточнику. Последний фактор, как правило, и используется при классификации видов экранизаций литературы. Так, например, исследователь кинодраматургии Л. Нехорошев считает, что «существует три основных вида экранизации: пересказ-иллюстрация, новое прочтение, переложение» [1, с. 305].

При этом очевидно, что значительные произведения кинематографа, даже если в основе их сюжета находится произведение художественной литературы, вряд ли могут в полной мере совпадать с достаточно условными и ограничивающими рамками классификаций.

Робер Брессон — выдающийся деятель европейского кинематографа XX века, с 1943 по 1983 гг. снявший 13 кинокартин. На протяжении своего творческого пути Брессон последовательно разрабатывал и реализовывал оригинальный авторский стиль, характерные признаки которого — слабая сюжетная динамика, минимизация эмоциональности в актерской игре, значимость предметно-вещественного мира — отражали стремление режиссера к выражению своих идей исключительно с помощью киноязыка, который Брессон принципиально противопоставлял «театральности».

Сюжеты своих кинофильмов Брессон часто основывал на произведениях литературы, обосновывая свой выбор следующим образом: «Когда сочиняешь фильм от А до Я, требуется много времени на написание сценария, его переработку, подготовку к съемкам. Экранизации романов и повестей позволяют мне работать быстрее» [2, с. 254].

В картинах режиссера 1960—1980-х гг. отчетливо заметно влияние произведений русских писателей XIX века Ф. М. Досто-

евского и Л. Н. Толстого, выразившееся не только в трех прямых экранизациях повестей данных авторов, но и во множестве аллюзий на их творчество.

На рубеже 1960—1970-х гг. Брессон выпускает подряд два фильма, основанные на произведениях Ф. М. Достоевского — повестях «Кроткая» и «Белые ночи». О своем специфическом выборе литературных первоисточников Брессон говорил следующее: «Я не осмелился бы притронуться к романам Достоевского, совершенным по форме. Я бы не смог извлечь из них пользу, не навредив материалу. Кроме того, они слишком сложны и объемны. И они — русские. Две выбранные мною повести больше мне подошли, потому что они проще, менее совершенны, написаны второпях. К тому же легко поддаются переносу места и времени действия» [2, с. 272].

В основе сюжета фильма «Кроткая» («Un femme douce», 1969) одноименная повесть Ф. Достоевского, обозначенная им как «фантастический рассказ» и опубликованная в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 год. Повесть была высоко оценена современниками, впоследствии активно анализировалась литературоведами и сегодня признается одним из значительных поздних произведений писателя. Однако Робер Брессон отзывался о литературном первоисточнике своего фильма без явной восторженности: «Я выбрал эту повесть со слегка ироничным названием именно потому, что она — не в числе лучших его [Достоевского] произведений. Слишком высокопарная, напыщенная местами, написана впопыхах. В работе с ней я смог больше извлечь пользы для себя, чем для нее — при этом я нисколько не умаляю гений Достоевского. Я взял из повести только самое главное. Перенес действие на нашу почву и в наше время» [2, с. 247].

Повествование в тексте Достоевского реализуется как монологическая экспрессивная исповедь главного героя — бывшего офицера, заёмщика — о его неудавшейся семейной жизни с супругой, «Кроткой», совершившей самоубийство. Основная проблема, которую ставит в повести писатель — это несовершенство неравного патриархального брака в России 1870-х гг., где сословные предрассудки и пассивная роль женщины оказываются несопоставимы с христианской установкой на необходимость любви к супругу и в широком смысле к ближнему. Суицид «Кроткой» как выход из драматического семейного положения — очевидное

указание Достоевского на бессмысленность такого союза между супругами.

«Кроткая» Робера Брессона — это также художественное размышление об особенностях коммуникации мужчины и женщины в браке, и характерно, что данная тема встречается у режиссера исключительно в этой картине. Как и Достоевский, Брессон сосредоточен на исследовании мужской рефлексии и передает повествование от лица героя мужчины, но реализует сюжет в двух чередующихся контрастных вариантах сцен: это сцены в настоящем времени, где главный герой-рассказчик, находясь в комнате рядом с мертвой женой, делится со служанкой размышлениями и воспоминаниями о своем браке, и сцены прошедшей семейной жизни персонажей, сопровождаемые закадровым голосом героя.

Говоря о своей интерпретации сюжета и образа главного персонажа повести Достоевского, Брессон обозначает принципиальное своеобразие своего подхода: «У Достоевского в основе сюжета — чувство ответственности, мучительное чувство вины мужа, который пытается найти себе оправдание перед телом покончившей с собой молодой жены. У меня в основе сюжета — сомнение, неуверенность мужа перед этим немым телом: “Любила ли она меня? Изменяла ли? Поняла ли, что я ее люблю?”» [2, с. 247].

Действительно, Достоевский в повести изображает процесс мучительной трансформации личности главного героя, который преодолевает свой разрушительный индивидуализм, приведший его к неудавшемуся трагическому браку, и постепенно обнаруживает в себе близость к христианскому мировосприятию.

Брессон же в своем фильме концентрируется на изображении проблемы невозможности полноценной коммуникации между супругами и, шире, между мужчиной и женщиной, и, в отличие от трансцендентального решения этой проблемы у Достоевского, режиссер оставляет драматический конфликт между супругами неразрешенным, они остаются закрытыми друг для друга, а мотивация действий героини для ее мужа так и не проясняется. Последняя сцена фильма — крупный план процесса закручивания болтов в крышку гроба — это знак окончательной потери возможности для коммуникации между супругами.

Вероятно, что посредством демонстрации безысходного для героев финала и отсутствием явного выхода из драматического

конфликта Брессон дает зрителю-реципиенту возможность формирования самостоятельных потенциальных его разрешений (в том числе и в рамках трансцендентальной парадигмы — перед смертью героиня Брессона рассматривает золотое распятие и откладывает его в ящик стола, тогда как Кроткая Достоевского совершает самоубийство с иконой в руках), не ограничивая интерпретацию произведения идейной предопределенностью, которой придерживался Достоевский.

Центральный женский персонаж Кроткой в обоих произведениях является прежде всего стимулом, провоцирующим героя-мужчину на мучительную рефлексию. При этом Кроткая у Достоевского — это типичный для писателя образ «святой грешницы», образ носителя христианских ценностей, которые в силу извращенности человеческого мира реализуются антихристианским способом — самоубийством. Кроткая же у Брессона — это образ молодой индивидуалистичной западноевропейской женщины 1960-х гг., не имеющей отчетливо выраженной содержательной поведенческой позиции, коммуникационно «закрытой» и по этой причине непонятной для ее супруга.

Затрагивая проблему отсутствия понимания в отношениях мужчины и женщины, «Кроткая» Брессона оказывается в русле одной из главных проблемных тенденций европейского кинематографа 1960-х годов («Приключение», «Ночь», «Затмение» М. Антониони, «Женщина есть женщина», «Презрение» «Безумный Пьеро» Ж.-Л. Годара и др.). Например, в картинах Микеланджело Антониони проблематика некоммуникабельности обретает высочайшее художественное выражение, в них часто возникает образ отчужденных пустых пространств, покинутых разобщенными людьми. В «Кроткой» обнаруживается подобный прием: самоубийство героини Брессон иллюстрирует изображением предметного мира, который она покинула: пустого балкона, с которого она совершила прыжок, раскачивающегося кресла и опрокинутой вазы с цветами, а далее — ее платка, летящего в воздухе.

Фильм Брессона «Четыре ночи мечтателя» («*Quatre nuits d'un reveur*», 1971) является своеобразной интерпретацией повести Ф. Достоевского «Белые ночи», впервые опубликованной в 1848 г. Данная повесть неоднократно переводилась на иностранные языки и с 1958 г. экранизировалась как отечественными, так и

зарубежными кинематографистами (Л. Висконти, М. Джалиашвили, И. Пырьев, М. Десаи, Л. Квинихидзе, Ф. Мотамен, Ш. Наир, С. Бхансали). Характерно, что ни в одной из постановок режиссеры не пытаются точно следовать литературному первоисточнику: экранизации так или иначе сохраняют сюжетную канву повести, но в них варьируется место и время действия сюжета, а персонажи Достоевского обретают новые черты.

Так, например, одноименная отечественная экранизация И. Пырьева «Белые ночи» (1959 г.) наиболее близка по содержанию повести Достоевского: герои этой кинокартины действуют в Петербурге середины XIX века, их диалоги напрямую заимствованы из повести. Однако и здесь присутствует своеобразное отступление от литературного оригинала: повествование ведется от лица постаревшего Мечтателя, вспоминающего свои встречи с Настенькой, а камерный «разговорный» сюжет дополняют инсценировки фантазий главного героя, что логично обусловлено необходимостью насыщения экранизации более выраженной кинематографической визуальностью.

Выдающийся итальянский режиссер Л. Висконти, который первым экранизировал «Белые ночи» в 1958 г., несмотря на свою склонность к историзму, перемещает сюжет и образы повести в близкую ему современную среду — на ночные улицы условного итальянского города, где Мечтатель трансформируется в адаптирующегося в новой локации итальянца Марио, а Настенька — в эмигрантку из России Наталию.

В большинстве экранизаций «Белых ночей» в разных вариациях сохраняется центральная проблема повести — отрешенность человека от окружающей его общественной среды, провоцирующая социальную дезориентацию и эскапизм. При этом специфические обстоятельства и причины этой социальной отрешенности варьируются в каждой конкретной киноинтерпретации.

В картине «Четыре ночи мечтателя» отразились наблюдения Брессона за жизнью молодого поколения французов. По словам режиссера, «повесть рассказывает о любви и молодости. Эта любовь и молодость Достоевского показались мне невероятно актуальными. В его героях нет того страха, что терзает сегодняшнюю молодежь, но их чувства, по-моему, обладают той сложностью, которая характерна для современных молодых людей» [2, с. 261].

Режиссер реализует сюжетно-образную систему «Белых ночей» в полном соответствии со своими «аскетичными» стилистическими установками. В фильме соблюдается фабульная хронология повести Достоевского, что подчеркивается в названии фильма — сюжет развивается в течение четырех ночей. Также как и Висконти, Брессон переносит сюжет в настоящее время, в современный ему Париж. Мечтатель Брессона — это художник абстрактной живописи Жак. Вдохновение Жак черпает из своих фантазий, которые он в форме речевого монолога записывает на магнитофон и впоследствии воспроизводит в процессе рисования.

В первом же эпизоде фильма Брессон подчеркивает социальную неопределенность главного героя: Жак останавливает проезжающий автомобиль и на вопрос водителя о цели поездки — разводит руками.

Другие основные персонажи фильма — девушка Марта (прототипом которой является Настенька из повести Достоевского) и Жилец — социально обезличены. Так же лаконично Брессон раскрывает содержание чувств героини к Жильцу и Жака к Марте. Персонажи фильма намеренно лишаются проявления внешних эмоций и ярко выраженной экспрессивной речевой исповедальности, свойственной героям Достоевского. У Брессона значение приобретают видимые конкретные действия и предметный мир, характеризующий специфику героев. Например, когда героиня плачет — она закрывает лицо руками, ее мимика скрыта. Симпатия и эротическое влечение между героями подчеркивается не в словах, а в объятиях и взаимных телесных прикосновениях. Очевидно, что визуальный киноязык в фильме Брессона вытесняет речь.

Финальные сцены кинокартины раскрывают ее центральную тему сущности художественного творчества, которая в течение основного действия, развивающего любовную тематику, была завуалирована. В итоговых эпизодах фильма в соответствии с сюжетом Достоевского зарождающийся чувственный союз Мечтателя Жака и Марты разрушается, герой терпит личное поражение. Для Мечтателя Достоевского этот исход представляется в контексте установок романтизма как определяющая катастрофа всей его жизни: «...передо мною мелькнула так неприветно и грустно вся перспектива моего будущего, и я увидел себя таким, как я

теперь, ровно через пятнадцать лет, постаревшим, в той же комнате, так же одиноким...» [3, с. 141]. Мечтатель же Брессона воплощает неудачный любовный опыт в новую гиперболизированную фантазию, в которой их отношения с Мартой благополучно продолжают: Жак записывает свою фантазию на магнитофон и, прослушивая ее, заполняет холст новыми абстрактными изображениями.

Используя такой сюжетный прием, Брессон изображает процесс формирования продуктивного творческого импульса художника из его непродуктивного с точки зрения общепринятых социальных критериев личного опыта, а шире процесс субъективного преломления реальности в художественном творчестве.

Также примечательно, что Жак склонен именно к звуковому воспроизведению своих фантазий. Для самого Брессона звук был немаловажен. Режиссер отмечал по этому поводу: «Камера дает лишь поверхностное и ошибочное представление о людях и предметах. Зато магнитофон — воспроизводит саму природу звуков, в том числе голосов людей и животных» [2, с. 334].

Последняя работа Робера Брессона — фильм «Деньги» («L'Argent»), премьера которого состоялась 16 мая 1983 г. Это своеобразная киноадаптация повести Льва Толстого «Фальшивый купон» (опубл. 1911).

В начальных титрах картины обозначен ее литературный источник — «inspire du “Faux billet” de Tolstoi». Французский глагол “inspire” относительно экранизации литературных текстов возможно традиционно перевести как «по мотивам» или «основан на...», однако в случае данного фильма слово «inspire» точнее было бы интерпретировать как «вдохновлен», так как сюжет и образная система произведения Л. Толстого частично трансформированы режиссером в его картине.

«Фальшивый купон» — произведение позднего периода творчества писателя — воплощает идею возникновения глобального зла из незначительных человеческих проступков. Использование гимназистами фальшивой банкноты приводит к радикальным изменениям в судьбах персонажей.

В отличие от экранизаций Достоевского, где Брессон стремится соблюдать композиционную хронологическую последовательность развития сюжета литературных первоисточников, в «Деньгах»

режиссер действует по отношению к сюжету повести Толстого избирательно. Связано это отчасти с тем, что в «Фальшивом купоне» пересекается большое количество героев, с каждым из которых связаны определенные сцены.

Мотивы повести Толстого Брессон, как и в своих экранизациях Достоевского, переносит в современность. В первых эпизодах «L'Argent», демонстрирующих «начало пути» поддельной банкноты и ее разрушительного влияния на судьбы персонажей, режиссер с максимально возможной точностью следует основной линии сюжета повести Толстого, а далее постепенно концентрируется на отстраненном изображении действий одного из героев — Ивона Таржета, его последовательном отчаянии и отрешении от мира человеческой морали. Именно в сюжетной линии Ивона отчетливо просматривается трансформация сюжетного действия «Фальшивого купона».

Брессон объединяет в образе Ивона элементы двух взаимосвязанных персонажей повести Толстого. Первый персонаж — Иван Миронов (отсюда, очевидно, целенаправленная созвучность имен у Толстого и Брессона: Иван — Yvon), крестьянин, развозчик дров, получивший в качестве оплаты фальшивый купон, осужденный за его использование, «обиженный» на общество, ставший конокрадом, впоследствии убитый толпой пострадавших от него крестьян. Ивон у Брессона — развозчик мазута, также получивший поддельную банкноту в качестве расчета и осужденный за ее использование, после выхода из заключения, так же как и Иван Миронов, решивший зарабатывать деньги преступным путем — участвовать в ограблении банка (с неудачным исходом). Данный мотив вообще характерен для сюжетов французского кинематографа, причем, кроме жанрового кино, он нередко использовался выдающимися современниками Брессона: Ж.-П. Мелвиллем, Ж.Л. Годаром и др.

Дальнейшее развитие судьбы Ивона Таржета в «L'Argent» — это несколько измененная сюжетная линия второго персонажа повести Толстого Степана Пелагеюшкина. Примечательно, что Степан — один из убийц Ивана Миронова, бывший солдат, чьих лошадей увел конокрад Миронов. Его сюжетная линия в произведении Толстого является определяющей и центральной для всей повести и соотносится со сквозной для творчества Толстого темой нравственного и религиозного (христианского)

перерождения человека. После расправы над Иваном Мироновым и отбытия заключения Степан Пелагеюшкин, оставшись без семьи, совершает ряд хладнокровных убийств и грабежей, причинами которых, по мысли Толстого, стали не столько необходимость в деньгах, сколько возрастающая в Степане мизантропия. Убийство вдовы Марии Семеновны — носителя христианских ценностей, персонажа жертвенного, обеспечивающего своих родных — явилось поворотным в мировосприятии Степана, он сдается уряднику.

Характерно, что описание преступных действий Степана излагается Толстым почти протокольным стилем, слаконичными, но содержательными психологическими характеристиками. Кинематографическому стилю Брессона также свойственна «простота», и, возможно, литературный стиль изложения Толстого в «Фальшивом купоне» оказался созвучен аскетичности киноязыка французского режиссера.

Сюжетная линия Степана трансформируется у Брессона в сюжетной линии Ивона особым образом. Так же как и Степан, Ивон пересекается с женщиной — аналогом толстовской Марии Степановны, видит, что эта женщина располагает определенной суммой денег и далее — без логического объяснения — начинает жить в ее доме, находится с нею рядом, беседует с нею, обретает время и возможность для понимания позиции бескорыстной жертвенности этой женщины, и, соответственно, для осознания своего выбора между жертвенностью и «деньгами». В финале картины Ивон топором (аллюзия к «Преступлению и наказанию» Достоевского) убивает эту невинную милосердную женщину и ее близких, фактически выбирая «деньги», и после этого сдается полиции.

У Толстого осознание Степаном сути своего преступления является началом его духовного возрождения, обусловленного как личной рефлексией героя, так и внешними обстоятельствами — в заключении он знакомится с группой христианских сектантов и становится активным проповедником учения, очевидно, близкого саму писателю. Рефлексия Ивона в фильме Брессона скрыта. Режиссер дает зрителю отстраненный взгляд на последовательность конкретных безэмоциональных действий персонажа, отвергнутого обществом и ставшего убийцей, позволяя реципиенту его картины самостоятельно определить свое отношение к Ивону. Кроме этого,

по словам режиссера, специфику финала определили и причины формального характера: «Мне жаль, что в “Деньгах” я не смог подробнее остановиться на искуплении Ивона, но ритм фильма в тот момент не позволил этого» [2, с. 328].

Заключение. Безусловно, влияние на Робера Брессона творчества русских писателей XIX века не ограничивается непосредственными экранизациями их произведений. В картинах французского режиссера возможно обнаружить большое количество нюансов и аллюзий, прежде всего связанных с творчеством Ф. Достоевского. «Почему именно Достоевский? Потому что он самый великий», — сказал Брессон в одном из интервью [2, с. 272].

Таким образом, в широком смысле творчеством Ф. Достоевского и Л. Толстого кинематограф Брессона сближает ощущение патологического несовершенства социума, сочувственное изображение человеческого страдания и принципиальная непримиримость с человеческими пороками. Брессону присуще особое, часто сдержанное, преломление христианских идей, определяющих мировоззрение русских писателей XIX века. При этом французский режиссер всегда позиционировал автономность и самостоятельность своего творчества: «Мне бы хотелось, чтобы источник моих фильмов был во мне самом, а не в литературе» [4].

Список источников

1. Нехорошев Л. Н. Драматургия фильма. М.: ВГИК, 2009. 344 с.
2. Брессон о Брессоне = Bresson par Bresson. М.: Rosebud Publishing, 2017. 336 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 2. Повести и рассказы, 1848—1859. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1972. 527 с.
4. Робер Брессон, вероятно. Интервью с Полом Шредером. URL: <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/607/> (дата обращения 25.11.2021).

References

1. Nekhoroshev L. N. *Dramaturngiya fil'ma* [Film dramaturgy]. Moscow: VGIK, 2009. 344 p. (In Russ.)
2. *Bresson o Bressone = Bresson par Bresson*. Moscow: Rosebud Publishing, 2017. 336 p. (In Russ.)

3. Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. T.2. Povesti i rasskazy, 1848—1859* [Complete works and letters: in 30 volumes. Vol. 2. Stories and stories, 1848—1859] Leningrad: Nauka, 1972. 527 p. (In Russ.)

4. *Rober Bresson, veroyatno. Interv'yu s Polom Shrederom* [Robere Bresson. Possibly. Interviewed by Paul Schrader. (In Russ.) Available at: <http://www.kino-zapiski.ru/ru/article/sendvalues/607/> (accessed 25.11.2021)]

Сведения об авторе / Information about the author

Попов Илья Владимирович

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима
Сорокина

167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

Il'ya V. Popov

Candidate of Philology,
Associate Professor of the Depart-
ment of Russian Philology, Pitirim
Sorokin Syktyvkar
State University

55, Oktyabrsky prosp., Syktyvkar,
167000, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	26.11.2021
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	30.11.2021
Принята к публикации / Accepted for publication	02.12.2021

Научная статья / Original article

УДК 130.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-140>

**Образовательные коммуникации в условиях пандемии
Covid-19: культурологический аспект**

**Шевяков Евгений Григорьевич¹,
Чичерина Юлия Владимировна²,
Маталова Светлана Валерьевна³, Гаврилова Вера Викторовна⁴**

^{1,3,4} Приволжский исследовательский медицинский университет,
Нижний Новгород, Россия

² Нижегородский лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

¹ eugene131@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-5262-083X>

² chicherina75@gmail.com, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-7543-3623>

³ svetvm@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-8693-6680>

⁴ veviga@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3053-8058

Аннотация. В статье рассматривается с точки зрения культурологии проблема дистанционной педагогической коммуникации в форме видеоконференции и электронного учебного пособия в условиях пандемии COVID-19. Используются метод культурологического анализа (категории естественного и искусственного как онтологические для современного человечества), методы теоретического анализа отечественной и зарубежной лингводидактической и методической научной литературы по проблеме, методическое прогнозирование. Предпосылками к массовому внедрению дистанционного обучения были маркетизация и массовизация высшего образования, демократизация общественной жизни, глобализация, однако произошло оно в связи с пандемией и мерами по изоляции населения. Проблема анализируется в культурологическом аспекте как отражение дисгармонии естественного и искусственного в окружении современного человека, которая и приводит к эмоциональному выгоранию вследствие переизбытка искусственного в повседневной среде. Педагогический аспект проблемы — развитие и типология электронных учебных пособий как формы образовательной коммуникации при дистанционном обучении. Высказано предположение о том, что видеоконференция в большей степени приводит к эмоциональному выгоранию, нежели обычная работа за компьютером. Сформулирована гипотеза

теза о том, что интерактивный электронный учебник, как менее утомительная для обучающихся форма дистанционной образовательной коммуникации, нежели видеоконференция, может помочь бороться с эмоциональным выгоранием. Работа открывает перспективы дальнейших культурологических и педагогических исследований дистанционной коммуникации с целью проверки высказанных предположений и выработки рекомендаций по нивелированию негативных аспектов дистанционной коммуникации как культурного явления и педагогической проблемы.

Ключевые слова: *естественное и искусственное, общение, эмоциональное выгорание, дистанционное обучение, электронное учебное пособие, электронный учебник, система Moodle*

Для цитирования: Шевяков Е. Г., Чичерина Ю. В., Маталова С. В., Гаврилова В. В. Образовательные коммуникации в условиях пандемии Covid-19: культурологический аспект // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 140—154. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-140>.

Pedagogical Communication during the Covid-19 Pandemic: Cultural Dimension

**Evgeny G. Shevyakov¹, Yulia V. Chicherina²,
Svetlana V. Matalova³, Vera V. Gavrilova⁴**

^{1,3,4} Privolzhsky Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia

² Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

¹ eugene131@yandex.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-5262-083X>

² chicherina75@gmail.com, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-7543-3623>

³ svetvm@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0002-8693-6680>

⁴ veviga@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3053-8058

Abstract. *The article, while employing the methods of Cultural Studies, deals with the problem of pedagogical communication in the forms of videoconferencing and electronic textbook with Covid-19 pandemic being the recent social context. The framework of the paper is based on notions of the natural and artificial in the ontological view of reality. The method of theoretical analysis of literature on the problem and methodological modelling have also been engaged. Marketization and massification of modern higher education, democratization of social life, and globalization have been the prerequisites for mass implementing of the distance learning, nevertheless its advent is being boosted by the Covid-19 pandemic and isolation measures. The cultural dimension of the problem is imbalance of the natural and artificial in the environment of today, which causes so-called “zoom fatigue”, an emotional burnout due to excessive presence of the artificial in the recent*

everyday environment. The pedagogical dimension of the problem is the development and typology of electronic textbooks in the form of distance pedagogical communication. The assumption is made that videoconferencing causes more severe emotional burnout than regular computer work. The hypothesis that an interactive electronic textbook, being less exhausting than videoconferencing, may induce coping with the emotional burnout. The possible outcome of the article is further cultural and educational research on distance communication in order to test the hypotheses and work out the ways of dealing with the cultural and pedagogical side effects of such communication.

Keywords: *the natural and artificial, communication, emotional burnout, zoom fatigue, distance learning, electronic textbook, LMS Moodle*

For citation: Evgeny G. Shevyakov¹, Yulia V. Chicherina², Svetlana V. Matalova³, Vera V. Gavrilova. Pedagogical Communication during the Covid-19 Pandemic: Cultural Dimension *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2021(4):140—154 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-140>.

Введение. Цель статьи — анализ такого явления современной культуры, как дистанционная коммуникация в образовании в ее синхронной (видеоконференции) и асинхронной (электронное учебное пособие) формах. Дистанционная коммуникация приобрела особое значение в условиях пандемии Covid-19, локдаунов и массового перехода на дистанционное обучение. Одним из самых массовых ее видов стала видеоконференция (Skype, Zoom, Teamlink, Jitsi, Discord — важная неконкретная платформа, а принцип общения на расстоянии, когда видеоизображение другого человека или группы людей в реальном времени оказывается на расстоянии меньше вытянутой руки). Массовость применения данной технологии повлекла серьезное воздействие на психологию пользователей и превратила проблему из технологической или психолого-педагогической в вопрос культурологического характера. Научная новизна исследования состоит в междисциплинарном взгляде на данную проблему (с точки зрения культурологии и педагогики).

Методы исследования. В ходе исследования использовались метод культурологического анализа (категории естественного и искусственного как онтологические для современного человечества), методы теоретического анализа отечественной и зарубежной лингводидактической и методической научной литературы по проблеме, методическое прогнозирование.

Результаты исследования и их обсуждение. Образование — важнейшая составная часть любой культуры, обеспечивающая воспроизводство культурного кода. Отечественное высшее образование на рубеже 2010—2020-х гг. претерпело самые серьезные изменения за весь постсоветский период. Эти изменения были обусловлены как мировыми тенденциями в развитии высшего образования, так и социальными потрясениями, главным из которых стала пандемия вируса COVID-19.

Не будет ошибкой утверждение, что в нашей стране перед началом эпидемии уже в полную силу проявили себя такие мировые тенденции, как маркетизация и массовизация высшего образования. Зарубежные исследователи довольно давно обсуждают маркетизацию высшего образования, обусловленную неолиберальными идеями в экономике и в сфере общественных отношений [1—5]. Говорится о массовизации (массификации) высшего образования, в том числе в развивающихся странах [1; 2]. Отмечаются рост количества студентов на одного преподавателя, возросшая мобильность студентов. Это привело к увеличению численности студенческих групп, что может негативно сказываться на качестве обучения [1]. Одной из главных движущих сил, обусловивших такое развитие, исследователи называют процессы демократизации общества в разных странах мира.

Отечественными исследователями указываются в качестве ведущих тенденций в высшем образовании «глобализация, интернационализация, регионализация, коммерциализация, поликультурность, социальная и профессиональная мобильность, интеграция» [6]. Выделяются также увеличение продолжительности времени общего образования, необходимость непрерывного образования (на протяжении всей жизни), индивидуализация высшего образования, повышение роли методологических знаний и аналитических навыков [7]. В качестве факторов, определяющих такое развитие, отечественные исследователи называют не только демократизацию общества, но и возрастающую скорость научно-технического прогресса, а также интеграционные процессы, идущие в мире (глобализация).

Все это привело к тому, что в число основных задач высшего образования в настоящее время включается и социализация молодежи, т.е. воспитание человека, способного успешно адаптироваться

к быстро меняющейся социальной, экономической и политической реальности, нацеленного на продуктивную деятельность в социуме [8].

В свою очередь маркетингизация и массовизация высшего образования, увеличение количества студентов и их мобильности, индивидуализация высшего образования, расширение функций высшей школы приводят к тому, что в современном высшем образовании трансформируется сам базовый принцип взаимодействия преподавателя и студента. Традиционная «иерархическая» модель, где студент является объектом, достаточно пассивно воспринимающим знания, сменяется диалогической. Педагогическое взаимодействие приобретает характер партнерства всех субъектов педагогического процесса. Преподаватель больше не доминирует над студентом, педагогическая коммуникация становится двунаправленной, монолог преподавателя заменяется диалогом, где студент — равноправный участник [8; 9].

Пандемия COVID-19 стала серьезным испытанием для вузов всего мира, шоковой проверкой описанной системы [10]. Можно констатировать, что в целом система проверки прошла, проявив ту самую адаптивность, которую современные вузы призваны воспитывать в студентах. Локдаун и самоизоляция повлекли массовый переход вузов к дистанционному обучению и бурное развитие компьютерно-опосредованной педагогической коммуникации, как синхронной, так и асинхронной. В периоды между «волнами» пандемии происходит лишь смягчение карантинных мер, в виде перехода от дистанционного к смешанному обучению, вследствие чего актуальность компьютерно-опосредованной коммуникации снижается незначительно.

Обратной стороной такого интенсивного взаимодействия через посредство электронных устройств стал феномен «zoom fatigue», эмоционального выгорания вследствие постоянных видеоконференций, создающих дополнительную когнитивную нагрузку в процессе общения [11; 12]. На наш взгляд, массовость данного явления переводит эту проблему из разряда чисто психологических или педагогических вопросов в сферу явлений культуры, сопрягает ее с вопросами онтологического порядка.

Эмоциональное выгорание из-за постоянного общения по видеоконференции можно считать очередным проявлением дисгар-

монии естественного и искусственного в современном мире. Данная проблема является предметом размышления философов уже около ста лет; из современников, последовательно занимающихся этой проблемой, можно назвать нижегородского исследователя В. А. Кутырёва [14]. «...С одной стороны, в современной литературе мы встречаем грозные предостережения против наращивания научно-технической мощи современной цивилизации, а с другой — не менее часто это наращивание рассматривается как необходимость, непреложный закон человеческого существования, обеспечивающий прогресс родового человека» [15, с. 148—149].

В обстановке пандемии у миллионов людей просто не было иного выхода, кроме как сделать свое окружение еще более искусственным — чтобы не только выжить, но и продолжать учиться и учить, несмотря ни на что. Разумеется, большинство обучающихся предпочли бы живое общение с преподавателями [10], однако эта естественная составляющая нормального течения человеческой жизни оказалась резко ограничена. Стресс от неопределенности и разрыва многих связей с близкими сам по себе серьезная проблема, и эмоциональное выгорание от постоянных видеоконференций может только усугубить ее. Несколько странными выглядят рекомендации преодолевать эту усталость от технологий еще большим погружением в виртуальную реальность [13]. Так или иначе, вопрос о все более широком использовании компьютерно-опосредованной коммуникации ставился и до пандемии, массовый переход на дистанционное обучение лишь предельно обострил проблему, придав ей, вследствие глобального масштаба, почти онтологический характер.

Кроме видеоконференций, в дистанционном обучении широко задействована такая форма образовательной коммуникации, как электронные учебные пособия. Они «становятся уже не вспомогательными, а основными учебными средствами, приобретая интеллектуальный и адаптивный характер. Однако многие из них обладают невысокими дидактическими качествами. Это связано с возникшим противоречием между возможностями цифровых технологий и слабой проработкой теории и практики создания электронных учебников, учитывающих предпочтения обучающихся, что актуализирует проблему поиска новых способов создания цифровых средств обучения» [16, с. 154].

С учетом эмоционального выгорания от видеоконференций, с одной стороны, у обучающихся возникает желание вернуться к нормальному межлическому общению, а с другой — на электронные учебники и учебные пособия сама собой ложится функция «нормального» взаимодействия с компьютером — как некоего «отдыха» от неестественного и чрезмерного общения через видеоконференции.

Существует множество определений электронного учебника (электронного учебного пособия):

— «специализированный комплекс общих учебных программ с функцией контроля качества знаний на базе современных гаджетов, таких как планшет или планшетный компьютер, который содержит необходимую информацию по предметам образовательных дисциплин» [17, с. 38—39];

— «комплекс обучающих, контролирующих и тестирующих программ на базе ПК или планшета, содержащий всю необходимую информацию по тому или иному предмету» [18];

— электронная модель образовательного процесса, который реализован в рамках определенной дидактической системы [19] и др.

Многообразие определений объясняется двойственной природой электронного учебника. С одной стороны, это программный продукт, относящийся к сфере информатики, а с другой стороны, он признается электронным изданием [19] и подпадает под действие ГОСТ Р 53620-2009 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные образовательные ресурсы». Наличие этих двух «полюсов» определяет типологию электронных учебных пособий: цифровая копия бумажного издания (электронная книга, обычно в формате pdf), гибридное учебное пособие (цифровое издание со ссылками на мультимедийные приложения или иные дополнительные материалы на сайте издательства), интерактивное мультимедийное пособие (как правило на онлайн-платформе) [20].

Исследователями выделяются основные преимущества электронных учебных пособий:

— возможность улучшения обучающей среды за счет яркого и наглядного представления учебной информации, мультимедийное

представление информации удваивает внимание, экономит 30 % времени, обеспечивает более длительное выживание знаний;

— интеграция больших объемов информации на едином носителе разгружает физически учащихся, наличие готовых наглядных материалов разгружает преподавателя;

— возможность построения дополнительного образовательного маршрута изучения материала, подачу материала с учетом индивидуальных особенностей и уровня знаний учащегося;

— возможность взаимодействия между учащимся и элементами структуры учебника, воссоздания приближенных к реальности условий труда учащихся;

— отслеживание и корректировка процесса изучения учебного материала (обратная связь «учитель — ученик»), быстрая обратная связь;

— ссылки на дополнительный материал к каждой теме обучения;

— оперативная корректировка содержания учебных материалов.

Отмечаются и недостатки этой формы учебных пособий:

— не обеспечивает активное участие учащихся на протяжении всего урока;

— сложность процесса оценки, в особенности творческих заданий;

— абсолютная тестотизация проверки знаний не способствует глубокому усвоению получаемых знаний;

— зависимость от электропитания;

— бумажный вариант учебника позволяет поддерживать длительность восприятия информации дольше, чем при работе с электронным учебником;

— необходимость большой предварительной подготовительной (методической) работы со стороны профессорско-преподавательского состава [17; 18]

Отмечается, что электронный учебник в настоящее время не может полностью заменить бумажные учебники (отказ от них не способствует повышению эффективности организации образовательного процесса), однако разумное сочетание традиционных и электронных средств обучения признается эффективным [17; 18].

Электронный учебник иностранного языка может быть определен как программный обучающий комплекс, доступный с любых мобильных и стационарных устройств и включающий

интерактивные мультимедийные упражнения с возможностью выполнения непосредственно в учебнике, графические, аудио- и видеофайлы к каждому упражнению, систему автоматического оценивания результатов выполнения каждого упражнения, а также функционал для учителя, позволяющий отслеживать процесс выполнения упражнений как каждым учеником, так и учебной группой в целом [21]

Н. И. Замерченко и А. В. Кузнецов также формулируют ряд требований к электронному учебнику иностранного языка:

— интеграция с одноязычным толковым и/или двуязычным словарем и мобильным приложением для работы с лексическим материалом между уроками;

— обширная «экосистема» для внеурочной деятельности по иностранному языку;

— полная автоматизация текущего, промежуточного и итогового контроля;

— автоматическое оценивание результатов обучения;

— персонализацию учебного процесса;

— автоматизация проверки письменных работ;

— постоянный сбор обратной связи от ученика по каждому уроку и по каждому компоненту содержания учебника [21].

Ранее исследователи говорили о необходимости автоматизации процесса разработки электронных учебных пособий [19]. Развитие Интернета и программных продуктов дало в руки преподавателей такой инструмент в виде LMS типа Moodle. Обычно данные системы рассматриваются в качестве инструмента поддержки всей дисциплины, не случайно основной единицей таких систем является «курс».

Однако система Moodle достаточно гибкая, чтобы «курс» можно было превратить в электронное учебное пособие, удовлетворяющее всем современным требованиям. Интеграция со словарем может быть достигнута с помощью встроенного инструмента «Глоссарий» (заполнение которого может стать одной из форм самостоятельной работы для студентов) или с помощью расширений для браузера. Автоматизация контроля и оценивания заложены в систему изначально. Даже ключевые для обучения иностранным языкам функции проверки произношения и аудирования могут быть реализованы с помощью плагина H5P (интерактивные элементы

«Speak the Words» и «Dictation»)], платного плагина Speechace. Обратная связь может быть налажена в форме анкетирования, форума и чата. Персонализация учебного процесса достигается путем внедрения индивидуальных траекторий изучения дисциплины с помощью системы достижений. Возможности расширения «экосистемы» практически безграничны, поскольку она может включать любые ресурсы как локальной, так и глобальной сети. Развертывание и поддержание системы могут быть для вуза практически бесплатными (осуществляются силами собственных специалистов по информационным технологиям).

Заключение. Электронные учебные пособия переживают период бурного развития вместе с дистанционным обучением в целом, становясь из прикладного инструмента явлением культуры. С этой точки зрения неслучайно слияние цифровых технологий нашего времени (элемент искусственного мира) и настолько освященного веками такого культурного феномена, как книга (иногда воспринимаемой нами даже не как артефакт человеческой культуры, а как элемент естественного окружения).

Предпосылки отрыва общения (в том числе и педагогического) от прямого межличностного контакта были заложены еще до эпидемии COVID-19 общим развитием мировой системы высшего образования. В период пандемии данная тенденция получила сильнейший стимул и реализацию, близкую к предельной. Наряду с позитивными эффектами, такое развитие образования имело и негативные последствия, в частности чрезмерность компьютерно-опосредованной коммуникации. С точки зрения культурологии это еще более увеличивает присутствие искусственного в окружении современного человека, а с точки зрения педагогики — приводит к когнитивной перегрузке и эмоциональному выгоранию (zoom fatigue). Электронные интерактивные учебные пособия на основе LMS типа Moodle способны позволить обучающимся отвлечься от изматывающих видеоконференций, работая на компьютере в нормальном режиме, без излишней когнитивной нагрузки.

Предположение о том, что видеоконференция (имеющая общие черты с естественным живым общением) утомляет больше, нежели обычная работа за компьютером (несомненный элемент искусственного мира) выглядит парадоксальным и, разумеется, требует проверки в дальнейших исследованиях.

Лучшей заменой видеоконференций будет обычная педагогическая коммуникация лицом к лицу с преподавателем — если позволит текущая эпидемиологическая ситуация. Но не исключено, что естественное (эпидемия) еще не скоро позволит нам отказаться от чрезмерности искусственного в нашей жизни.

Список источников

1. Maringe F, Sing N., Teaching large classes in an increasingly internationalising higher education environment: pedagogical, quality and equity issues // Higher Education. 2014. Vol. 67. Issue 7. P. 761-782. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-013-9710-0>.
2. Jayawardena D. The “MacBurger”, Non-State Universities and the Changing Landscape of Higher Education in Sri Lanka // Journal for Critical Education Policy Studies. 2017. Vol. 15. No. 3. pp. 213-240. ISSN 1740-2743. URL: <http://www.jceps.com/wp-content/uploads/2017/12/15-3-7.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).
3. Kahl D.H., Jr. Critical Communication Pedagogy and Assessment: Reconciling Two Seemingly Incongruous Ideas // International Journal of Communication. 2013. № 7. P. 2610-2630.
4. Polkinghorne M. Roushan G., Taylor J. Considering the Marketing of Higher Education: The Role of Student Learning Gain as a Potential Indicator of Teaching Quality // Journal of Marketing for Higher Education. 2017. Vol. 27. No. 2. P. 213-232 DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08841241.2017.1380741>.
5. Ahmed, J. Massification to Marketization of Higher Education: Private University Education in Bangladesh // Higher Education for the Future. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 76-92. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/2347631115610222>
6. Мызрова К. А. Современные тенденции развития высшего образования // Креативная экономика. 2011. № 9. С. 48—52.
7. Суворов Н. А. Тенденции развития высшего образования в современном мире // Научный вестник МГТУ ГА. 2012. № 182. С. 103—108.
8. Zholdasbekov, A.A., Yesimkhanova N.A., Zholdasbekova B.A., Sakhieva F.A. Pedagogical communication as the important condition of the training process effectiveness // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. № 3.
9. Matthews, K.E., Dwyer A., Hine L., Turner J. Conceptions of students as partners // Higher Education. 2018. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0257-y>.
10. Маталова С.В., Шевяков Е.Г. Дистанционное обучение иностранных студентов в медицинских вузах России: pro et contra // Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1. С. 147—154. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44920354> (дата обращения: 01.11.2021).

11. Fauville G., Luob M., Queiroz A.C.M., Bailenson J.N., Hancock J. Zoom Exhaustion & Fatigue Scale // *Computers in Human Behavior Reports*. Vol. 4, August—December 2021, 100119. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100119>.
12. Peper, E., Yang, A. Beyond Zoom Fatigue: Re-energize Yourself and Improve Learning // *Academia Letters*. 2021. Article 257. DOI: <https://doi.org/10.20935/AL257>.
13. Gruber A. Employing innovative technologies to foster foreign language speaking practice // *Academia Letters*. 2021. Article 178. DOI: <https://doi.org/10.20935/AL178>.
14. Кутырев В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород. Изд-во «Нижний Новгород», 1994. 199 с.
15. Ерофеева К. Л. Философия человека: антропология и аксиология. Иваново, 2013. 216 с.
16. Пак Н. И., Потупчик Е. Г., Хегай Л. Б. Концепция трансформационных и перевернутых электронных учебников // *Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования*. 2020. № 17. С. 153—168.
17. Варенина Л. П. Электронный учебник: за или против // *KANT*. 2017. №4 (25). С. 38—41.
18. Пенно М. А. Преимущества и недостатки электронных учебников // *Концепт*. 2016. № 07. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76090.htm>. (дата обращения: 03.11.2021).
19. Овчинникова К. Р. Учебник и электронный учебник: исторический экскурс // *Сибирский педагогический журнал*. 2007. №8. С. 292—305.
20. Использование электронных учебников в дистанционном обучении [Видеозапись]: вебинар для преподавателей русского языка как иностранного 03.11.2021. Режим доступа: <https://youtu.be/6dpHxl2pXFk> (дата обращения 03.11.2021).
21. Замерченко Н. И., Кузнецов А. В. Модель электронного учебника по иностранному языку нового поколения в условиях введения ФГОС и Профессионального стандарта педагога // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 1(79). С. 417—419.

References

1. Maringe F., Sing N. Teaching large classes in an increasingly internationalising higher education environment: pedagogical, quality and equity issues. *Higher Education*, 2014, vol. 67, Issue 7, pp. 761—782. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-013-9710-0>.
2. Jayawardena D. The “MacBurger”, Non-State Universities and the Changing Landscape of Higher Education in Sri Lanka. *Journal for Critical Education Policy Studies*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 213—240. ISSN 1740-2743. Available at:

<http://www.jceps.com/wp-content/uploads/2017/12/15-3-7.pdf> (accessed 01.11.2021)

3. Kahl D.H., Jr. Critical Communication Pedagogy and Assessment: Reconciling Two Seemingly Incongruous Ideas. *International Journal of Communication*, 2013, no 7, pp. 2610—2630.

4. Polkinghorne M. Roushan G., Taylor J. Considering the Marketing of Higher Education: The Role of Student Learning Gain as a Potential Indicator of Teaching Quality. *Journal of Marketing for Higher Education*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 213—232 DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/08841241.2017.1380741>.

5. Ahmed, J. Massification to Marketization of Higher Education: Private University Education in Bangladesh. *Higher Education for the Future*, 2016, vol. 3, no. 1, pp. 76—92. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/2347631115610222>.

6. Myzrova K. A. Modern tendencies in development of higher education. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*, 2011, no 9, pp. 48—52. (In Russ.)

7. Suvorov N. A. Higher education in modern world. *Nauchnyy vestnik MGTU GA = Civil Aviation High Technologies*, 2012, no 182, pp. 103—108 (In Russ.)

8. Zholdasbekov A. A., Yesimkhanova N. A., Zholdasbekova B. A., Sakhieva F. A. Pedagogical communication as the important condition of the training process effectiveness. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2017, no 3.

9. Matthews, K.E., Dwyer A., Hine L., Turner J. Conceptions of students as partners. *Higher Education*, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-018-0257-y>.

10. Matalova S. V., Shevyakov E. G. Teaching foreign students at medical higher educational institutions of Russia by the use of distance learning: pro et contra. *Gumanitarnye i social'nye nauki = The Humanities and Social Sciences*, 2021, no 1, pp.147—154. (In Russ.)

11. Fauville G., Luob M., Queiroz A.C.M., Bailenson J. N., Hancock J. Zoom Exhaustion & Fatigue Scale. *Computers in Human Behavior Reports*, vol. 4, August—December 2021, 100119. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2021.100119>.

12. Peper, E., Yang, A. Beyond Zoom Fatigue: Re-energize Yourself and Improve Learning. *Academia Letters*. 2021. Article 257. DOI: <https://doi.org/10.20935/AL257>.

13. Gruber A. Employing innovative technologies to foster foreign language speaking practice. *Academia Letters*, 2021. Article 178. DOI: <https://doi.org/10.20935/AL178>.

14. Kutyrev V.A. *Estestvennoe i iskusstvennoe: bor'ba mirov* [The Natural and the Artificial: The Struggle of the Worlds]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod Publ., 1994. 199 p. (In Russ.)

15. Erofeeva K. L. *Filosofiya cheloveka: antropologiya i aksiologiya* [Philosophy of Man: Anthropology and Axiology]. Ivanovo, 2013. 216 p. (In Russ.)

16. Pak N. I., Potupchik E. G., Hegaj L. B. The concept of transformation and inverted electronic textbooks. *Vestnik RUDN. Seriya: Informatizaciya obrazovani-*

ya = *RUDN Journal of Informatization in Education*, 2020, no 17, pp. 153—168 (In Russ.)

17. Varenina L. P. Electronic tutorial: for or against. *KANT*, 2017, no 4 (25), pp. 38—41 (In Russ.)

18. Penno M. A. Advantages and Disadvantages of Electronic Textbooks. *Koncept*. 2016, no 07. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/76090.htm> (accessed 03.11.2021). (In Russ.)

19. Ovchinnikova K. R. Textbook and electronic textbook. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, 2007, no 8, pp. 292—305. (In Russ.)

20. *Ispol'zovanie elektronnykh uchebnikov v distancionnom obuchenii: vebinar dlya prepodavatelej russkogo yazyka kak inostrannogo 03.11.2021* [Use of electronic textbooks in distance teaching: webinar for teachers of Russian as a foreign language]. Available at: <https://youtu.be/6dpHxl2pXfK> (accessed 03.11.2021).

21. Zamerchenko N. I., Kuznecov A. V. The model of a foreign-language electronic textbook of new generation in conditions of introduction of Federal state educational standards and the Professional standard of the teacher. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Issues of theory and practice*, 2018, no 1—2 (79), pp. 417—419 (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Шевяков Евгений Григорьевич

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Приволжский исследовательский
медицинский университет SPIN-код:
9003-0360

603950, Россия, Нижний Новгород,
Минина и Пожарского пл., 10/1

Evgeny G. Shevyakov

Ph. D. in Philology, Foreign Language
Department, Associate Profes-
sor, Privolzhsky Research Medical
University

10/1, Minin and Pozharsky sq.,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian
Federation

Чичерина Юлия Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент,
директор института непрерывного
образования
ФГБОУ ВО «Нижегородский
государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова»

Yulia V. Chicherina

Assistant Professor, Ph. D. in Educa-
tion, Associate Professor,
N. A. Dobrolyubov Linguistics Uni-
versity of Nizhny Novgorod,

SPIN-код 6741-9586
AuthorID 548379

SPIN-код 6741-9586
AuthorID 548379

603155, Россия, Нижний Новгород, ул.
Минина, 31а

31A, Minin street, Nizhny Novgorod,
603155, Russian Federation

Маталова Светлана Валерьевна

Svetlana V. Matalova

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Приволжский исследовательский
медицинский университет,
SPIN-код: 7470-4274

Ph. D. in Education, Foreign Lan-
guage Department, Associate Profes-
sor, Privolzhsky Research Medical
University,
SPIN-код: 7470-4274

603950, Россия, Нижний Новгород,
Минина и Пожарского пл., 10/1

10/1, Minin and Pozharsky sq.,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian
Federation

Гаврилова Вера Викторовна

Vera V. GavriloVA

старший преподаватель кафедры
иностраннЫх языков, Приволжский
исследовательский медицинский
университет, SPIN РИНЦ 4022-2929

Foreign Language Department, Se-
nior Teacher, Privolzhsky Research
Medical University,
SPIN РИНЦ 4022-2929

603950, Россия, Нижний Новгород,
Минина и Пожарского пл., 10/1

10/1, Minin and Pozharsky sq.,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian
Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

06.11.2021
29.11.2021
02.12.2021

ПЕДАГОГИКА

Научная статья / Original article

УДК 378.14

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-155>

Актуальные проблемы подготовки специалистов специального (дефектологического) образования

Сажина Светлана Дмитриевна¹, Герцберг Мария Вячеславовна²

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

¹ sve-sazhina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4797-4211>

² kosp@syktsu.ru

Аннотация. В статье поднимается проблема подготовки специалистов по направлению подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование» в организации высшего образования на современном этапе; указаны причины затруднений, возникающих в специальном и инклюзивном образовании в целом и сделан акцент на проблемах в специальном и инклюзивном образовании, влияющих на профессиональную подготовку в организации высшего образования в частности, а именно: двухуровневая подготовка студентов в вузе; региональные особенности подготовки, зависящие от востребованности кадров в бюджетных организациях; замена подготовки по направлению подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование» на двухпрофильную

подготовку по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование»; отсутствие в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование» профессиональных компетенций; отсутствие профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников; проблемы в использовании информационно-коммуникативных технологий и цифровых инструментов при подготовке дефектологов; проблемы непосредственного взаимодействия с педагогом и очного формата практики; проблемы дефектологического сопровождения, которое обеспечивает включение специальной деятельности во все сферы образовательного процесса и формирование надпрофессиональных навыков дефектолога; проблемы превентивного образования с учетом современных достижений науки и современных проблем в области дефектологии, влияющих на подготовку дефектологов; определена актуальность изменений в подготовке будущих специалистов по направлению подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование» в организации высшего образования (на примере подготовки будущих логопедов и дефектологов). В статье представлен анализ научной литературы по подготовке дефектологических кадров в высшей школе, сформулированы проблемы и пути выхода из них.

Ключевые слова: специальное (дефектологическое) образование, специальное образование, инклюзивное образование, дефектолог, логопед, образовательная организация высшего образования

Для цитирования: Сажина С. Д., Герцберг М. В. Актуальные проблемы подготовки специалистов специального (дефектологического) образования // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 155—170. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-155>.

Relevant Issues of Training Specialists in Special (Defectological) Education

Svetlana D. Sazhina¹, Maria V. Gertsberg²

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹ sve-sazhina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4797-4211>

² muha19-89@mail.ru

Abstract. The article raises the issue of training specialists in field of study 44.03.03 Special (Defectological) Education in Organization of Higher Education at the Present Stage. Reasons for difficulties arising in special and inclusive education in general are indicated and emphasis is placed on the problems in special and inclusive education that affect vocational training in higher education organizations

in particular, such as two-level training of university students, regional peculiarities of training depending on the demand for personnel in budget organizations, replacement of training in field of study 44.03.03 Special (Defectological) Education for Two-Profile by training in field of study 44.03.05 Pedagogical Education, absence of Special (defectological) education of professional competencies in the Federal State Educational Standard of Higher Education in field of study 44.03.03, absence of professional standards corresponding to the professional activities of graduates, problems in the use of information and communication technologies and digital tools in the training of defectologists, problems of direct interaction with the teacher and full-time practice format, problems of defectological support that ensure inclusion of special activities in all areas of educational process and formation of professional skills of a defectologist, problems of modern scientific achievements and modern problems in the field of defectology affecting the training of defectologists; relevance of changes in training of future specialists in the field of study 44.03.03 Special (Defectological) Education in Organization of Higher Education (case study of training of future speech therapists and defectologists) are determined. The article presents an analysis of scientific literature on the training of defectological personnel in higher education, the problems and ways of their solving are formulated.

Keywords: *special (defectological) education, special education, inclusive education, defectologist, speech therapist, educational organization of higher education*

For citation: Sazhina S. D., Gertsberg M. V. Relevant Issues of Training Specialists in Special (Defectological) Education. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2021(4):155—170 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-155>.

Введение. В настоящее время происходит переосмысление отношения в обществе к людям с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) и инвалидам. В сфере российской государственной политики можно отметить значительные позитивные изменения, к которым можно отнести: подписание 3 мая 2012 г. Федерального закона № 46 ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов»¹; принятие в 2012 г. нового Закона «Об образовании в РФ»²,

¹ О ратификации Конвенции о правах инвалидов : Федеральный закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70170066/> (дата обращения: 20.04.2021).

² Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 05.11.2021).

утверждение Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и Федерального государственного образовательного стандарта образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями), внедрение федеральной программы «Доступная среда» и др. Однако на сегодняшний день отсутствует комплексное нормативно-правовое обеспечение процесса специального образования.

По данным Минобрнауки в Российской Федерации из около 20 млн детского населения более 1,5 млн являются детьми-инвалидами или обучающимися с ОВЗ. Для примера, в одном из субъектов Российской Федерации — Республике Коми — по данным Министерства образования, науки и молодежной политики субъекта только за 2020 год психолого-медико-педагогической комиссией (далее — ПМПК) республики обследован 3021 человек. Из общего количества обследованных на ПМПК: лица с ОВЗ — 2431 человек (80 %); лица с инвалидностью — 605 человек (20 %). В 2020/2021 учебном году 2312 воспитанников дошкольных образовательных организаций (4,4 %) являются детьми с ОВЗ (из них 451 — дети с инвалидностью). Численность обучающихся с ОВЗ в общеобразовательных организациях (муниципальных и государственных) составляет 3266 человек (3 % от общей численности всех обучающихся общеобразовательных организаций), 1890 (1,8 %) имеют статус «ребенок-инвалид». Министерство отмечает пропорциональный ежегодный рост численности детей с ОВЗ.

Вместе с тем российская система образования предусматривает вариативность форматов организации образовательного процесса — развивается сеть отдельных образовательных организаций, осуществляющих специальное образование, реализуется сетевое взаимодействие организаций, осуществляющих образовательную деятельность, при организации психолого-педагогического сопровождения обучающихся с инвалидностью, с ОВЗ. Одной из приоритетных форм получения образования лицами с инвалидностью и/или ОВЗ на сегодняшний день становится инклюзивное образование. При правильной организации инклюзивного процесса образования обучающиеся овладевают необходимыми компетенциями и успешно социализируются без какой-либо дискриминации и отчуждения

в условиях полного равноправия. Вместе с тем, несмотря на обширный международный опыт ведения инклюзии, а также российский опыт специального образования, в Российской Федерации существует ряд проблем, препятствующих эффективной реализации специального и инклюзивного образования, а именно, по мнению Н. Н. Малофеева, основные сложности связаны с отсутствием всероссийской программы интеграции детей с ОВЗ, повышения уровня толерантности, самосознания и помогающего поведения со стороны здоровых людей. Без создания и апробации таких программ внедрение инклюзии в систему образования и развитие специального образования будут сопровождаться серьезными проблемами и непониманием со стороны участников образовательного процесса [1, с. 86—94].

Неотъемлемой частью специального и инклюзивного образования является профессиональная подготовка педагогов, работающих в условиях инклюзивного образования, и будущих дефектологов. Одна из проблем была озвучена на IV Всероссийском Съезде дефектологов РФ директором Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Л. П. Фальковской, которая отметила, что по данным министерства сегодня с более чем 1,2 млн детей с ОВЗ работают 11 715 учителей-дефектологов и 50 152 учителя-логопеда. Для нормативного обеспечения не хватает 21 856 логопедов и 26 822 дефектолога. Рассмотрим более подробно проблемы подготовки специалистов специального (дефектологического) образования.

Методы исследования, теоретическая база. Используя методы теоретического исследования, а именно: методы анализа и синтеза, позволяющие найти проблемы и определить пути их решения, методы индукции и дедукции, позволяющие раскрыть проблемы от частного к общему и наоборот, логическое обобщение, позволяющее осуществить переход от одной мысли к другой, от более частной мысли к более общей, нами был проведен анализ нормативно-правовой базы и научных исследований в области специального и инклюзивного образования, а также в области подготовки специалистов-дефектологов.

Проблемы профессиональной подготовки будущих дефектологов рассматриваются в исследованиях С. В. Алёхиной, А. А. Алмазовой, Л. С. Волковой, Л. С. Выготского, А. В. Калиниченко, Е. Е. Китик,

Л. М. Кобриной, В. А. Ковшиковой, Т. В. Кузьмичёвой, О. И. Кукушкиной, В. А. Лапшина, И. Ю. Левченко, Н. В. Маевской, Н. Н. Малофеева, А. А. Марголиса, Н. М. Назаровой Ф. А. Рау, В. И. Селиверстова, Л. Е. Черкасова, Г. В. Чиркиной и др. Н. М. Назарова отмечает «факторы, формирующие закономерные тенденции (как позитивные, так и негативные) в отечественной системе высшего образования» [2, с. 135]. Это и территориальные, социокультурные и экономические отличия регионов, в которых происходит подготовка специалистов, это и «отсутствие системно организованной политики государства, направленной на развитие профессиональной подготовки дефектологов, её экономической поддержки» [Там же], новые требования к подготовке специалистов.

Рассматривая проблемы подготовки специалистов специального (дефектологического) образования, необходимо остановиться на историческом аспекте. Система подготовки дефектологов изменялась точно так же, как и менялось общественное мнение и отношение общества к людям с ОВЗ и/или инвалидностью. В своих работах Н. Н. Малофеев [3] рассмотрел эволюцию отношения общества и государства к лицам с отклонениями в развитии, определил пять периодов эволюции; пять периодов становления систем образования. Российская история развития отношения общества и государства к людям с нарушениями в развитии включает те же периоды, что и в Европе, но с большим отставанием. Европейские страны ушли далеко вперед по развитию положительного отношения общественности к людям с отклонениями в развитии.

Теоретический анализ литературы по проблеме позволяет сделать вывод о том, что отечественная система подготовки специалистов в области специального (дефектологического) образования строится на интеграции знаний психологии, анатомии и физиологии, медицины, онтогенеза и филогенеза, гигиены, генетики, педагогики, философии, лингвистики. Специалист, получивший образование по конкретному профилю подготовки данного направления в системе высшего образования на уровне бакалавриата, должен владеть знаниями из различных областей науки о человеке, обладать разнообразными компетенциями в сфере обучения, воспитания детей с ОВЗ, коррекции нарушений в развитии.

Результаты исследования и их обсуждение. Существует ряд проблем, влияющих на качество подготовки специалистов дефектологического образования.

Говоря о современной подготовке специалистов в области специального (дефектологического) образования, необходимо отметить, что в настоящий момент подготовка специалистов осуществляется только в условиях высших учебных заведений в рамках двухуровневой системы подготовки. На данный момент подготовкой дефектологов по очной форме обучения занимается порядка 128 высших учебных заведений. Из них 120 высших учебных заведений ведет подготовку по заочной форме обучения и 18 высших учебных заведений — по очно-заочной [4]. В результате подготовки на уровне бакалавриата закладываются фундаментальные знания по специальности, а на уровне магистратуры происходит спецификация, узкая специализация по выбранному направлению.

Однако территориальные особенности, разная густота распределения населения, особенности формирования штатного расписания и финансирования образовательных организаций в стране иногда приводят к тому, что на территории одного субъекта Российской Федерации возникает дефицит узких специалистов в области коррекционной педагогики. В ряде регионов снижение штатных единиц специалистов-дефектологов в образовательных организациях приводит к их переходу из «бюджетной сферы» в коммерческий сектор, что в свою очередь отражается на фиксации официального трудоустройства выпускников в условиях региона и влияет на особенности распределения контрольных цифр приема в вузах.

Подготовка вышеуказанных специалистов осуществляется на основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование» (уровень бакалавриата) (далее — ФГОС ВО СДО), который представлен изначально как однопрофильный в силу ряда причин. Такими причинами являются: работа специалистов-дефектологов с детьми разных возрастов (а также со взрослым населением) и разных категорий, а также и то, что область профессиональной деятельности выпускников может быть связана как со сферой образования, так и со сферами здравоохранения и социальной защиты. Например,

обучение по профилю «Логопедия» предусматривает подготовку педагогических кадров для работы с детьми раннего, дошкольного и школьного возрастов; с разными категориями детей с нарушениями в развитии, имеющими речевые нарушения (это не только дети с речевой патологией, но и дети с нарушениями зрения, опорно-двигательного аппарата (в том числе с ДЦП), с задержкой психического развития, с умственной отсталостью, с расстройствами аутистического спектра, а также с множественными нарушениями); в разных отраслях: образование, здравоохранение и социальная защита.

Однако некоторые учебные заведения в целях расширения сферы трудоустройства выпускников вместо подготовки по направлению 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование» включают подготовку педагогов с профилем «Коррекционная педагогика» в рамках двухпрофильной подготовки по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование», что в целом повышает уровень компетентности в области коррекционного образования будущих педагогов образовательных организаций (воспитателей, учителей), но не увеличивает количество профессиональных кадров в области специального (дефектологического) образования.

Также еще одной проблемой подготовки кадров, связанной с ФГОС ВО СДО, является то, что именно в указанном стандарте говорится о том, какими универсальными компетенциями и общепрофессиональными компетенциями должны обладать специалисты.

Вместе с тем профессиональные компетенции в стандарте не указаны, так как образовательная организация определяет их самостоятельно, взяв за основу профессиональные стандарты, соответствующие профессиональной деятельности выпускников (при наличии) (ранее до 2018 года стандарт представлял перечень профессиональных компетенций). Однако на данный момент профессиональный стандарт педагога-дефектолога отсутствует, имеется только проект. Таким образом, единые требования по подготовке специалистов-дефектологов отсутствуют, так как не существует единого перечня профессиональных компетенций. А также отсутствуют примерные основные образовательные программы по разным профилям направления подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование», на которые

можно было бы опираться в соответствии с п.1.4. Таким образом, каждая образовательная организация самостоятельно принимает решение о формировании необходимых профессиональных компетенций и содержании рабочих программ дисциплин, что влияет на качество подготовки специалистов в целом.

В последнее время большое внимание уделяется информационно-коммуникативным технологиям, цифровым инструментам при подготовке дефектологов [5; 6; 7], помогающих будущим специалистам знакомиться с особенностями детей с ОВЗ, расширять свои знания, формировать необходимые компетенции. В работах О. И. Кукушкиной отмечается, что на современном этапе подготовки дефектологов для формирования профессиональных компетенций необходимо использовать «интерактивные учебные карты, описывающие онтогенез; электронные библиотеки иллюстративных детских и семейных случаев; виртуальные учебные симуляторы профессиональной деятельности дефектолога; виртуальные профессиональные практики/тренажеры; профессиональные навигаторы дефектолога в области диагностики и планирования коррекционной работы с детьми с ОВЗ» [6]. Данные цифровые ресурсы предполагается использовать со студентами до контакта с детьми с ОВЗ и вне контактов с ними. Н. В. Маевская и О. И. Кукушкина [8] также предлагают включить интегративную учебную модель логопедического обследования: формирование рабочей гипотезы, а также в дальнейшем просмотр видеозаписей студентами для уточнения логопедического заключения. О цифровых практиках подготовки логопедов — «цикле компьютерных программ для сферы высшего логопедического образования — базе данных (БД)» — говорится в работах Е. Е. Китик и И. И. Кукушкина [9; 10]. Предлагается с помощью виртуальной практики проводить диагностику нарушений фонетического строя речи у детей. Данная практика благотворно сказывается на подготовке студентов, у них формируются необходимые компетенции, знания визуализируются.

Однако, во-первых, такой опыт не может заменить очной практики в образовательных организациях, хотя и способствует формированию более высокой, чем в традиционных условиях, готовности к освоению практической работы с детьми и родителями, а, следовательно, более качественному усвоению знаний и получению умений и навыков в области диагностирования и

планирования деятельности; во-вторых, данные интерактивные ресурсы требуют значительных финансовых затрат, а также специального оборудования и при наличии готовых разработанных технологий симуляции профессиональной деятельности дефектолога являются практически недоступными для периферийных учебных заведений в целом и специалистов, работающих в региональных образовательных организациях, в частности.

Цифровые технологии подготовки дефектологов особо показали свою важность и актуальность в 2020/2021, 2021/2022 учебных годах, когда повсеместно вспыхнули очаги заражения новой коронавирусной инфекции и высшие учебные заведения столкнулись с ограничением возможности организации различных видов практик, предусмотренных ФГОС ВО. Это подтолкнуло педагогов к организации практики в дистанционной среде, что в свою очередь способствовало формированию у будущих дефектологов знаний и умений использования информационно-коммуникационных технологий в профессиональной деятельности (например, подготовка видеосюжетов, адаптированных для обучающихся, презентаций, игр и др.).

Однако по сравнению с практикой студентов медицинских вузов, качество которой улучшилось за счет объема, который возрос в связи с осуществлением волонтерской помощи в больницах, качество практики студентов — будущих дефектологов и логопедов значительно снизилось за счет закрытия образовательных организаций (баз практики) на карантин и отсутствия информационных ресурсов, позволяющих качественно ее заменить. Также нужно отметить, что цифровые технологии не дают тесного вербального и невербального контакта, что необходимо при подготовке специалистов помогающих профессий, в связи с чем возникает потребность разумного сочетания цифрового пространства и непосредственного взаимодействия с детьми в процессе обучения. В связи с этим использование только информационных технологий при организации практик влечет за собой проблемы в подготовке специалистов в области проведения обследований детей, коррекции их развития, работы с родительским сообществом и сообществом педагогов.

Также при подготовке специалистов в области специального образования важно не только владеть знаниями в области

диагностики, коррекции и предупреждения недостатков, но и уметь взаимодействовать с окружающими, особенно, когда логопед или дефектолог будет являться ведущим специалистом в группе или классе для детей с ОВЗ. Дефектологическое сопровождение обеспечивает включение специальной деятельности во все сферы образовательного процесса. В этом случае значимым компонентом могут быть так называемые надпрофессиональные навыки дефектолога, или *soft skills*, способствующие организации успешного взаимодействия со всеми участниками процесса образования. К этим навыкам могут относиться: умение осуществлять культурно-просветительскую деятельность в области дефектологического образования, вести волонтерскую деятельность, осуществлять взаимодействие с родителями, педагогами, общественностью и т.п.

Однако данные навыки не рассматриваются в ФГОС ВО СДО, а работа над их формированием возможна только при включении в учебный план необходимых дисциплин (например, таких дисциплин, как: «Организация работы с родителями детей с ОВЗ», «Педагогическое сопровождение семьи в образовательном процессе», «Интеграция деятельности специалистов по комплексному сопровождению детей с ОВЗ», «Взаимодействие специалистов при коррекционно-развивающей работе с детьми с ОВЗ») и организации работы со студентами во внеучебной деятельности (например: проведение акций, посвященных каким-либо значимым событиям (Дню дефектолога, Дню логопеда и т.п.), помощи детям коррекционных детских домов, домов ребенка и т.п.).

Большое значение при подготовке специалистов специального (дефектологического) образования имеют современные достижения науки и учет современных проблем в области дефектологии, в частности выявленные проблемы ранней диагностики и коррекции отклонений в развитии, системы ранней помощи и интеграции детей с ОВЗ в сообщество нормотипичных детей. В Концепции развития образования обучающихся с инвалидностью и ОВЗ до 2030 г. под общей редакцией Н. Н. Малофеева [11] говорится, что при подготовке дефектологов важно учитывать качественный состав детей с ОВЗ, инвалидностью, детей группы риска начиная с младенческого возраста. Это значит, что, например, в дальнейшем будет активно развиваться превентивная логопедия, понимание которой уже должно закладываться у будущих выпускников,

как и знания о современной профессиональной деятельности дефектолога в разных условиях деятельности с разными группами детей.

Однако анализ основных профессиональных образовательных программ ряда высших учебных заведений показал, что изменения в учебных планах подготовки специалистов за период 3—5 лет незначительны, не проблемно ориентированы и не отображают современные тенденции дефектологии, новые достижения науки. Вместе с тем недостаточность сведений у выпускников о некоторых категориях детей с отклонениями в развитии, о новых тенденциях в дефектологии влечет за собой подготовку специалиста, не умеющего адаптироваться к изменениям на рынке труда.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что профессиональное образование специалистов (дефектологического) образования в современное время востребовано, происходит в быстро сменяющихся условиях, диктуемых государственной политикой, меняющимся обществом, мировыми катаклизмами, цифровизацией образования. В подготовке специалистов дефектологического образования важна как фундаментальность образования, так и новые ориентиры. Целью подготовки является специалист, владеющий знаниями в области клинического, нейрофизиологического и психолого-педагогического развития детей с инвалидностью и/или ОВЗ, учитывающий его возрастные и индивидуальные особенности; ориентирующийся, в первую очередь, на здоровье ребенка; имеющий представление о государственной системе комплексной диагностики и коррекции нарушений у детей начиная с первых месяцев жизни, осуществляющий комплекс диагностических и коррекционно-развивающих процедур и критически относящийся ко всем инновациям коррекции и специального обучения, копирования западных моделей; умеющий взаимодействовать с родителями и профессиональным сообществом, т.е. обеспечивающий максимально возможное в рамках существующей системы качество обучения детей с отклонениями в развитии.

Несогласованность нормативно-правовой базы, отсутствие в данных документах ряда аспектов, влияющих на качество подготовки дефектолога; несвоевременность или невозможность проведения практик в очном формате; отсутствие в планировании

дисциплин, формирующих надпрофессиональные навыки дефектологов и обеспечивающих превентивный формат подготовки специалистов с учетом новых вызовов времени влекут за собой подготовку специалиста, не умеющего принимать решения, исходя из целесообразности и здоровьесбережения, своевременности и актуальности проблем, не осознающего меру ответственности перед детьми и их родителями за качество своей деятельности.

Список источников

1. Малофеев Н. Н., Шматко Н. Д. Интеграция и специальные образовательные учреждения: необходимость перемен // Дефектология. 2008. № 2. С. 86—94.
2. Назарова Н. М. Специальная педагогика: история развития научного знания и подготовка педагогических кадров : монография. М.: Спутник+, 2009. 158 с.
3. Малофеев Н. Н. Современный этап в развитии системы специального образования в России: результаты исследования как основа для построения программы развития // Альманах Института коррекционной педагогики. 2000. № 1. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-1/sovremennyy-etap-v-razvitii-sistemy> (дата обращения: 22.08.2021).
4. Вузы России со специальностью специальное (дефектологическое) образование — 44.03.03. URL: <https://vuzoteka.ru/5-44-03-03> (дата обращения: 20.09.2021)
5. Бахина А. В. Эффективность цифровых инструментов формирования общекультурных и профессиональных компетенций // Альманах Института коррекционной педагогики. 2021. № 43. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-43/the-effectiveness-of-digital-tools-for-the-formation-of-general-cultural-and-professional-competencies> (дата обращения: 20.09.2021)
6. Кукушкина О. И. Цифровые инструменты формирования профессиональных компетенций дефектологов // Альманах Института коррекционной педагогики. 2021. № 43. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-43/digital-tools-for-the-formation-of-professional-skills-of-special-teachers> (дата обращения: 20.09.2021).
7. Хайдарпашич М. Р. От цифровых инструментов оценки развития детей к цифровым инструментам профессиональной подготовки дефектологов // Альманах Института коррекционной педагогики. 2021. № 43. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-43/from-digital-tools-for-assessing-the-child-development-to-digital-tools-for-professional-training-of-defectologists> (дата обращения: 20.09.2021).
8. Маевская Н. В., Кукушкина О. И. Интерактивная учебная модель логопедического обследования: формирование рабочей гипотезы // Альманах Института коррекционной педагогики. 2021. № 43. URL: <https://>

alldef.ru/ru/articles/almanac-43/interactive-educational-model-of-speech-therapy-examination-forming-a-working-hypothesis (дата обращения: 20.09.2021).

9. Китик Е. Е. Использование компьютерных технологий обучения в процессе профессиональной подготовки логопедов // Альманах Института коррекционной педагогики. 2008. № 12. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-12/ispolzovanie-kompyuternyix-tekhnologij-obucheniya-v-procsesse-professionalnoj-podgotovki-logopedov> (дата обращения: 20.09.2021).

10. Китик Е. Е., Кукушкин И. И. Эффективность виртуальных практик диагностики речевых нарушений // Альманах Института коррекционной педагогики. 2021. № 43 URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-43/the-effectiveness-of-virtual-practice-for-diagnosis-of-speech-disorders> (дата обращения: 20.09.2021).

11. Концепция развития образования обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья до 2030 г. / под общей ред. Н. Н. Малофеева. М.: ИКП РАО, 2019. 120 с.

References

1. Malofeev N. N., Shmatko N. D. Integration and special educational institutions: the need for change. *Defektologiya = Defectology*, 2008, no 2, pp. 86—94. (In Russ.)

2. Nazarova N. M. *Special'naya pedagogika: istoriya razvitiya nauchnogo znaniya i podgotovka pedagogicheskikh kadrov : monografiya* [Special pedagogy: history of the development of scientific knowledge and training of pedagogical personnel : monograph]. Moscow: Sputnik+, 2009. 158 p. (In Russ.)

3. Malofeev N. N. The current stage in the development of the system of special education in Russia: research results as a basis for building a development program. *Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki = Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy*. 2000, no 1. Available at: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-1/sovremennyyj-etap-v-razvitii-sistemy> (accessed: 20.09.2021)

4. *Vuzy Rossii so special'nost'yu special'noe (defektologicheskoe) obrazovanie — 44.03.03* [Universities of Russia with a specialty of special (defectological) education — 44.03.03.]. Available at: <https://vuzoteka.ru/5-44-03-03> (accessed: 20.09.2021)

5. Bahina A. V. The effectiveness of digital tools for the formation of general cultural and professional competencies. *Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki = Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy*, 2021, no 43. Available at: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-43/the-effectiveness-of-digital-tools-for-the-formation-of-general-cultural-and-professional-competencies>

6. Kukushkina O. I. Digital tools for the formation of professional competencies of defectologists. *Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki = Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy*, 2021, no 43. Available at: <https://all->

def.ru/ru/articles/almanac-43/digital-tools-for-the-formation-of-professional-skills-of-special-teachers (accessed: 20.09.2021)

7. Hajdarpashich M. R. From digital tools for assessing the development of children to digital tools for professional training of defectologists. *Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki = Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy*, 2021, no 43. Available at: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-43/from-digital-tools-for-assessing-the-child-development-to-digital-tools-for-professional-training-of-defectologists> (accessed: 20.09.2021)

8. Maevskaya N. V., Kukushkina O. I. Interactive educational model of speech therapy examination: formation of a working hypothesis. *Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki = Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy*, 2021, no 43. Available at: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-43/interactive-educational-model-of-speech-therapy-examination-forming-a-working-hypothesis> (accessed: 20.09.2021)

9. Kitik E. E. The use of computer teaching technologies in the process of vocational training of speech therapists. *Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki = Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy*, 2008, no 12. Available at: <https://alldef.ru/ru/articles/almanah-12/ispolzovanie-kompyuternyx-texnologij-obucheniya-v-procессе-professionalnoj-podgotovki-logopedov> (accessed: 20.09.2021)

10. Kitik E. E., Kukushkin I. I. The effectiveness of virtual practices in the diagnosis of speech disorders. *Al'manah Instituta korrekcionnoj pedagogiki. Almanac of the Institute of Correctional Pedagogy*, 2021, no 43. Available at: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-43/the-effectiveness-of-virtual-practice-for-diagnosis-of-speech-disorders> (accessed: 20.09.2021)

11. *Koncepciya razvitiya obrazovaniya obuchayushchihsya s invalidnost'yu i ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya do 2030 g. / pod obshchej red. N. N. Malofeeva* [Concept for the development of education of students with disabilities and disabilities until 2030, edit. N. N. Malofeev.]. Moscow: IKP RAO, 2019. 120 p. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Сажина Светлана Дмитриевна

кандидат педагогических наук,
доцент, заведующий кафедрой
педагогике и психологии образования
института педагогике и психологии,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима
Сорокина

Svetlana D. Sazhina

Candidate of Pedagogy, Associate
Professor
Head of Pedagogy and Educational
Psychology Department of the
Pedagogy and Psychology Institute
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University

ResearcherID G-2134-2016
SPIN 6989-2612

167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

Герцберг Мария Вячеславовна

старший преподаватель кафедры педагогики и психологии образования института педагогики и психологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина; аспирант Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина по направлению подготовки 44.06.01 «Образование и педагогические науки — Коррекционная педагогика (сурдопедагогика и тифлопедагогика, олигофренопедагогика и логопедия)»

167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

ResearcherID G-7788-2016
SPIN 6989-2612

55, Oktyabrsky prosp., Syktyvkar,
167000, Russian Federation

Maria V. Gertsberg

Senior Lecturer of Pedagogy and Educational Psychology Department of the Pedagogy and Psychology Institute of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; PhD student of Pushkin Leningrad State University majoring in field of study 44.06.01 Education and Pedagogy — Correctional Pedagogy (Deaf and Blind Education, Oligophrenopedagogics, and Speech Training

55, Oktyabrsky prosp., Syktyvkar,
167000, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

23.10.2021
16.11.2021
22.11.2021

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Рецензия на книгу / Book review

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-171>

От культуры языка к культуре общения: прагматика, психология, дидактика

Рецензия на книгу: Воробьева О. И., Зотова Е. М.,
Худякова О. Н.: Русский язык и культура речи в медицинской
практике: учебно-методическое пособие. Архангельск: Изд-во
Северного государственного медицинского университета,
2021, 168 с.

**Федуленкова Татьяна Николаевна¹,
Авдеева Наталья Александровна²,**

^{1,2}Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Владимир, Россия

¹ fedulenkova@list.ru; ² natalia.avdeyeva@mail.ru;

Для цитирования: Федуленкова Т. Н., Авдеева Н. А. От культуры языка к культуре общения: прагматика, психология, дидактика. Рецензия на книгу: Воробьева О. И., Зотова Е. М., Худякова О. Н.: Русский язык и культура речи в медицинской практике: учебно-методическое

пособие. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2021, 168 с. // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 171—181. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-171>

From language culture to communication culture: Pragmatics, psychology, didactics

Book Review: Vorobyeva O. I., Zotova E. M., Khudyakova O. N.: Russian Language and Speech Culture in Medical Practice: guidance manual. Arkhangelsk: Publishing house of the Northern State Medical University, 2021, 168 p.

Tatiana N. Fedulenkova¹, Natalya A. Avdeyeva²

^{1,2} Vladimir State University named after A. G.

and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia

¹ fedulenkova@list.ru; ² natalia.avdeyeva@mail.ru

For citation: Fedulenkova T. N., Avdeyeva N. A. From language culture to communication culture: Pragmatics, psychology, didactics. Book Review: Vorobyeva O. I., Zotova E. M., Khudyakova O. N.: Russian Language and Speech Culture in Medical Practice: guidance manual. Arkhangelsk: Publishing house of the Northern State Medical University, 2021, 168 p. Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education. 2021(4):171—181 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2021-4-171>

Внимание специалиста по культуре общения обращает на себя недавно опубликованная книга по культуре речи на русском языке, созданная коллективом авторов — преподавателей Северного государственного медицинского университета. Это не просто учебное пособие по современному русскому языку, преподнесенное как свод лексико-синтаксических правил, предписывающих алгоритмы нормативного построения фраз и высказываний на русском языке, следуя не только системному, но и лингвокультурологическому коду языка [1, с. 178]. Эта книга представляет собою новаторское учебное пособие, которое, с одной стороны, позволяет читателю отчетливо видеть прагматические цели специалиста, пользующегося этим языком в медицинской практике, и, с другой стороны, успешно решать особые коммуникативные задачи, стоящие перед медработниками в каждой конкретной ситуации.

Актуальность данной книги определяется реалиями современного мира — процессами интеграции и интернационализации разных сфер человеческой деятельности, а также новой социально-экономической обстановкой в нашей стране, обозначившей стремление России к вступлению в мировое сообщество; все это обуславливает необходимость владения деловой коммуникацией как общественно и лично значимым фактором, расширяющим возможности самореализации современного человека, и, как следствие, повышает значимость учебной дисциплины «Русский язык и культура речи в профессиональном общении» в системе высшего медицинского образования.

Авторский коллектив создает инновационное учебное пособие по названной дисциплине, которая рассчитана на расширение, углубление и специализацию языкового материала, используемого в профессиональной сфере медицины, получение знаний и навыков профессиональной деятельности и на дальнейшее продолжение обучения по программам послевузовского профессионального образования.

Инновационный характер рецензируемого пособия состоит в том, что в основе его создания лежит концептуальная убежденность авторов в зонтичном (обобщающем) положении предлагаемой учебной дисциплины в ряду социально ориентированных областей знания и стремление авторского коллектива обеспечить освоение данной дисциплины на базовых знаниях, приобретенных студентами при изучении ими курсов медицинского профиля, что, несомненно, обеспечит качество профессионального общения в сфере медицинской коммуникации (см. т.ж.: [2, с. 120]).

Построение книги базируется на основных и неотъемлемых составляющих дисциплины «Русский язык и культура речи в медицинской практике», которые формулируются авторами в виде трех базовых компетенций, а именно:

а) *языковая и речевая компетенции*, позволяющие использовать в профессиональной деятельности различные методики получения профессиональной информации;

б) *коммуникативная компетенция*, позволяющая участвовать в профессиональном общении и обсуждении (в том числе и на иностранном языке) медицинских тем в рамках программы;

в) *социокультурная компетенция*, позволяющая использовать деловую коммуникацию как средство расширения поликультурной междисциплинарной интеграции.

Рецензируемое учебное пособие является эффективным руководством к действию в реализации следующих основных задач дисциплины:

а) развитие коммуникативной способности, формирование критического подхода к современной устной и письменной речи в сопоставлении с современными нормами русского литературного языка;

б) владение способностью к анализу, обобщению информации, постановке целей и выбору методов и путей их достижения, культурой устной и письменной речи, формирование навыков общения в рамках определённой медицинской тематики;

в) обучение работе с текстами делового стиля в устной и письменной форме, работе с деловыми бумагами.

Новаторство подхода к созданию учебного пособия состоит и в том, что авторы максимум своего внимания обращают на профессиональную языковую личность врача, которая рассматривается как центральный компонент системы врачебной деятельности, обеспечивающий ее направленность и успешность функционирования в решении гуманистической цели врачебного труда. При этом выделяется комплекс личностных качеств, необходимых для профессии врача, состоящий из четырех блоков: 1) морально-этические, 2) коммуникативные, 3) волевые, 4) организационные (см. подробнее на с. 9).

Все проблемы личности, рассматриваемые в теории философии, психологии и социологии, прямо или опосредованно связаны с речевым поведением человека. Проще говоря, языковая личность — это личность, проявляющая себя через речевое поведение. Исходя из этого авторы ориентируют профессиональную подготовку студентов-медиков прежде всего на владение языком медицины, на формирование лингвистической, семантической, интерпретативной, текстовой и межкультурной компетенций, являющихся профессионально значимыми. Эти компетенции являются основным условием формирования языковой личности врача независимо от области его специализации. Авторы выявляют специфические требования к развитию языковой личности медика посредством изучаемого языка:

а) готовность и умение воспринимать необходимую информацию в медицинских текстах на родном и иностранном языках

(с опорой на ключевые слова, дескрипторы, понятия) — семантическая компетенция;

б) умение адекватно использовать специальную терминологию на родном и иностранном языке, передавать особенности грамматической организации научного медицинского текста в устной и письменной форме — лингвистическая компетенция;

в) умение перерабатывать полученную информацию, перефразировать, давать дефиниции, резюмировать — общепрофессиональная компетенция;

г) владение навыками номинализации и вербализации на иностранном и родном языке — интерпретативная компетенция;

д) умение пользоваться основными жанрами профессиональной речи (научные медицинские тексты, монографии, статьи) — текстовая компетенция;

е) знание правил ведения деловой беседы, делового разговора, спора, дискуссии, диалога, делового совещания, переговоров и умение формулировать цели и задачи делового общения — коммуникативная компетенция.

Предлагаемая авторским коллективом система обучения русскому языку и культуре речевого общения позволяет студентам научиться решать стоящие перед врачом конкретные коммуникативные задачи, а именно:

- узнать о психологических особенностях больного,
- успокоить пациента, снизить его тревожность,
- «разговорить» больного,
- получить нужные сведения,
- погасить конфликт, снизить агрессивность больного,
- внушить надежду на успешный исход лечения,
- выразить, донести до больного свое сочувствие,
- убедить его в ошибочности представления о заболевании,
- в интересах больного скрыть от него что-то или сообщить неполную информацию,
- добиться полного доверия пациента,
- убедить больного в необходимости строго соблюдать режим или согласиться на операцию,
- направить беседу с пациентом в нужное русло.

Авторский коллектив принимает во внимание такое психологическое качество доктора, обеспечивающее адекватную комму-

никацию в системе взаимоотношений «врач — больной», как эмпатия, способность к сочувствию, сопереживанию, состраданию, своеобразная психологическая «включенность» в мир переживаний больного [3, с. 120]. Выстраивая содержание книги в этом русле, авторы исходят из того, что эмоциональное соучастие помогает установить психологический контакт с больным, получить более полную и точную информацию о нем, о его состоянии, внушить уверенность в компетентности врача, в адекватности осуществляемого им лечебно-диагностического процесса, вселить веру в выздоровление. Как результат такой работы, содержание данного учебного пособия призвано развивать коммуникативную компетентность на основе общительности, которая, закрепляясь в поведении, является предпосылкой для развития таких качеств личности, как направленность на общение, интерес к людям, рефлексия и культивирование бесконфликтного поведения [4].

Несомненно, вузовский курс является важной образовательной ступенью, отличающейся как содержанием, так и технологией обучения, рассчитанной на получение прикладных навыков общения в различных социальных группах. В этой ситуации проявляется ряд новых тенденций, усложняющих решение некоторых организационных и методических проблем в преподавании дисциплины. Осознавая необходимость в функционировании системы речевой подготовки, адекватной современным условиям обучения и социальному заказу, авторский коллектив предполагает, что основу такой системы должен составлять дифференцированный подход к обучению, при котором должны учитываться как разные уровни владения языком студента, так и реальные профессиональные и личностные потребности в языке специалистами конкретного профиля. Реализуя этот подход, авторы учебного пособия создают условия для развития и реализации индивидуальных особенностей, мотивов, интересов, инициатив, социальных установок каждого обучающегося.

Содержание книги убеждает в том, что обучение осуществляется в атмосфере, стимулирующей творческую речевую активность и мотивацию к изучению коммуникации в различных условиях делового межличностного и межкультурного общения. При этом важно, как явствует из книги, чтобы студент ощущал себя полноправным участником процесса обучения, сознательным партнером

общения, что ведет к развитию самостоятельности и личной ответственности за результативность обучения.

Что касается деятельности преподавателя, то она основывается на лично ориентированных педагогических принципах, и учебное пособие дает возможность гибко подстраиваться к многообразию индивидуально-личностных особенностей обучающихся.

Важным компонентом книги является тот факт, что авторами рекомендуется организация учебного процесса, в условиях которой алгоритмирование и усложнение формирования владения общекультурной коммуникативной компетенции осуществляется постепенно, циклично, на основе постоянно функционирующего принципа новизны стимулов [5].

Основной организационной формой обучения русскому языку, культуре речи и профессиональным коммуникациям по предлагаемой программе являются аудиторные занятия. При этом большое внимание уделяется дополнительным формам занятий:

а) обязательная самостоятельная работа студентов по заданию преподавателя, выполняемая на аудиторном занятии;

б) обязательная самостоятельная работа студентов по заданию преподавателя, выполняемая во внеаудиторное время, планируемая либо самим студентом, либо коллегиально с преподавателем;

в) индивидуальная работа студентов при консультативной помощи преподавателя и текущем контроле с его стороны;

г) внеаудиторная работа студентов в читальных и компьютерных залах, в библиотеках, а также в ситуациях общения с носителями изучаемого иностранного языка.

При этом на протяжении всего курса обучения предполагается работа по усвоению учебного материала, формированию и совершенствованию речевых умений и углублению культурологических знаний в соответствии с индивидуальным маршрутом студента [6]. Наряду с этим рекомендуется постепенное и последовательное усиление профессионально-деловой направленности обучения.

Читателю рецензируемого учебного пособия будет интересно познакомиться с системой реализации основных методов обучения, задействованных в данной книге, как-то: а) активизация речевой и мыслительной деятельности студентов посредством выполнения

заданий познавательного и коммуникативного характера; б) проблемно-диалогический метод, развивающий умения речевого взаимодействия (в диаде, в триаде, микро- и макрогруппе); в) ролевое моделирование; г) языковые игры; д) приёмы интенсивного и коммуникативного методов обучения.

В заключение выражаем уверенность в том, что эта весьма актуальная и полная новаторских идей книга значительно расширит круг своих читателей в ближайшее время.

Список источников

1. Федуленкова Т. Н. Лингвокультурологический метод в фразеологии М. Л. Ковшовой: индекс инновации // *European Social Science Journal* (Европейский журнал социальных наук). 2014. №4(43). Т. 2. С. 178—182.

2. Федуленкова Т. Н. Рецензия на диссертационную работу Л. Р. Сардаловой «Функциональные особенности фразеологических единиц в англоязычном научно-популярном медико-оздоровительном дискурсе» ... канд. филол. наук по спец. 10.02.04 — Германские языки (Пятигорск, 2018) // *Вестник Донецкого национального университета*. 2020. № 3—4. С. 120—125.

3. Авдеева Н. А. Применение активных методов обучения как необходимое условие формирования мотивации к изучению иностранного языка // *Организация самостоятельной работы студентов : мат-лы докл. IV Межд. очно-заочной науч.-практ. конф. (27 ноября 2015 г.)*. Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2015. С. 139—144.

4. Бакина А. Д., Иванова А. В., Федуленкова Т. Н. От палитры эмоций до бесконфликтного общения. Рецензия на кн.: *Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков : колл. монография / отв. ред. Е. Р. Иоанесян; ред. колл.: Н. К. Рябцева, М. Л. Ковшова, П. С. Дронов, О. С. Орлова*. М.: ИЯ РАН, 2020. 244 с. // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. 2021. № 2(54). С. 165—170. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-165-170.

5. Поликарпов А. М., Авдеева Н. А., Валуева А. В. Об эффективности ключей к языковым упражнениям: психолого-дидактический и лингвистический аспекты. Рецензия на учебное пособие Т. Н. Федуленковой «Ключи к учебнику “Практический курс английского языка. 1 курс. Под редакцией профессора В.Д. Аракина”» // *Вестник Донецкого национального университета*. 2020. № 3-4. С. 113—119.

6. Ситдикова Г. Р. Проектирование образовательных маршрутов как фактор повышения качества образования // *European Social Science Journal*, 6(45), 2014. Т. 3. С. 83—87.

References

1. Fedulenkova T. N. Linguoculturological method in the phraseology of M. L. Kovshova: an index of innovation. *European Social Science Journal*, 2014, no 4(43), vol. 2, pp. 178—182. (In Russ.)

2. Fedulenkova T. N. Review of the dissertation work of L. R. Sardalova “Functional features of phraseological units in the English-language popular scientific medical and health discourse” for the degree of candidate of philological sciences in the specialty 10.02.04 — Germanic languages (Pyatigorsk, 2018). *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta = Bulletin of Donetsk National University*, 2020, no 3—4, pp. 120—125. (In Russ.)

3. Avdeeva N. A. Application of active teaching methods as a necessary condition for the formation of motivation to learn a foreign language. *Organizaciya samostoyatel'noj raboty studentov: Materialy докладов IV Mezhdunarodnoj ochno-zaochnoj nauch.-prakt. konf. (27 noyabrya 2015 g.)* [Organization of independent work of students: Materials of reports of the IV International part-time scientific-practical. conf. (November 27, 2015)]. Saratov: Publ. House «Tekhno-Dekor», 2015, pp. 139—144. (In Russ.)

4. Bakina A. D., Ivanova A. V., Fedulenkova T. N. From the palette of emotions to conflict-free communication. Review of the book: Representation of the emotional sphere of a person on the material of different languages. Collective monograph / Otv. ed. E. R. Ioanesyan, Eds. N. K. Ryabtseva, M. L. Kovshova, P. S. Dronov, O. S. Orlova. Moscow: IYa RAN, 2020. 244 p. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova = Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov*, 2021, no 2(54), pp. 165—170. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-54-2-165-170. (In Russ.)

5. Polikarpov A. M., Avdeeva N. A., Valueva A. V. On the effectiveness of keys to language exercises: psychological, didactic and linguistic aspects. Review of the textbook by T.N. Fedulenkova «Keys to the textbook “Practical English course. Course 1. Edited by Professor V.D. Arakina”». *Vestnik Doneckogo nacional'nogo universiteta = Bulletin of the Donetsk National University*, 2020, no 3—4, pp. 113—119. (In Russ.)

6. Sitdikova G. R. Designing educational routes as a factor in improving the quality of education. *European Social Science Journal*, 2014, 6(45), vol. 3, pp. 83—87. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about the authors

Федуленкова Татьяна Николаевна

Tatiana N. Fedulenkova

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации гуманитарного института, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых; член Российского Профессорского собрания; член Научного Совета по филологическим наукам РПС; член-корреспондент РАН (Москва)

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor for the Department of Foreign Languages of Professional Communication of Humanitarian Institute, Vladimir State University named after the Stoletov brothers; Member of the Russian Professorial Board (RPB); RPB Member of Scientific Council on Philological Sciences, Corresponding member of RANH (Moscow);

600000, Россия, Владимир, ул. Горького, 87

87, Gorky Street, Vladimir, 600000, Russian Federation

Авдеева Наталья Александровна

Natalya A. Avdeeva

кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации гуманитарного института, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

Candidate of Psychology, Associate Professor for the Department of Foreign Languages of Professional Communication of Humanitarian Institute, Vladimir State University named after the Stoletov brothers

600000, Россия, Владимир, ул. Горького, 87

87, Gorky Street, Vladimir, 600000, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Принята к публикации / Accepted for publication

16.08.2021
26.10.2021

Редакция журнала «Человек. Культура. Образование» тепло и сердечно поздравляет нашего постоянного автора и члена редакционной коллегии Аудру-Крестину Иосифовну с юбилеем и желает дальнейших научных успехов и талантливых учеников!

Гл. редактор Л. В. Гурленова

Краткое сообщение / Brief report

Полемика о перспективах российской культурологии: двадцать лет спустя

По материалам круглого стола в рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, k.zabulionite@holism-culture.org

Polemics on Future Expectations of Russian Culture-study: 20 Years Afterwards

Following the Round-table Discussions in the Framework of the Third
St. Petersburg International Culture-study Symposium

Audra-Kristina I. Zabulionite

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia,
k.zabulionite@holism-culture.org

В рамках третьего Санкт-Петербургского международного культурологического симпозиума 20 ноября 2021 года прошел круглый стол «Полемика Ю. Н. Солонина и М. С. Кагана о фундаментальных основаниях российской культурологии (посвящается памяти проф. Ю. Н. Солонина, к 80-летию со дня рождения)». Ведущий круглого стола — д.ф.н. А.-К. И. Забулионите (Санкт-Петербург). В его работе приняли участие: д.ф.н., проф. И. Б. Ардашкин (Томск), д.ф.н., проф. В. Н. Бадмаев (Элиста), к. культурологии Е. И. Балакина (Барнаул), к.ф.н., доц. Е. В. Барнашова (Томск), д.соц.н., к.псих.н., проф. У. А. Ви-

нокурова (Якутск), д.ф.н, к. культурологии, доц. И. А. Жерносенко (Барнаул), д.ф.н., проф. Л. К. Круглова (Санкт-Петербург), д.ф.н., проф. Л. А. Коробейникова (Томск), д.ф.н., проф. Б. И. Липский (Санкт-Петербург), Д. И. Мамыев (Барнаул), д-р искусствоведения, проф. Л. М. Мосолова (Санкт-Петербург), член-корр. РАН, д.ист.н., проф. И. Ф. Попова (Санкт-Петербург), д.ист.н., проф. О. М. Рындина (Томск), к.ф.н., доц. А. Г. Тишкина (Санкт-Петербург).

Круглый стол прошел в форме научного диспута. Преамбула круглого стола наметила проблемное пространство для предстоящего обсуждения. В ней отмечалось, что установка выразить культуру как целостность и исходя из этого раскрыть смыслы тех или иных явлений культуры является одной из основополагающих аксиом российской культурологии, в рамках которой разрабатываются различные философские и методологические традиции, предлагающие принципиально отличающиеся концептуальные аппараты понятийного выражения целостности.

В 1990-е годы, в пору формирования российской культурологии, вопрос о новой науке стоял в центре дискуссий, развернувшихся по всей стране. В Петербургской дискуссии, инициированной Ю. Н. Солониным, пригласившим к полемике М. С. Кагана, крупнейшего представителя системного подхода в российской культурологии, обсуждение фундаментальных оснований культурологии конкретизировалось как полемика о двух альтернативных стратегиях: системности и целостности в конституировании базового понятия — «культуры». Ю. Н. Солонин обратил внимание на принципиальную ограниченность системных подходов, которые сформировались в рамках механистической (квантитативной) научной программы и были нечувствительны к качественным характеристикам уникальных культур. Он не только указал на принципиальную ограниченность эвристических возможностей системного подхода, но и подчеркивал, что системные подходы переоценены, а потенциал альтернативной научной программы — органицизма, берущего исток в натурфилософии И. В. Гете и философии культуры И. Г. Гердера, не задействован, его понятийный аппарат остается неразработанным. Ю. Н. Солонин обратил внимание на то, что, будучи квалитативной научной программой, органицизм открывает

перспективное направление поисков для понятийного выражения уникальности культур и цивилизаций.

Петербургская полемика о системности и целостности на почве культурологии продолжала обсуждение и конкуренцию двух альтернативных научных программ: механицизма, восходящего к метафизике практического разума, заложенного Ф. Бэконом и Р. Декартом, и органицизма, развивающегося на протяжении двух столетий в философском и научном знании.

Как известно, эти альтернативные научные программы задают содержание основополагающих понятий (времени, пространства, движения, причинности и др.), которые теоретическим знанием воспринимаются уже в готовом виде и не обсуждаются. С их точки зрения принципиально иначе структурируется универсум культур и концептуализируется всемирная история. Системный подход, выявляя общую системную организацию всех культур и цивилизаций, постулирует основанный на разуме прогресс и предлагает формационное структурирование всемирной истории: она делится на этапы, которые в своем историческом развитии проходят все цивилизации и культуры. Понятийный аппарат системного подхода не чувствителен к уникальным параметрам качественно отличающихся картин мира.

С точки зрения научной программы органицизма, универсум культур структурируется исходя из идеи самоценности и самоцельности каждой культуры/цивилизации, а всемирная история мыслится как суммарный вектор взаимодействия таких суверенных субъектов истории. Следует отметить, что всемирная история концептуализируется не как последовательные этапы развития, а как типология уникальных культур, где понятийный аппарат имеет установку выразить уникальность каждой культуры (цивилизации), развивающейся по собственной внутренней логике. Известный образец — установка на выражение качественной определенности уникальных культур в философии культуры О. Шпенглера: идея культурного плюрализма вводится путем постулирования уникального прообраза культуры (аполлоновская душа, фаустовская душа и др.).

Ю. Н. Солонин подчеркивал, что понятийный аппарат органицизма разработан гораздо хуже, но именно его научный потенциал является весьма перспективным в аспекте работы с уникальными

картинами мира разных цивилизаций, ибо эта научная программа изначально ориентирована на создание методологии, работающей с качественными (квалитативными) характеристиками исследуемых явлений.

Обращение Ю. Н. Солонина к программе органицизма оказалось весьма своевременным. Как известно, в XX веке методологический европоцентризм рационалистической традиции, в том числе теоретико-рациональный понятийный аппарат системных подходов, оказался мало продуктивным в исследованиях неевропейских культур. Краткая, но интенсивная дискуссия российского востоковеда Н. И. Конрада с британским философом истории и культурологом А. Тойнби о типологическом таксоне культуры еще раз показала остроту проблемы, но не привела к продуктивным результатам. Нерешенные вопросы теоретического и методологического европоцентризма привели к диверсификации культурологических исследований, к уходу востоковедения, африканистики и других исследований неевропейских культур из общего русла культурологического познания.

Тенденции распада единого интеллектуального пространства познания цивилизаций и культур, явно обозначившиеся во второй половине XX века, не остались незамеченными. С началом формирования российской культурологии, в 1990-е годы, по инициативе Ю. Н. Солонина и Е. А. Торчинова была выдвинута идея формирования и культурологических дискурсов востоковедения. На философском факультете Санкт-Петербургского университета открылась одна из первых в стране кафедр философии и культур Востока, взявшая курс на формирование культурологических дискурсов китаеведения, индологии, арабистики. Развивались компаративные студии под руководством Е. А. Торчинова и М. Я. Корнеева.

Эвристический потенциал научной программы органицизма сегодня все больше привлекает внимание исследователей. Но эта научная программа, ориентированная на качественную определенность, как отмечал Ю. Н. Солонин, еще требует разработки понятийного аппарата. Формирование культурологических дискурсов неевропейских культур предполагает разработку понятийных аппаратов, способных в понятиях (а не в описаниях) выразить качественную уникальность организации картины мира конкретной цивилизации. Это задача, стоящая перед нами, требует

огромной работы по выявлению и созданию системы эйдетических понятий (выражаясь языком Э. Гуссерля, региональных онтологий), раскрывающих картину мира конкретной уникальной цивилизации/культуры: Китая, Индии, Африки или любой другой неевропейской культуры. Только тогда, когда уникальная картина мира будет описана эйдетическими понятиями, выражающими картину мира уникальной цивилизации, можно говорить о состоявшемся ее культурологическом дискурсе.

Наука развивается, осмысливая свои фундаментальные основания. Перед российской культурологией сегодня стоят две стратегические задачи: формирование культурологических дискурсов уникальных культур и цивилизаций (региональных онтологий) и одновременно с этим — новое осмысление проблемы единства культурологии как науки. Обе эти задачи требовательно возвращают нас к вопросам фундаментального характера о соотношении культурологии и философского знания. Культурология, совершившая определенный этап в своем развитии, ныне снова нуждается в обсуждении ее фундаментальных оснований. Как мы видим фундаментальные основания нашей науки сегодня, 20 лет спустя? И как представляется нам перспективное развитие российской культурологии в контексте ее стратегических задач?

До начала мероприятия участники круглого стола представили тезисы, которые позволили выделить три основных проблемных узла для предстоящего обсуждения.

1. Несмотря на то что основополагающий тезис И. Г. Гердера о самоценности и самоцельности каждой культуры и эпохи не вызывает сомнений, а О. Шпенглер не только утверждал плюрализм культур, вводя уникальные прообразы душ, но и обращал внимание на необходимость разработать метод компаративистики, эта задача и сегодня не получила удовлетворительного решения. В. Н. Бадмаев обращает внимание на фундаментальную научно-методологическую проблему: как можно адекватно представить другую культуру?

Прообраз Шпенглера — это то измерение культуры, которое видный российский востоковед Е. А. Торчинов называл «опытом запредельного». По сути, это вопрос об уникальных картинах мира: индийской, китайской, африканской цивилизаций, коренных народов Арктики, Алтая или обских угров... Способна ли наука не на

словах, а в понятиях выразить уникальную картину мира той или иной культуры/цивилизации? Каковы перспективы разработки понятийного аппарата, без которого ни регионалистика, ни компаративистика не может успешно развиваться?

2. Второй проблемный узел — о возможностях и границах теоретической культурологии. Целостность и уникальность культуры — аксиомы российской культурологии, они принимаются исследователями, работающими в разных методологических парадигмах. Но возможно ли в понятиях (а не на словах) выразить уникальность культуры, обращаясь к теоретическим конструктам? В полемике Ю. Н. Солонин обращал внимание на то, что такие концепты культуры, как система или структура, задают рамки познанию и укладывают уникальность в прокрустово ложе жесткого понятийного конструкта. Он обращал внимание на глубинный внутренний кризис, затрагивающий сами основы гуманитарного знания до его онтологического уровня, что требует заново сформулировать базовые ответы на столь же базовые вопросы: что является предметом познания (не в терминологическом, а онтолого-объектном значении), как познаем, до каких глубин проникновения в сущность и достижения уровней обобщения доходим, что есть индивидуально-несводимое и пр. Попытки разобраться в этих вопросах меняют всю ситуацию в науках, в том числе создают особую методологическую ситуацию. Новую методологическую парадигму он связывал с идеей целостности, истоки которой усматривал в гегелевстве и перспективной считал альтернативную механицизму научную программу органицизма.

Может ли альтернативная, научная программа органицизма предложить более совершенные теоретические концепты? А. Г. Тишкина, которая ряд исследований посвятила реконструкции и выявлению внутренних концептуальных связей теорий, относящихся к научной программе органицизма, обратила внимание на серьезную проблему культурологии: с помощью теоретических конструктов не получается выразить уникальную картину мира цивилизации/культуры. И это перед культурологией снова ставит вопрос: как тогда работать с характеристиками уникальности культур? Способна ли решить эту проблему теоретическая культурология в принципе?

3. Третий проблемный узел: каковы перспективы исследования картин мира уникальных культур в ситуации современности? В глобальное цивилизационное пространство втянуты культуры и цивилизации с разной ментальностью и путями исторического развития. Рецепция и трансформация протекает в ускоренных темпах. Исследования трансформации уникальной картины мира ставят ряд не проясненных вопросов. В таком контексте начинает по-новому звучать мысль К. Ясперса, на которую обратил внимание Б. И. Липский (переход от мифологической к метафизической картине мира три цивилизации совершили давно, но сам способ перехода определяет и нынешние сложные взаимосвязи с мифом).

Если картины мира современных культур внутренне связаны со своими мифологическими истоками, до-историческими слоями, то как работать с «археологией» уникальной картины мира современных культур и цивилизаций? Есть ли у исследователей какие-то принципы подхода к этому вопросу в регионалистике? Каковы философские и научно-методологические ориентиры?

Материалы круглого стола готовятся к публикации.

Сведения об авторе / Information about the author

**Забулионите Аудра-Кристина
Иосифовна**

доктор философских наук, профессор
факультета свободных искусств и наук,
Санкт-Петербургский государственный
университет;
профессор института музыки,
театра и хореографии, Российский
государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена

ResearcherID K-7578-2015
SPIN-код: 8876-0190

Россия, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7—9

Audra-Kristina I. Zabulionite

Doctor of Philosophy, Professor
of the Faculty of Liberal Arts and
Sciences, St. Petersburg University;
Professor of the Institute of Music,
Theater and Choreography, Herzen
State Pedagogical University of
Russia

ResearcherID K-7578-2015
SPIN-код: 8876-0190

7/9, Universitetskaya Emb., St.
Petersburg, 199034, Russian Federa-
tion

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 4 (42) 2021

Редактор Л. В. Гудырева
Корректор Е. М. Насирова
Верстка и компьютерный макет А. А. Ергаковой
Выпускающий редактор Л. Н. Руденко

Подписано в печать 13.12.2021. Дата выхода в свет 28.12.2021.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 10,9. Уч.-изд. л. 8,2.

Заказ № 129. Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81